

46
Т 50
СССР

ДОРИН

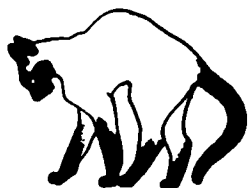
ТОВИ

*Хлопай,
полоти рожи*

**ДЮРИН
ТОВИ**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Новый палец

Хлопот
полон рот

ДОРИН ТОВИ

Хлопот полон рот

Перевод с английского

И. Г. ГУРОВОЙ

10 46 5 1/1

Москва
«Дрофа»
2003

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Вел)-44я5
Т 50

10

Doreen Tovey
**THE NEWBOY
DOUBLE TROUBLE**

Серия основана в 1994 году

**Иллюстрации
О. Келейниковой**

ISBN 5-7107-6930-4

© Перевод, Гурова И., 1996
© Иллюстрации, Келейникова О., 1996
© ООО «Дрофа», 2003

Гобий мангрук

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В то последнее лето ничто не намекнуло нам о горе, которое уже подстерегало нас.

Правда, осенью Шеба болела. «С почками не порядок», — объявил ветеринар, осмотрев ее. А потом мягко втолковал нам, что она уже кошка в годах и почки у нее заметно увеличены, но лечение и диета, если нам повезет, помогут ей продержаться еще год... Мысль о будущем без Шебы нас просто ошеломила.

В течение тринадцати лет жизнью в нашем коттедже на западе страны дирижировала пара сиамских кошек. Умница Шеба, миниатюрная блюпойнт, хрупкая, как цветочек, и Соломон, ее шумный братец, дюжий силпойнт, наш растяпа клоун.

Каждый дюйм в доме и вокруг хранил память об их проделках. Например, о том, как Шеба играла с нами в салочки на крыше угольного сарая. Свисает с края и вопит, что она Здесь и чтоб мы не смели входить в дом без

исе, Не То Ее схватят Лисицы. Но чуть мы встали на цыпочки и протянули к ней руки, она беззаботно отпрыгнула к другому углу, заявляя: «Ха! Ха! Попались, а?» Она-то Лисиц не боится.

А то Соломон, повернувшись к нам темной спиной, недвижимый, как порог, щурится на калитку, прекрасно зная, что мы следим за ним. Соломон, вечный искатель приключений! Причем, насколько это зависело от него — вне пределов наших владений, для чего выбирал момент, когда нам предстояло уйти. Мы, чтобы не дать ему удирать, следили за ним, что твои телохранители. Вытрешь тарелку, беги к двери, проверь, как он там. Вон — сидит у калитки, Подчеркнуто С Нами. У него и в мыслях нет пойти куда-то. Помилуйте, с чего это мы Вздумали Следить За Ним, вопрошала его спина. Но мы-то знали, что он только выжидает удобной минуты, чтобы сиамской молнией исчезнуть, едва мы отведем от него глаза.

Да, конечно, приближалось неизбежное время, когда нам предстояло их потерять. В одном домашние животные предают нас — их жизненный срок короче нашего. Но кошки ведь живут дольше собак, и мы слышали про сиамов — двадцать лет и больше. А наши двое до болезни Шебы не только шагали по жизни с упоением вечных котят, но как будто были юными еще так недавно.

Казалось, стоит протянуть руку, и я прикоснусь к ним тогдашним. В трехмесячном возрасте катаются в тачке по просеке с матерью и братцами, то есть катаются все остальные, а Соломон, рыдая, плетется сзади. В шесть месяцев лежат на нашей кровати вскоре после того, как Шебу стерилизовали. Заинтригованные странным пощелкиванием, мы зажигаем свет — и пожалуйста вам: Соломон в полном расстройстве, что его застучали, когда он старался помочь ей, скусывая швы. Когда после гибели их матери мы в первый раз отвезли их в Холсток, в приют для сиамских кошек, и, уходя, оглянулись, они сидели бок о бок в своей просторной мощеной вольере и печально смотрели нам вслед. Хвостикши у них перекрещивались,

будто двое детишек держались за руки, чтобы подбодрить друг друга. Миссис Фрэнсис говорила, что в вольере они только так и посиживали.

С тех пор унеслось тринадцать лет, подобно майскому туману под порывами ветра. Кошкам было семь лет, когда мы обзавелись одиннадцатимесячным осленком. А теперь Аннабель и самой сровнялось семь лет. Осталась она такой же непредсказуемой, как и прежде, а из-за ее возраста, слава богу, можно было не тревожиться: ослы живут по меньшей мере двадцать лет, а нам говорили, что и сорок для них не предел.

Но за кошек я тревожилась. Как самая заядлая в мире пессимистка, тревожилась я за них изначально. Тревожилась, когда они заболели. Тревожилась, если они не мельтешили у меня перед глазами. Во всяком случае, когда не мельтешил Соломон, поскольку Шеба очень редко покидала наш участок. Я ланью мчалась на шум кошачьей драки — а вдруг самый громкий, самый настойчивый вопль (как оно обычно и бывало) испускает Соломон, который первым вступил в бой, а теперь завывает, чтобы я побыстрее явилась к нему на выручку. Иногда я мчалась, когда кошачьей драки не было, вылетала за дверь, вопия: «СОЛОМОН!!!» — и обнаруживала, что просто живущий на холме мальчик репетирует птичьи трели или в Долине приезжие зовут своих собак.

Конечно, возникали неловкости, но меня это мало смущало. Да я бы и на край земли бросилась, лишь бы спасти Соломона. Как, конечно, и Шебу, если бы на то пошло, но Соломона в первую очередь, и не только потому, что на краю земли скорее всего оказался бы именно он, но еще и потому, что для меня он был самый-самый. На протяжении тринадцати лет всякий раз, когда я видела, как он появляется из-за угла или входит в комнату этой своей небрежно-грациозной походкой, меня поражала его бесподобная красота. Он обладал гордой стройностью Востока, откуда происходил. Мордочка его отличала темным шелком. И пусть его раскосые сапфировые

глаза чуть выцвели с годами, все равно таких любящих говорящих глаз я не видела ни у одной кошки.

А самое главное — он был моим другом, именно моим. Если утром вниз первым спускался Чарльз, кто, как не Соломон, несся вверх по лестнице, точка для утренней зарядки когти о ковровую дорожку. А если я никак не отзывалась на его присутствие, он стучался головой о дверной косяк, пока я все-таки не отзывалась, и тогда ставил хвост торчком в знак приветствия. Шеба, подружка Чарльза, уходила с ним посмотреть, что делается в саду, но Соломон ждал, чтобы я оделась, спускался по лестнице и лишь тогда выходил из дома.

Если вечером меня не оказывалось в наличии, например я мыла голову, а потом сушила волосы в спальне, вскоре снизу доносился скрип — это он толкал лапами тяжелую дверь гостиной — или же (если она оказывалась запертой на задвижку) раздавалось его громогласное требование, чтобы Чарльз незамедлительно ее открыл. И вот он несется вверх по лестнице. Мордочка сияет восторгом, потому что он меня все-таки отыскал — ведь правда? Как замечательно, возглашало выражение на ней, что он и я снова вместе.

Да, конечно, но иногда я с ужасом думала о будущем. Девятнадцать — двадцать, говорили мы себе, но ему и Шебе уже было тринадцать. Какое горе приготовила я себе, когда мы его потеряем, и что я буду делать, когда это произойдет?

И вот получалось, что покинет нас Шеба, а если Соломон был для меня номером первым, то Шеба, как я часто ее заверяла, исчислялась для меня девятьсот девяносто девятью тысячными от этой единицы. Просто сердце надрывалось, глядя, как она сидит такая бедненькая, а Соломон во всю мочь старается ее взбодрить, резвится вокруг, будто щенок на паучьих ногах. Он орал, он тыкал ее лапой, он приглашал ее погоняться за ним. Она Больна, тоскливо сообщала ему Шеба. Может быть, он прекратит эту катавасию?

Она страшно похудела и отказывалась есть. Ветеринар назначил лечение и предупредил нас, что ей вредны белки. «Конечно, они составляют естественное кошачье питание, — сказал он, — но плохо действуют на почки». В молодости кошки великолепно себя чувствуют, питаюсь мясом и рыбой, но под старость им полезнее дешевый консервированный кошачий корм, и чем больше в нем круп, тем для Шебы в ее состоянии полезнее. Мы перепробовали шесть сортов, но Шеба и смотреть на них не желала.

В отчаянии, решив, что пока важнее всего заставить ее съесть хоть что-нибудь, мы отложили вопрос о крупяных консервах на потом и вернулись к той пище, которую она предпочитала. И, памятуя о ее повадках, когда она выздоравливала, словно случайно роняли лакомые кусочки перед ней, где бы она в тот момент ни сидела.

Сработал этот прием далеко не сразу. Вначале все кусочки подъяедал Соломон, который рыскал по следу, держа голову низко, точно ищейка с моржовыми усами. «Замечательная игра», — сообщил он нам с восторгом. Может, нам требуется, чтобы он выследил еще кусочек курицы? Тем не менее в конце концов мы добились, чтобы она съела кусочек кроличьего студня с — увы! — сиденья мягкого стула.

В процессе выздоровления кошки становятся очень и очень капризными, когда речь идет о еде. Например, Соломон, оправляясь от тяжелого недуга, соглашался питаться только в оранжерее и только с носка туфли Чарльза. Крабовым паштетом, помню как сейчас. И Чарльз клялся, что от его туфель разило паштетом больше месяца. А один мой знакомый кот для восстановления сил требовал креветок в ванну. Правда, в пустую ванну — он не настолько свихнулся. Но смотреть, как он ест, не дозволялось никому. А креветки должны были возникать перед ним по очереди, или от их вида у него пропадал аппетит. И я была свидетельницей, как его хозяйка часами скорчивалась под краем ванны и бросала в нее креветки — одну... вторую... третью...

Если кто-нибудь вздохнет — как типично для англичан! — и посетует, какими идиотами мы становимся, чуть дело коснется животных, я могу сослаться на мою американскую приятельницу, закаленную создательницу детективных романов, которая как-то добрую часть недели пролежала на животе. Ее кот Робин выздоравливал и соглашался вкушать только свежайшие рубленые бифштексы у нее под кроватью.

Однажды мы вычитали из книги, анализировавшей эту разборчивость, весьма полезный совет раскладывать еду на листах бумаги. Потакайте им, рекомендовал автор, любой ценой постарайтесь заинтересовать их. Болея, они обычно отворачиваются от мисочек, а вот с бумаги едят, потому что это необычно.

Шеба с бумаги есть не стала. «Только с сиденья стула, — сообщила она нам слабеньким голоском. — С того, который за дверью». Только так она способна что-то проглотить. И пусть мы поторопимся, не то у нее пропадет настроение. Ну, со стула так со стула. А поскольку я недавно обтянула сиденье багряным репсом, зрелище это сердце не радовало, пока я не сообразила накрыть сиденье оставшимся лоскутом и кормить страдальцу с него. Лоскут того же самого багряного репса, чтобы ей казалось, будто она кушает прямо с сиденья. Ведь когда я испробовала полотенце, она посмотрела на меня с грустной укоризной и вновь отказалась есть.

Вот так на студне из кролика, сдобренном глюкозой, Шеба медленно преодолела недуг. Более омерзительную смесь трудно вообразить: липкая, тошнотворно зеленоватая. Но Шеба перешла с нее к крольчатине просто, а от крольчатки к говяжьему фаршу. А затем в один прекрасный день я случайно сделала важное открытие — свиные сердца!

Да, совершенно случайно, так как была уверена, что покупаю овечьи. Я заприметила их в городской мясной лавке, решила, что они могут соблазнить нашу больную, и вошла в дверь.

— Овечьи сердца? Сию минуту! — сказал мясник и брякнул два кровавых кома на вощеную бумагу.

Шеба нашла их восхитительными. И уписывала с наслаждением, какого за ней не замечалось уже несколько лет. Она начала являться на кухню и требовать их во весь голос. Усаживалась возле меня с умильным видом, стоило мне достать мясорубку. И вот, после того как она и Соломон уже несколько месяцев питались ими, по два в неделю на двоих (и пожирали их, точно лесной пожар — сухостой), я вошла в лавку и попросила парочку выставленных в витрине овечьих сердец. Новенькая молодая продавщица возразила:

— Так они же не овечьи, а свиные.

Да, они были свиные, что доказывает, какая я простофиля.

— Ну да, я говорил, что они овечьи, — подтвердил мясник в ответ на мои упреки. — Чего покупатель хочет, то я и говорю. Чего зря людей разочаровывать, верно? Им же что свиное, что овечье, что телячье — все едино. В жизни не отличат.

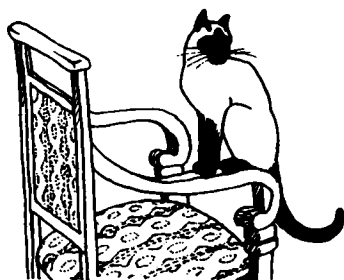
А вот Шеба с Соломоном еще как отличали! Переключенные с места в карьер на овечьи сердца — свинина, как нам постоянно внушали, была им вредна, а они уже месяцы и месяцы питались сырыми свиными сердцами! — наши киски тут же объявили голодовку. Жуткая, Серая, Жирная Дрянь, проворчал Соломон, брезгливо трясая задней ногой над своей миской. И ведь как раз тогда, когда начала выздоравливать, умирающим голоском сказала Шеба, отворачиваясь от своей.

Мы посоветовались со специалистом по кошачьему питанию, и он сказал, что ничего вредного, по его мнению, в свиных сердцах нет, как, впрочем, и ничего специфически полезного. Правда, свиньям часто дают антибиотики, часть которых, возможно, оседает в тканях сердца и, следовательно, в малых дозах может попадать в организм кошки, съевшей такое сердце. И мы вновь вернулись к свиным сердцам. Разумеется, не больше двух в не-

делю вкупе с рыбой, крольчатиной и говядиной. Наши кошки ели их с наслаждением и явной пользой. И Робин в Америке тоже ел свиные сердца с не меньшим наслаждением и не меньшей пользой. Ну, и мы махнули рукой на крупяную диету для Шебы. В принципе ветеринар был в этом абсолютно прав, сказал специалист, но, когда речь идет о старой кошке, не лучше ли кормить ее тем, чего она хочет? Стоят ли лишние два-три месяца жизни тягостного существования на неприятной ей пище?

И мы, внимательно наблюдая за ее состоянием, продолжали пичкать ее порциями сырого свиного сердца. К Рождеству она начала набирать вес. Весной снова начала охотиться, а осенью — год спустя после того, как ей было так плохо — она, если судить по ее виду, готова была прожить еще лет двадцать.

Однако горе на нас все равно обрушилось: умер Соломон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы ничего не подозревали. Иногда он выпивал больше воды, чем обычно, и я тревожилась за его почки. Но, с другой стороны, он ведь никогда ни в чем не знал меры. Пил так уж пил. (Да и вообще сиамы пьют много.) Ел так уж ел. Крушил все, точно слон в посудной лавке, когда у него возникала потребность резвиться в доме.

Тем не менее мы следили за ним. Ну, может быть, легонькое почечное недомогание, говорили мы себе, но в таком случае, значит, он страдает им годы и годы. Мы не помнили времени, когда бы он, всхрипнув днем в машине, не отправлялся к пруду с золотыми рыбками и, перегнувшись через край, не начинал лакать воду долго-долго и с таким хлюпаньем, что его было слышно в самых дальних уголках сада. И он же не пил непрерывно, как Шеба, пока она болела. Да и в любом случае почти все кошки страдают почками, когда стареют, и до тех пор, пока расстройство остается легким, оно им нипочем.

Так мы рассуждали и благодарили судьбу за его, казалось, на редкость крепкое здоровье. Он был упитан, шерсть глянцево лоснилась — короче говоря, он выглядел и вел себя как куда более молодой кот.

Я храню много воспоминаний о Соломоне в эти последние месяцы. Например, однажды весной в саду он как будто вздумал вырыть ямку. Земля была твердой — мы с Чарльзом не большие поклонники мотыги, — а потому я выдернула палку, к которой привязывала георгин, и разрыхлила ее. И до Соломона дошло? Во всяком случае, не то, что имела в виду я. Он лишь подозрительно заглянул в ямку, а не прячется ли там мышь?

Или тот случай, когда он таки поймал мышь. Чарльз тогда занимался пчеловодством. Комбинацию из двух кошек, ослицы, Чарльза и пчелиного улья постичь возможно, лишь испробовав на опыте, но об этом я поведаю в свое время. А пока достаточно сказать, что держать пчел — дело отнюдь не такое простое, как иногда думают. У нас один кризис сменялся другим, так что приходилось вызывать специалиста. И наступил как раз такой момент.

За полмесяца Чарльз потерял два роя. Очень скоро, твердил он, у него не останется ни единой пчелы. Я бы это только приветствовала, но как бы то ни было положение сложилось следующее: специалист должен прибыть с минуты на минуту, Чарльз ожидает его в саду, Соломон оптимистически подстерегает мышей на газоне.

Уже много недель он время от времени посиживал перед зарослями высокой травы у стены. Восседал там в солнечную погоду. Восседал там под дождем. В последнем случае, опасаясь, как бы он не застудил печень, я приносила туда ящик, ставила стоймя, и в нем, к вящему удивлению прохожих, перед зарослями травы восседал Соломон, исполненный невозмутимости, точно часовой в будке перед Букингемским дворцом. Сам Соломон ничего странного в этом не находил. Именно в такие минуты мышь и выбежит, утверждал он.

Но мышь не выбегала. Или же он ее не замечал. Великим охотником Соломон не был, как ни уверял себя в обратном. И тут, в ту самую минуту, когда прибыл специалист по пчелам, Соломон таки сцапал мышью! Прадедушку всех полевок в почтенных летах, такого жирного, что, возможно, он не сумел увернуться. Соломон выволок добычу на середину газона, грозно поглядывая на нас поверх нее, готовый защищать ее от всего мира. Одно при творство, как мы отлично знали. Но именно тогда в калитку вошел специалист по пчелам, а заодно и пылкий любитель всех животных и столпов Общества их защиты! Свиный косоглазый Соломон собирается пытаться мышку, а мы словно бы с полным равнодушием стоим себе в стороне.

— Вы что же, так ее у него и не отберете? — спросил он возмущенно.

Мы бы отобрали, будь она живой, объяснила я. Но эта выглядела мертвой — собственно, мы стояли, проверяя, не шевельнется ли она. А если она все-таки жива, то ее спасение потребует особой стратегии.

— Потому что кот такой свирепый? — спросил специалист по пчелам.

Потому что, объяснила я, мы много лет спасали мышью, приподнимая его за шкурку — осторожно, так, чтобы его передние лапы и туловище повисали в воздухе, но задние опирались на землю. Тогда он ронял мышью, а мы ее подхватывали. Но теперь Соломон наконец понял, что к чему. Когда мы его приподнимали, он вытягивал передние лапы, чтобы самому поймать падающую добычу, а вдобавок для пушей предосторожности перекусывал ей позвоночник, едва мы ее хватали.

— И она в любом случае погибнет, — объясняла я. — А потому мы ждем, не пошевелится ли она, а тогда, чуть он ее отпустит, мы его схватим, прежде чем он успеет снова ее сцапать.

Соломон, словно в подтверждение, осторожно положил мышью на газон и поглядел на нас.

- Ну, вот видите — она же мертвая, — сказала я умиrotворяюще.

После чего мышь встала и побрела прочь. Мы бы спасли ее даже тогда, если бы специалист по пчелам бросился к Соломону вместе с нами. Соломон схватил мышь и смерил нас мрачным взглядом. С чувством исполняя роль Пантеры, Отступающей с Добычей (Соломон всегда любил эффектную драматичность), он ускользнул к углу коттеджа, на каждом шагу подозрительно оглядываясь на нас через плечо. И тут, в попытке доказать специалисту по пчелам, что мы были не так черны, как малевал нас Соломон, я махнула рукой на осторожность и бросилась за ним. Ну и, конечно, Соломон мышь прикончил.

Ничего хорошего. Но, что было хуже, когда специалист и Чарльз направились к улью в глубине сада, Соломон подбрасывал дохлую мышь в экстазной сиамской пляске на газоне слева. А когда они вернулись, закончив свое дело, Соломон подбрасывал еще одну, теперь уже справа. И невозможно было сделать вид, будто мышь та же самая. Первая была большой жирной полевкой, а вторая — крохотной бурозубкой. И не только Соломон, редчайший неумеха, когда дело шло о ловле мышей, умудрился в первый и последний раз в жизни изловить две за десять минут, как уныло указал потом Чарльз, но ему обязательно надо было проделать это на глазах такого поклонника Природы, что он, возясь с пчелами, даже не надевал перчаток. (Если они будут жалить его открытые руки, очень серьезно объяснил он Чарльзу, это не обязательно грозит им гибелью, но если жало вонзится в кожу перчаток, то оно будет вырвано, а это — смерть.)

Вот такая картина. Соломон охотится на мышей, допекает Шебу, отправляется на прогулки... Всего за несколько недель до его смерти Долину затопило, и тогда не было ни малейших признаков, что с ним что-то не так.

Все началось с ужасающей грозы. Наши кошки, следуя нашему примеру, не обращали на нее ни малейшего внимания, но мы хорошо знали, что выше на склоне холма

мисс Уэллингтон уже поспешает в свой чуланчик вместе с кошками и прочим. Я попыталась позвонить ей, чтобы поддержать морально, но никто не ответил.

— Свихнутая старушенция, — сказал наш сосед старик Адамс, когда он заглянул с мешком на плече, чтобы подарить мне кочаны капусты, и я рассказала ему об этом. — Снимает чертову трубку, чтобы молния не ударила.

Тем не менее я заметила, что, выйдя из нашей калитки, он направился вверх по склону. Конечно, нагрубит ей, но и удостоверится, что с ней ничего не случилось.

Тем временем мы увели Аннабель в ее конюшню по ту сторону дороги... Аннабель, которая очень даже о себе заботится, стоит пойти дождю, тотчас, приняв позу Любви Изгнанной, стоит на склоне над коттеджем и безушешно мокнет, пока мы не сжалимся и не уведем ее под крышу... Мы затопили камин (июль там или не июль, а было холодно!), и от пылающего огня стало веселей на душе. А потом пошли наверх любоваться грозой.

Над нашими холмами в западном краю разражаются сильнейшие грозы, и эта не явилась исключением. Гремящая завеса из дождевых струй, в небе порывкивает гром, как вышедший на охоту лев. Молнии кривыми саблями вспыхивали позади двурогого холма. Соломон сидел на подоконнике свободной комнаты рядом с нами и, как я помню, с интересом наблюдал происходящее.

Чарльз первым взглянул вниз и увидел, что из-под калитки течет вода.

— Под мостом снова завал, — сказал он. — Пойдем расчистим.

Наш коттедж выходит на мост через ручей — вернее сказать, мостик, под которым часто скапливаются ветки и листья, запружая воду. Но на этот раз дело было в другом. Когда мы вышли на крыльцо, вода уже бесшумно разливалась по саду, точно прилив по пескам, а когда мы поглядели через калитку, то вместо ручья увидели быстро вздувающуюся реку, которая уже затопила дорогу от края до края.

После этого события развивалиеѡ стремительно. Мы кинулись за листами кровельного железа, хранившимися для починки навеса Аннабель, и попытались забаррикадировать калитку. Но едва нам это удалось, как вода ворвалась из-под ворот выше по улице и широким бурым каскадом полилась через опорную стенку.

Мы тут же подумали о прудике в нижнем дворе — поток сразу его промоет, точно струя из крана в мойке — блюдец.

— Плитки! — вдохновенно закричал Чарльз. Нам только что привезли плитки, чтобы вымостить подъездную дорогу. И вот — нам было понятно, что отвести воду от прудика нам не удастся, но нас тешила надежда, что нам удастся снизить ее напор, помешать ей унести рыбок, — и вот мы стоим уже почти по колено в мутной воде и лихорадочно ставим плитки вертикально вокруг прудика, а тут на дороге, шлепая по воде, появляется мистер Перри.

Наверное, его поразил наш вид, но и нас поразил его вид: шагает себе, закатав брючины повыше, укрывая голову и плечи большим черным зонтом. Его жена в гостях на холме, сказал он. Надо ее предупредить, чтобы она не пробовала вернуться домой на машине.

Он успел вовремя. Еще бы пять минут, и он бы уже не прошел по дороге. Ручей, в который со всех склонов лилась вода, превратился в бушующий поток и катил валуны, точно мячики для пинг-понга. И вот тут нам стало не по себе. Неужто это происходит на самом деле? И что нам делать?

Слишком поздно мы сообразили, что отрезаны от Аннабели. Между нами и ее конюшней по ту сторону дороги теперь с ревом проносился скоростной конвейер из кипящей бурой воды и скачущих камней. Если бы даже произошло чудо, и мы удержались бы на ногах, и ни один камень не угодил в нас, перевести Аннабель на нашу сторону нам все равно не удалось бы: она бы пришла в панический ужас и утопила бы нас всех троих.

Торопливо мы разработали два плана кампании. Один для Аннабелли. Если вода поднимается выше, мы привяжемся длинной веревкой к столбу задней калитки, как-нибудь переберемся на ту сторону, не попав под валуны, сломаем стену ее конюшни и уведем повыше, где безопасно. С этой целью Чарльз забрал веревку из гаража, пока еще можно было открыть его дверь, и всюду носил ее с собой, а я, кое-как бродя за ним в полных воды резиновых сапогах, всю ночь об нее спотыкалась.

Второй план для нас и кошек предусматривал, что в случае необходимости мы укроемся в нашей спальне, посадим Соломона с Шебой в парусиновые рюкзаки (их корзины были уже недосыгаемыми — вода не дала бы открыть дверь сарая, где они хранились), вылезем через боковое окно на крышу оранжереи, а с нее переберемся на холм позади коттеджа. Мы и кошки будем пережидать наводнение на одном холме, а Аннабель на другом, точно серны на двух альпийских обрывах, разделенных пропастью, но по крайней мере мы будем в относительной безопасности. Естественно, если мы сумеем еще раз перебраться через поток от конюшни и если выдержит стеклянная крыша оранжереи...

К счастью, до этого дело не дошло. Телефон безмолвствовал. Молния ударила в трансформаторную будку неподалеку от нашего коттеджа, и Долина погрузилась во мрак. Волна продолжала подниматься, и вот уже угрожающе, точно приливная вода о причал, заплескалась у верхней ступеньки кухонного крыльца... Тут на него вышел Соломон, обозрел в отблеске свечей зрелище, открывавшееся с крыльца, и разразился филиппикой по адресу этой дряни, которая подбирается к Нашей Кухне... Еще дюйм, и она заберется в Холодильник, пожаловался он, и что тогда будет с Нашей Едой? Затем он вернулся в дом, нисколько не озабоченный, и присоединился к Шебе у огня. И словно он был маг и волшебник, почти сразу же вода начала спадать.

После этого она ненадолго опять поднялась — выше по Долине прорвало каменный завал, и некоторое время

мы ждали с замиранием сердца, но она вновь пошла на убыль. Между нами и конюшной Аннабели все еще мчался поток, но теперь он был ниже ее порога на фут... на восемнадцать дюймов... на два фута... В три часа, зная, что ей больше ничего не угрожает, мы легли спать. А в шесть уже были на ногах, чтобы обозреть ущерб и потери.

Начала я с того, что подошла, как могла ближе, и закричала Аннабели, что скоро мы к ней придем, уже рассветло. Всю ночь с ее стороны не доносилось ни звука, а мы не рисковали окликнуть ее — вдруг, услышав наши голоса, она вышибет дверь, бросится к нам... и поток унесет ее в темноте. Но теперь, услышав и увидев меня по ту сторону каньона, она дала волю своим долго подавлявшимся чувствам. «ЙоухоухухуХОО», — надрывалась Аннабель, и ни разу мне не доводилось слышать такого облегчения в ослином голосе. Почему же до сих пор она помалкивала? Может, думала, что высадились марсиане, предположил Чарльз. И будучи Аннабелью, не хотела, чтобы они узнали, где скрывается Аннабель.

Чтобы добраться до нее, нам пришлось перепрыгнуть глубокую канаву, где все еще мчалась вода, там, где прежде была дорога. Позже выяснилось, что покрытие дороги поддалось неистовству воды, и это нас спасло. Вместо того чтобы подняться еще выше на всю ширину Долины, вода промыла рытвины пяти футов глубины, а то и глубже, добравшись до уровня, на котором тридцать лет назад были проложены водопроводные трубы, и по этому огромному водостоку устремилась вниз по Долине. Покрытие дороги громоздилось моренами в лугах и на тропках ниже по течению. Оно и теперь покоится там. Выяснилось, что будет дешевле доставить из каменоломни новый щебень, чтобы замостить дорогу. И на это потребовалась неделя с челночной доставкой щебня на самосвалах.

Ну, а в первый день после наводнения Долина была охвачена всеобщим возбуждением. К счастью, никто не

пострадал, и вода практически не залила ни одного коттеджа. Но огороды утонули под грязью. Капуста, которую преподнес нам старик Адамс, оказалась последней, которую он срезал в этом году.

Выехать на машине было невозможно, и все оставались дома, убирая и протирая. Все, кроме нас с Чарльзом, а мы лихорадочно отыскивали золотых рыбок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Чего это вы? Хороните кого-никого? — осведомился старик Адамс, прошлепав по грязи к нам во двор.

Понятный вопрос! Теперь, когда вода схлынула, плитки, которые мы с такой поспешностью расставляли вертикально накануне, окружали рыбный прудик, точно кладбищенские надгробья. Больше всего наш двор напоминал древний погост, обнажившийся, когда море отступило от берега, и впечатлению весьма способствовала грязь, двух-трехдюймовым слоем покрывавшая все вокруг. Подсохшая верхняя граница ее проходила чуть ниже верхушки плит, а пруд за ними представлял собой прямоугольник рыжей жидкой глины, которую мы с Чарльзом зачерпывали сковородками.

Мы объяснили, что ищем наших золотых рыбок.

— Да не найдете вы их, — решительно заявил старик Адамс и без паузы, не теряя больше времени на пустяки, принялся описывать нам вкратце последствия наводне-

ния, насколько он успел узнать. В верхнем конце Долины молния убила лошадь; несколько сотен голов скота заблудились в вересковых пустошах; люди в соседних деревнях отсиживаются у себя в спальнях, отрезанные от всего мира.

— А мамаша Уэллингтон верещит так, что оглохнуть можно, подавай ей доктора нервы полечить, — заключил он внезапно.

Мисс Уэллингтон, которой в ее кремовом коттедже у вершины холма ничего не угрожало, не лишилась даже единой черепицы. Хоть она из предосторожности сняла телефонную трубку с рычага, ее телефон, естественно, отключился, как и все телефоны в округе. Что было и к лучшему, так как в результате она не могла лично допекать замученного доктора. На ее дорожки не попало ни комочка грязи. Многочисленные гномы, кролики и каменные мухоморы, кокетливо украшавшие ее газон, стояли совершенно так же, как и до грозы. И даже на лавочников она пожаловаться не могла. Мы в Долине были вынуждены, как в дни снежных заносов, сами подниматься за хлебом на холм, а ящики с бутылками молока сгружались для всех на одном углу. Мисс Уэллингтон ничто это не коснулось, но, насколько можно было судить, вела она себя так, словно ее бросили в одиночестве на необитаемом острове.

— Твердит, что деревню надо бы эвакуировать, а то вдруг ночью потоп повторится, — сообщил старик Адамс. — Говорит, что это Господня кара за грехи наши. Только не очень-то ей понравилось, когда я спросил, чем она таким занималась, про что мы не знаем. — Он хрипло засмеялся.

Почему Господь выместил эти грехи на наших золотых рыбках, как заметил Чарльз, по-видимому, мисс Уэллингтон в отличие от нас было яснее ясного... Впрочем, все обошлось.

Выгребая глину сковородками и вываливая ее у себя за спиной — что толку выносить ее за калитку, сказал

Чарльз, когда весь двор смахивает на эстуарий Темзы в часы отлива, — мы уже добирались до дна (оставался какой-нибудь фут), когда в сковородке блеснул первый красно-золотой бок.

— Мертвая, — сказала я уныло.

— Ничего подобного, — сказал Чарльз, — я видел, как она шевельнулась.

И действительно, едва мы опустили рыбку в одно из заранее приготовленных ведер, всю облепленную глиной, включая рот и жабры, как она камнем кинулась на дно, раза два бултыхнулась, будто не веря своему счастью, ощутила себя свободной, спиралью поднялась вверх... и затем с видимым глубочайшим облегчением выплонула в воду смесь глины и песка. Отвращение, с каким глина была выплюнута, выглядело настолько комичным, что мы засмеялись. И совсем возликовали, когда глина была вычерпана до самого дна, а в ведрах и кастрюлях, расставленных по двору, радостно кружили четырнадцать крупных золотых рыбок и один линь. Ни единая не пропала, спасибо плиткам. Единственной потерей был еще один линь, а поскольку лини в любом случае остаются на дне прудика (этих двух мы пустили в прудик с самого начала, чтобы они его очищали, и с тех пор их вообще не видели), вода унести его никак не могла, так что он, вероятно, погиб еще раньше от каких-то естественных причин.

Мы стояли там, отдыхая, прежде чем начать снова заполнять прудик и очищать двор от грязи, когда вновь увидели старика Адамса — на этот раз он был с приятелем, которого повел знакомиться с тем, что натворило наводнение. С нами он уже побеседовал, а потому просто помахал нам и прошел мимо калитки. Однако его приятель, которого мы видели впервые, воззрился на нас среди ведер с ликующими рыбками, а когда решил, что отошел на достаточное расстояние, наклонился к уху старика Адамса и буркнул:

— Видал?!

В Долине голоса разносятся далеко.

— Это еще что! Видал бы ты, какие штуки они отчубучивают, — достиг наших ушей невозмутимый ответ старика Адамса.

Так, собственно, оно и было — но всегда в силу обстоятельств.

Например, неделю спустя мы вовсе не по своей вине метались по Долине, закупоривая отверстия водосточков. Их было три — пятнадцатифутовый, по которому ручей протекал перед въездом в наши ворота; тридцатиярдовый выше по Долине, отводящий воду с лугов, и еще один дальше под въездом в ворота нового дома. Обычно по ним струился ручей, зимой вздувшийся, летом мелкий, сбегая с холмов, прозрачный и холодный. Но, как иногда случается в известняковых краях, недавнее наводнение промыло на дне русла разные воронки, и теперь ручей исчезал в них, чтобы опять появиться, когда их снова забьет камнями и галькой.

Всего неделю назад нас оглушал рев потока, и было как-то странно не слышать теперь ничего, кроме жужжания насекомых. Дорожные рабочие сделали свое дело и уехали, оставив после себя дорогу с новехоньким покрытием и в большом возбуждении рассказав нам про гадюку, которую обнаружили в чайной палатке.

— Всего и день как простоял, — сообщил нам десятник («он» был брезентовый навес, который они соорудили на обочине). — Билл, значит, входит чайник поставить, а на полу эта гадина во-от такой длины.

Мы не удивились. В Долине гадюки действительно водятся, а потому муниципальный совет несколько лет назад установил щит с предупреждением:

«Гадюки! В случае укушения звоните такому-то и такому-то 4321».

Значит, мы — крутые ребята, заметил тогда Чарльз, если они сочли нужным предупреждать гадюк...

Многие из тех, кто приезжает сюда из года в год, так ни разу гадюки и не видели, но их в Долине хватает. Впрочем, опасности практически нет, если летом дер-

жаться подальше от каменных оград и зарослей высокой травы, однако мы знали, что в плодовом саду обитает парочка, а иногда мы замечали одну и на дороге. И каждый раз я благодарила судьбу, что наши кошки при этих встречах не присутствовали. Кошки считаются природными истребительницами змей. Шеба, я не сомневалась, блестяще бы это подтвердила, но за Соломона я очень опасалась.

Хоть одна польза от наводнения, сказала я Чарльзу, оно наверняка убрало всех гадюк. Конечно, жаль всякую тварь, чью нору затопило, но, по крайней мере, в Долине теперь безопасно.

Но я ошиблась. На самом деле гадюки, предупрежденные каким-то шестым чувством, видимо, заранее уползли на верхние склоны. Недели две после наводнения стояла жаркая сухая погода, и тогда они начали возвращаться в сырые низины. Но только с исчезновением ручья сырости в Долине осталось маловато. Вот одна и свернулась в тени чайной палатки; потом та, которую Чарльз убил, хотя и очень неохотно, — но следовало подумать о детях, собаках и прочих домашних животных, — когда она лежала идеально замаскированная в траве у дороги; потом та, которая на моих глазах исчезла в водостоке под дорогой, щегольнув зловещим темным зигзагом на спине...

Соломон всегда любил прогуливаться вверх по дороге, и едва покрытие восстановили, как мы возобновили прогулки. Шебу приходилось нести на руках, так громко она вопияла, что Камни Ранят ей Лапы, или же, если мы предоставляли ей выбор, объявляла, что она Никуда Не Пойдет. Но Соломон радостно бежал вприпрыжку позади нас, останавливаясь, чтобы понюхать здесь и пустить струю в посрамление всем кошкам там, а затем припуская галопом на длинных ногах, чтобы нагнать нас, а когда оказывался возле нового дома, торопился упоенно повернуться на его крыльце.

Мы шутили, что нам надо бы купить этот дом, до того он влюбился в это крыльцо. А перед тем, как повернуть

обратно, мы спустили Шебу на землю, и она, забыв о своих драгоценных Ногах, мчалась с веселыми воплями вокруг дома, а Соломон в восторге припускал за ней, а Чарльз стоял на дороге и твердил, что это чужая собственность и им не следует туда забираться, мне же выпадала задача извлекать их оттуда.

Все это складывалось в привычный ритуал, что так нравится сиамам, и не потребовалось много времени, чтобы Соломон обнаружил, что водостоки высохли и, следовательно, их можно включить в расписание развлечений. Сначала все ограничивалось пробными попытками. Заглянуть широко раскрытыми глазами в отверстие и отскочить; рискнуть войти поглубже; первое безмолвное — чтобы никакой бука его не сцапал! — появление из противоположного отверстия трубы. После чего, естественно, ему удержу уже не было. Он кидался к водостокам, едва мы оказывались вблизи от них, стремительно мчался по нему туда и обратно, точно взбесившийся поезд метро, иногда с воплем выскакивая из дальнего конца, иногда вылетая из отверстия, с которого начинал свой путь, в надежде обмануть Шебу, которая заглядывала внутрь, проверяя, где он. А иногда он прятался в середине и вообще не вылезал, так что мы начинали тревожиться, не стал ли он чьей-то жертвой.

В трубе могла притаиться лиса, говорил Чарльз, а когда я возразила, что мы услышали бы шум схватки с лисой, Чарльз сказал, ну так хорек, и отказывался успокоиться. Но только когда я увидела, как в трубу уползала гадюка, мы поняли, насколько опасно это развлечение. Внутри, конечно, сыро, сказал Чарльз. Ну, гадюки и заползают туда.

Вот почему перед прогулкой я отправлялась вперед и затыкала отверстия труб, чтобы Соломон не мог забраться внутрь. Мы знали, что ручей не выйдет на поверхность, пока все воронки не будут забиты, а если это случится, вода просочится сквозь хворост. Но другие люди, гулявшие по Долине, так не считали, а потому из

самых лучших побуждений они убирала хворост из труб так же споро, как я накладывала его туда. Жизнь превратилась в сплошной кошмар — вдруг Соломон заберется в трубу и наткнется там на гадюку? Сколько раз я еле успевала ухватить его за хвост, когда он уже почти исчезал в дыре, точно кролик в шляпе фокусника... Когда ручей заструился вновь, мы испытали невероятное облегчение.

Теперь представляется просто невозможным, что Соломон действительно так резвился. Несколько недель спустя мы отправились отдохнуть, и помню, когда мы вернулись, Соломон радостно ходил за мной по саду, пока я помогала разгружать машину... Соломон катается по газону, ликуя, что он дома... Соломон меньше чем за две недели до смерти весело взмывает в воздух, чтобы поймать мячик... Ему такие игры нравятся, сказал он. И мы давно ни во что такое не играли, верно?

Примерно через месяц мы заметили, что он пьет воды гораздо больше. И не просто за один раз, но снова и снова возвращается к своей миске. И как-то сразу почти перестал есть. Однако больным не выглядел.

На всякий случай мы все-таки вызвали ветеринара. Наверное, с почками у него стало чуть хуже, полагали мы. Полечить его, как Шебу, и все будет в порядке.

Если бы! Позже ветеринар объяснил нам, что в случае с Шебой ее собственный организм компенсировал недостаточность. Частично почки продолжали работать, как это бывает и у людей. Рано или поздно, предупредил он, все повторится, и уже ничего сделать будет нельзя.

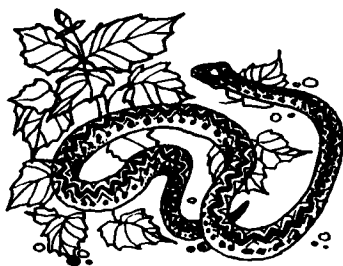
А с Соломоном произошло именно это. Вероятно, компенсации уже имели место, хотя мы этого и не знали.

На протяжении четырех суток ветеринар бывал у нас каждый день. Четыре ночи Чарльз и я сидели с Соломоном. На четвертый день — мой день рождения — мы подумали, что худшее позади. Ночью нас тревожило его тяжелое дыхание, но к утру оно внезапно стало ровным. И, открыв глаза, он посмотрел на нас осмысленным

взглядом, а когда я окликнула его, приподнял голову и повернул ее ко мне.

— Поздравляю с днем рождения, — сказал Чарльз, и я подумала, что такого счастливого дня рождения у меня еще не бывало.

Однако днем его дыхание вновь стало затрудненным. Боли он не испытывает, сказал ветеринар, заглянув перед обедом, но, как ни грустно, он, видимо, умирает. Как последнее средство он ввел ему кортизон, но ничто не помогло. В пять часов утра, пока я его обнимала, Соломон покинул нас. И даже теперь кажется невероятным, что подобное могло произойти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы похоронили его в нашем лесу. На полянке напротив коттеджа, где весной растут желтые нарциссы и где как-то раз, когда он был молодым, мы наблюдали, как он, точно идущий на нерест лосось, взмывал в воздух, стараясь схватить испуганно квохчущего фазана. Мы похоронили его в той самой корзинке, в отверстие которой он еще котенком, пока мы ехали в Холсток, умудрился просунуть свою головенку, и я с трудом водворила его внутрь. Всю жизнь это была его корзинка, а теперь он лежал на ее дне такой неподвижный!

Потом мы вернулись в коттедж к Шебе и новой проблеме. Как она перенесет его утрату?

Довольно спокойно, казалось вначале. Она мурлыкала, и беседовала с нами, и ела, словно ничего не произошло. Однако вечером, чтобы немножко отвлечься от тяжелых мыслей, мы отправились в гости к друзьям, а Шебу, как всегда в таких случаях, оставили с грелкой на

нашей кровати в гнездышке из свитеров. Прежде, когда мы возвращались домой и открывали дверь, тут же слышался глухой удар (Соломон прыгивал с кровати), стук-стук-стук по ступенькам, и, когда мы входили, парочка бок о бок приветствовала нас. И никогда они не поднимали голоса, разве что требуя, чтобы мы Поторопились. Однако, когда мы в этот вечер, вернувшись, шли по дорожке, из дома донеслись звуки, поразившие нас в самое сердце. Шеба в темноте плакала от одиночества.

И она снова заплакала, когда мы легли спать. Она не всегда спала рядом с Соломоном. Ему нравилось спать на кресле в гостиной на одеяле с грелкой, но Шеба, если ночь была теплая, или она сердилась на него, или он сильно храпел, уходила и устраивалась на кушетке. И когда он болел, она с ним не спала. И до этой ночи спала отдельно от него более недели. Однако спали они всегда в одной комнате, и это ее поддерживало. Но, может быть, она вообразила, что он у нас в спальне, а ее бросили вниз. Как бы то ни было, она плакала так, что мы хорошо ее слышали наверху. А потому Чарльз спустился и принес ее в спальню.

Весь следующий месяц она спала у меня на плече каждую ночь. В прошлом это место принадлежало Соломону, а Шеба устраивалась прямо за ним, готовая в любую секунду соскочить на пол и Стать Изгнанницей, если Соломон или я соизволим подвинуться хоть на дюйм. Теперь она нежилась в моих объятиях и мурлыкала, когда я с ней заговаривала. Наконец-то Главная Кошка, говорила она.

Будь так, не знаю, что бы мы делали. Всегда в глубине нашего сознания жила мысль, что мы заведем новую кошку, если потеряем одну из наших. И сразу же. Шумного кота силпойнта, говорили мы, или миниатюрную кошечку блюпойнт... Дом без пары сиямов перестанет быть нашим домом. Но будет ли это честно теперь, когда Шеба по ночам чувствует себя счастливее, чем когда-либо прежде?.. Но как она несчастна днем...

День-другой она, видимо, считала, что Соломон где-то загулялся. Затем, сообразив, что давно его не видела, она принялась искать. Вдруг переставала есть и оглядывалась — где он? Под столом? Сейчас войдет в дверь? Но он не показывался. Вечером она сидела перед огнем и поглядывала через плечо. Почему он не приходит, не садится рядом? Выражение на ее мордочке говорило, что она этого не понимает — он же всегда сидел рядом с ней тут!

Одним из излюбленных ими местечек было гнездышко из свитеров на нашей кровати. В холодную погоду, или если мы куда-то собирались, или просто у них было такое настроение, кто-то из них являлся в спальню, пока я была там, и с надеждой оглядывал кровать. И — будучи слабовольной тряпкой — я поднималась в спальню с грелкой, а они следовали за мной, садились и следили, как я укладываю свитера, а потом располагались рядышком на грелке, точно пара львов с Трафальгарской площади, проводя в такой позе счастливые часы.

А теперь только одна маленькая кошечка просила грелку, а когда я ей ее приносила, изо дня в день сидела только на своей половине, оставляя вторую для Соломона и поглядывая на дверь — когда же он придет. А иногда, когда ожидание и недоумение становились невыносимыми, она уходила сама и начинала его звать. И тяжелее всего для нас было слушать эти тоскливые надрывные стенания, потому что она Искала, а он Все Не Шел.

Как-то вечером она плакала наверху, и мы пришли за ней. Но отыскали не сразу. Она пряталась за креслом в свободной комнате, как когда-то еще котенком, звала его, чтобы выскочить на него из засады, едва он придет. Столько лет прошло с тех пор, как они играли в засады вокруг этого кресла! Значит, она тосковала по нему всем своим существом, раз вспомнила про эту игру и прибегла к этому способу, чтобы заставить его вернуться.

Вот тогда мы и решили окончательно взять котенка. Но тут опять возникла проблема... Шебе нравится быть ночью нашей единственной кошкой... в ее возрасте, при-

мет ли она котенка... да и мы, если дойдет до дела, сможем ли так скоро после смерти Соломона... Но, несмотря на все это, приходилось рискнуть. Главное — найти ей товарища. Иначе горе может отнять у нас и ее.

Когда мы посоветовались с ветеринаром, он сказал, что это самое лучшее, что можно придумать. То же сказали и Фрэнсисы, знатоки психологии сиамских кошек. Мисс Уэллингтон сказала, что из этого ничего хорошего не выйдет и она просто не понимает, как мы можем!! Со смешанными чувствами и родословной Соломона мы отправились на поиски.

Родословную и его фотографию котенком мы взяли, потому что хотели найти наиболее близкое его подобие. Столько людей утверждало, что заменить его нам не сможет никто. «Возьмете другого и полюбите его, — говорили они, опираясь на собственный опыт. — И даже так же сильно, но совсем по-другому. Прежнее не повторится. Такого не бывает. Двух одинаковых характеров просто не может быть».

Нет, может, говорила я себе. Другого характера мне не нужно. Не хочу, чтобы то, чем мне был дорог Соломон, ушло в прошлое. Мне нужен кот, который бы стал для меня Соломоном. Настолько идентичным, чтобы со временем всякая разница стерлась. Если мы найдем котенка, внешне на него похожего, рассуждала я... если удастся, с теми же предками... так будут все причины надеяться, что их повадки тоже окажутся сходными, разве нет?

— Ну, попробовать мы можем, — сказал Чарльз.

Все оказалось гораздо сложнее, чем я думала. Во-первых, шел октябрь и котят было мало — по большей части их появление на свет планируется с учетом ноябрьских кошачьих выставок и повышением спроса перед Рождеством. Кроме того, Соломон родился у нашей первой сиамочки четырнадцать лет назад, а с тех пор мода на сиамов претерпела изменение. Теперь их предпочитали более миниатюрными, с мордочками, как у лесных куниц. Ничего похожего на Соломона. Мне нужен кот с больши-

ми ушами, большими лапами и пятнистыми усами, объясняла я, а на меня смотрели как на помешанную.

Ну, во всяком случае, во время поисков мы на многое насмотрелись. Например, в глуши Глостершира, в уединенном месте, куда вел узкий поселок. Легко было предположить, что владелица укрылась тут ради безопасности — и чтобы вокруг не было соседей, и чтобы наблюдать, как она рвет и мечет, решили мы. Несомненно, кто-то, у кого богатый опыт общения с сиамами.

Насколько богатый, мы поняли, когда вылезли из машины и увидели объявление на дверной ручке: «Извините, котят больше нет». Мы постучали на случай, что нам порекомендуют, к кому еще обратиться, но никто не отозвался. Зато в окне появилась сиамошка и столь негодующе уставилась на нас, что мы поняли, почему владелицы не оказалось дома. «Продала всех моих котят. Ни одного Мне Не Оставила, — сообщила нам скорбная мать. — Пусть только Вернется!»

В следующем месте, где мы побывали, котята имелись в изобилии — и еще там имелся Оскар. Он несколько напоминал Соломона, но вот нос у него был картошкой. Да и в окрасе преобладали бронзовые тона там, где нам требовались темные. Но все равно в нем было что-то привлекательное.

Как, разумеется, во всех сиамах. Оскар (с носом и всем прочим) находился в комнате с самого начала, греясь перед электрокамином. Затем дверь столовой отворилась, и вошла мамочка, по-модному миниатюрная и с родословной, какой позавидовал бы любой фараон. Затем отворилась дверь кухни, и в нее с радостным писком влетело шестеро котят. Кувыркаясь, они устремились к электрокамину, забирались на него, совали лапки в решетку, прятались за ним — все, кроме одного, а он забрался на телевизор и уселся там. Мамочка — по имени Софья — позировала на коленях у своей владелицы. Оскар, единственный оставшийся от предыдущего помета, прыгал между котятами, точно могучая овчарка, приспособившая свой размашистый

шаг к их семенящей пробежке. В мгновение ока комната наполнилась кремовой радостью. Я пожалела, что мы не можем купить всю компанию.

Впрочем, котята по возрасту еще не могли расстаться с матерью — всего шесть недель, и оставаться с ней им следовало до истечения десятой. А Оскару было уже целых шесть месяцев — для Шебы он слишком взросел, решили мы. Если он прыгнет на нее, то, конечно, опрокинет и заведомо ей не понравится. Конечно, любой котенок, подрастая, будет еще и не так резвиться, но мы будем приучать ее постепенно, так сказать, с мелкого конца. Ну, и у них у всех носы были картошкой. Словно мы очутились в портретной галерее Габсбургов. Даже самый крохотный, самый хрупкий из котят взирал на мир из-за могучего габсбургского носа медного цвета.

Не подходит, решили мы с сожалением. Даже если бы Шеба приняла Оскара, в чем мы крайне сомневались (хотя нам-то он очень понравился)... Даже если бы мы прождали месяц ради одного из котят (чего нам совершенно не хотелось), при таком носе мы были не способны вообразить, что вновь обрели Соломона. Ему Мы нравимся, сказал Оскар, решительно усаживаясь перед нами. Мне он тоже нравится, сказала я, подхватывая его на руки и прижимая к груди. Надеюсь, ему удалось обрести хороший дом. Я бы могла его полюбить. Но все время я вспоминала бы другого кота...

Во стольких домах мы побывали, только чтобы вновь испытать разочарование. В одном мы действительно увидели кота, настолько похожего на Соломона, что у меня сердце оборвалось. Увы, он оказался брошенным холощеным котом, которого хозяева приютили. Их кошка, мать котят, была из миниатюрных...

«Приютили» — это слабо сказано. Прежние его хозяева решили эмигрировать и дали объявление в газете, не найдутся ли желающие взять его себе. К счастью, на объявление первыми откликнулись именно Питмены, которые по-настоящему любили сиамов. Ведь его бывшие владельцы отдали бы его кому угодно. Но он-то их лю-

бил, как ни жаль. Через два дня он исчез из дома Питменов. Они догадались, что он отправился в свой прежний дом, но в ответ на телефонный звонок прежние хозяева сказали, что не видели его.

— И не желали его видеть, — гневно сказала миссис Питмен. — Ни о чем, кроме своего чертова австралийского лайнера, даже думать не желали.

И вот когда Сапфо все-таки добрался до своего прежнего дома, перебравшись через шоссе и железнодорожное полотно и каким-то образом через реку, люди, ради которых он проделал эти немыслимые двенадцать миль, отвезли его назад к Питменам, вышвырнули под проливной дождь и укатили. Так, во всяком случае, решили Питмены. А как иначе они могли объяснить тот факт, что через три дня после исчезновения Сапфо они услышали кошачий плач в саду, открыли дверь и увидели его — насквозь мокрого, со стертymi в кровь лапами. Как сказал мистер Питмен, он мог добраться до своих прежних владельцев, но он бы остался там, как бы мало ни был им нужен. Он бы никогда сам не вернулся в новое для него место.

В результате у него началась пневмония, и к тому времени, когда Питмены вытащили его, он уже не хотел расставаться с ними. Ведь тут была собака, которой можно помыкать, и Саманта, сиамоочка, и семья, которой он как будто был нужен...

И теперь он командовал ими, словно они изначально принадлежали ему. Гордо возлежал на кресле и взирал на нас точь-в-точь как Соломон, пока они рассказывали нам о его подвигах. Как, например, он отправлялся спать по ночам у них в кровати. Ложился между ней и мужем головой на подушку, поведала миссис Питмен, а Саманта послушно довольствовалась сушильным шкафом.

Как-то ночью ее муж взбунтовался и заявил, что не будет больше терпеть этого кота у себя в постели. (Не то чтобы он его не любил, объяснила миссис Питмен, но Сапфо занимал столько места, что им приходилось лежать на самом краешке.) Сапфо, протестуя против высе-

ления, укрылся под кроватью. Выманить его оттуда порцией кролика не удалось. Сапфо твердо заявил, что кроличьего мяса не желает и Не Вылезет. И не вылез, сказала миссис Питмен, пока ее муж не встал с кровати закрыть окно, а тогда Сапфо черным стремительным клубком вылетел из-под кровати, вскочил на подушку и скрылся под одеялом. Ну, как тут было не засмеяться, с восхищением сказал мистер Питмен. После этого они уже не пытались его изгонять.

Да, Сапфо выпала редкая удача. О чем свидетельствовало то, как он снизошел выпить молока, которое принесла ему в блюдечке дочка Питменов. Растянулся в кресле на боку, томно приподнимая голову, чтобы полакать. О том же свидетельствовала история его пропажи. Ну, такой любитель прогулок, сказала миссис Питмен. Никогда не знаешь, где он отыщется в следующий раз.

Ну, так в этом случае они уже часы и часы искали, и тут кто-то сказал, что видел его некоторое время назад на скотном дворе Джонсонов, а когда они прибежали туда, то увидели огромную кучу дымящегося навоза, которой утром там не было... Ну, они всегда опасались худшего, вздохнула она. (Мне ли не понять! После долгих лет жизни с сиамами мы тоже всегда ожидали самого скверного.) А фермер куда-то отлучился, а взять лопаты они не решились, чтобы не ударить Сапфо...

И вот когда фермер вернулся, она, ее муж и дети лихорадочно перекладывали навоз пригоршнями. Они с дочкой плакали, ностальгически припомнила миссис Питмен, представляя себе, как задыхается бедненький Сапфо.

— Черный такой котик? Перепугался трактора, когда я навоз привез, — весело сообщил фермер. — Ну, и залез вон на то дерево. Неужто он еще домой не вернулся?

Нет, Сапфо не вернулся, а все еще сидел на дереве меньше чем в двадцати шагах от навозной кучи и все это время наблюдал за ними. С самой макушки. И уж конечно часами звал на помощь, пока они не пришли. Когда

они сбегали за лестницей и сняли ёго, выяснилось, что он совершенно лишился голоса.

Ну, вот так. Он и Саманта поладили друг с другом. И ведь когда они его взяли, ему было четыре года, а Саманте два. Это нас приободрило: возможно, и Шеба не будет иметь ничего против, когда мы принесем домой нашего нового мальчика.

Вот только... удастся нам хоть когда-нибудь найти котенка совсем такого, как Соломон?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Говорят, самый темный час ночи наступает перед рассветом. И в тот субботний вечер я оставила всякую надежду. Мы обзвонили все питомники, о которых слышали, объездили наше графство и все соседние — и ничего! Когда зазвонил телефон, я даже подумала, что не стоит брать трубку. Я так устала повторять, нет, мы все еще его не нашли.

Одна знакомая поторопилась сообщить еще адреса. Я вежливо ее поблагодарила, начала звонить больше по инерции... Обычная история. В первом месте все котята уже разобраны. Во втором — еще маленькие. (Я всегда начинала с вопроса, маленькие ли котята, и почти без исключений ответ был «да»). Но в третьем... Нет, они вовсе не маленькие, с энтузиазмом заверил меня голос в трубке. И мать и отец — ее, и отец просто великан. Да, и темный, и с большими ушами, как у летучей мыши... Ну, просто портрет Орlando. Она подождет его отдавать, если я хочу его посмотреть.

Нет, я не ослышалась. Оказалось, что Орlando не держат под замком, как принято с котами-производителями. У них только одна кошка, объяснила миссис С. Они просто любят котят, а не преследуют коммерческие цели. А потому им приходилось пускать Орlando на поиски других жен, не то он перевернул бы весь дом вверх дном.

И на следующий день он как раз готовился к этому приступить. Мы стояли в холле, который словно был заимствован из голливудского павильона. Примерно пол-акра пола закрывал роскошный мягкий ковер. В центре лестница из кружевного чугуна изящным полукругом вела на второй этаж. Справа в нише в бассейне со сложенным из камней гротом в зеленоватой подсвеченной воде среди кувшинок лениво плавали рыбки. Я все еще тарасила глаза, а мое сознание отказывалось воспринять это — золотые рыбки... бассейн в доме... с сиамскими кошками?! И тут в двери в глубине холла приоткрылся щиток, из-под него выскочил сиамский котенок, бросил на нас, пробегая мимо, пронизывающий взгляд и исчез в комнате слева.

— Один из них. Один из мальчиков, по-моему, — сказала миссис С. — А шум поднимает Орlando. Мы его заперли после завтрака, и ему это не нравится.

«Шум» — это было мягко сказано. Судя по воплям, Орlando живьем пилили пополам. Он хотел Выйти На Волю. Он обещал встретиться с Кошкой. Они хотят, чтобы он тут все разнес вдребезги? — ревел голос, в котором, несомненно, было что-то от Соломона. Сейчас он и начнет, предостерег голос после паузы, необходимой, чтобы перевести дух.

Мы вошли в комнату. Те, кто не знаком с сиамами, конечно, ожидали бы увидеть ревущего саблезубого тигра, не меньше, и кучку перепуганных котят, жмущихся к робкой, нервной кошечке — если они еще раньше не забились где-нибудь под кровать. Но мы несколько не удивились, узрев троицу котят с темными мордочками — котята беззаботно прыгали по стульям, кошечка силпойнт

вылизывала заднюю ногу на каминном коврикe, и никто из них не обращал ни малейшего внимания на могучего черноплечеого кота, который, крепко зажмурившись, чтобы способнее было вопить, восседал посреди комнаты и орал для собственного удовольствия.

Комната вполне гармонировала с холлом. Огромная, с великолепным ковром, концертным роялем в углу и разбросанными повсюду кушетками, словно в каком-нибудь первоклассном отеле. И сиамов тут хватало для любого сверхфешенебельного отеля. Орландо, его супруга, трое котят и... на мгновение мне показалось, будто я брежу... и еще один крупный силпойнт, а также и блюпойнт. Увидев, что я смотрю на них, миссис С. объяснила: блюпойнт была кошкой, от которой они прежде получали котят, а теперь она наслаждалась заслуженным отдыхом. Силпойнт Уильям был одним из взрослых сыновей Орландо. Разумеется, он охолощен, сказала миссис С., не то он бы не ладил с отцом. Из-за постоянных отлучек Орландо так приятно, что в доме есть еще мальчик.

Но меня поразило не их количество. Просто на меня среди этой неслыханной роскоши смотрел не один кот, удивительно похожий на Соломона, но — мне все еще не верилось! — но целых три. Орландо и его супруга, очень друг на друга похожие. И высокомерно поглядывающий на нас с рояля Уильям, их сын. Слово я видела Соломона в трех зеркалах трюмо. Те же глаза, та же костная структура, тот же бархатистый темный окрас. И мы не удивились, когда, сравнивая родословные Соломона и Орландо, обнаружили в них обоих Рикки, отца Соломона. Но, конечно, Орландо Рикки приходился прапрадедом.

Теперь вопрос заключался лишь в том, которого из двух котят-мальчиков мы возьмем. Того, что, кончив играть, размышлял на кресле, подобрав под себя лапки, или длинноногого с торчащим задом, который все еще трусил кругами по полу. И тут он подошел к папаше, ткнул его лапкой и вызывающе прижал ушки. Вот этого, сказали мы хором.

И тут же увезли его с собой. Видимо, что-то подсказало нам, что мы найдем искомое, и, впервые отправляясь на поиски, мы захватили с собой корзину.

Мы захватили также ящик с землей, так как намереваясь поехать отсюда к брату Чарльза, захватив с собой котенка, если мы его купим. И еще (только с нами могло случиться такое, подумала я) я сжимала в руке пакет с индюшачьими ножками.

Его мне вручил муж миссис С., чтобы было чем поддерживать силы котенка, пока не откроются магазины, сказал он. Нет, они не покупали их специально для кошек, а просто один их друг был управляющим загородным клубом, где в меню всегда присутствовали индейки, и они получали все остатки для кошек... Котята растут буквально только на индюшатине и курятине, сказал он.

И вот мы катим с ящиком, пакетом ножек, а у меня на коленях в корзине Шебы благим матом надрывается Новый Мальчик. Когда мы сравнили его с фотографией Соломона котенком, он выглядел прямо-таки его копией. Большие уши, огромные лапы, точно такой же широкий лоб, а под ним черная масочка. А теперь он и вопил, как Соломон. Похитили! Клаустрофобия! Выпустите его! Слово в корзине надрывался Соломон по дороге в Холсток. Да и корзина, в которой столько раз спокойно сидела Шеба и добродушно беседовала с нами, увозимая в тот же Холсток, теперь словно превратилась в мину, вот-вот готовую взорваться у меня на коленях.

— Ну, он хоть лап не высовывает! — сказала я, чтобы немножко разрядить атмосферу. (А разрядить ее было необходимо: Чарльз, угрюмо стискивая баранку, при каждом вопле вздрагивал, словно от удара парового молота.) И все-таки мне не следовало предаваться беспочвенному оптимизму. В следующий же момент из дырки стремительно высунулась лапа в черном носочке и вцепилась в рукав Чарльза, словно крюк багра.

Ну, во всяком случае, в дом брата Чарльза котенок попал живым — первый шаг оказался удачным. Затем мы

выпустили его из корзины в гостиной, и у меня появились другие причины для тревоги. Хотя для своего возраста он был крупным, но, усевшись там, выглядел таким маленьким и одиноким. С тех пор как у нас жили котята, прошло много лет, а его надо было оберегать от стольких опасностей! Гадюки... лисицы... пустые водостоки... холмы, где можно заблудиться... А он рос среди такой роскоши... бассейн с золотыми рыбками в доме... питаюсь индюшатиной! Сколько у нас шансов вырастить его?

Но его никакие тревоги не мучили, это было ясно. Он посидел у всех на коленях, испробовал коготки на ножках стульев и кресел, важно справил свои делишки за кушеткой, когда мы показали ему, куда поставили его ящик. Сиди прямо, лапки сложи и Покажи Этим Людям, так, видимо, наставляла его мамочка. И совсем один, такой маленький среди чужих, он присел в ящике, как мог прямее, и проделал все, что требовалось, с достоинством монарха.

Чего никак нельзя было сказать о его манере есть — исключая, разумеется, Генриха Восьмого. Даже Соломон в расцвете сил не пожирал все с такой быстротой. Или мы просто забыли? Ну, как бы то ни было, индюшатины он смел, как бульдозер, выпил несколько блюдец молока... Иногда он поглядывал на восхищенных зрителей и с набитым ртом блаженно говорил «вааа!». А затем, немножко посидев и понежившись, устроился поспать. Поскольку мамочки рядом не оказалось, он нашел наиболее подходящую ей замену — брата Чарльза в просторном кремового цвета свитере. Такого большого сиамы он еще не видел, заявил Сили, свертываясь белой улиточкой у него на груди.

Сили — так его называла я. Официально он звался Соломон Секундус, но я не могла произнести «Соломон», не вспомнив... Ну, и временно я назвала его Сили, ведь он же был силпойнтом.

Какой молодчага, сказал Чарльз, когда поздно вечером мы ехали домой. Держаться так храбро среди незнакомых... Одним словом, молодец!

Молодчагой он оставался, даже когда время от времени просыпался и начинал орать.

— Он же еще малыш, а кругом такая темь, — добродушно сказал Чарльз. — Да и мне только бы добраться до постели!

Естественно, час спустя ни о какой постели и речи не было — мы с фонариками рыскали по дороге, потому что Сили исчез.

Как это произошло, мы понять не могли. Отложив представление его Шебе до завтра (у нас тогда будет больше сил, сказал Чарльз; у него предчувствие, что они нам очень понадобятся), ее мы покормили наверху у нас в спальне, а его внизу в гостиной, плотно закрывая двери, чтобы они ненароком не встретились... (Чарльз сказал, что у него голова кругом идет — запоминай, кто из них где), а потом устроили Сили постельку с грелкой на кушетке — Шеба спала наверху с нами. Поставили ему ящик с чистой свежей землей (и, конечно, еще один наверху для Шебы)... Ну, если мы наконец кончили закрывать двери, точно агенты секретной службы, сказал Чарльз, так, может быть, все-таки пойдём спать? После чего я задвинула заслонку в камине — он был пуст, но мы не хотели, чтобы котенок залез в трубу, а Чарльз вынул ключ и задвинул засов. Но когда я пошла показать Сили его постельку, оказалось, что Сили бесследно исчез.

Мы принялись искать. В каминной трубе — Чарльз заявил, что с заслонкой я опоздала. В саду, куда, по моему убеждению, он выскочил, когда Чарльз открыл дверь, чтобы вынуть ключ. В спальне, куда мы взлетели бок о бок при мысли, что он забрался туда к Шебе, а она его прикончила. И снова в сад — раз его нет в доме, значит, он где-то снаружи.

Пока я металась туда-сюда, мое воображение лихорадочно работало. Не пытается же он вернуться пешком домой, подобно тому как Сапфо убежал к первым своим владельцам? И мне представилось надрывающее душу зрелище: крохотный мужественный белый котенок трусит по

шоссе... Что скажут те, у кого мы его купили, услышав, что мы его потеряли? Мне, столь же надрывая душу, тут же представилось, как я (уж конечно, не Чарльз!) звоню им и сознаюсь... Что, если его схватила лиса? Я похолодела и напрягла слух — не услышу ли замирающий вопль ужаса?

Мы прорыскали бы так всю ночь, светя фонариками, отчаянно торопясь и крича, чтобы отпугивать лисиц, если бы я не вернулась домой в слабой надежде, что мы каким-то образом умудрились не найти его там. Наверху — нет. И в кухне, и в прихожей, и в ванной. А в гостиной царила такая мертвая тишина! Будь он там, подумала я, то почувствовала бы это. Всего час назад она была так полна его присутствия!

И оставалась полна, как тут же выяснилось. Не знаю, что меня толкнуло заглянуть туда, но он лежал там, свернувшись в клубочек, — там, где его сморил сон, ведь он был еще совсем малышом! Под столом на сиденье мягкого стула. Ему Спать Хочется, сообщил он, когда я извлекла его оттуда. И не оглушительным голосом сокрушителя корзины, которым он угрожал нам в машине, а тоненьким вкрадчивым мяуканьем очень маленькой чайки.

Нам тоже хотелось спать, но лечь нам удалось далеко не сразу. Мы же искали котенка такого, как Соломон, и, несомненно, нашли его. Нас ждут годы и годы этого, сказал Чарльз, уныло прижимаясь щекой к своей подушке. Спасибо, а то я не догадалась бы, ответила я, так же уныло прижимаясь щекой к своей. В голове у меня кружился вихрь из лисиц, гадюк, мчащихся мимо машин и — воскрешенные этим первым кризисом с Сили — панические часы, которые я проводила, обшаривая холмы в поисках Соломона, когда и он на сиамский манер бесследно исчезал.

— Пожалуй, я сколочу клетку, — объявил Чарльз после нескольких минут тяжелых размышлений. Нет, не маленькую, пояснил он, а вольеру, чтобы сажать в нее Сили и уже твердо знать, где он.

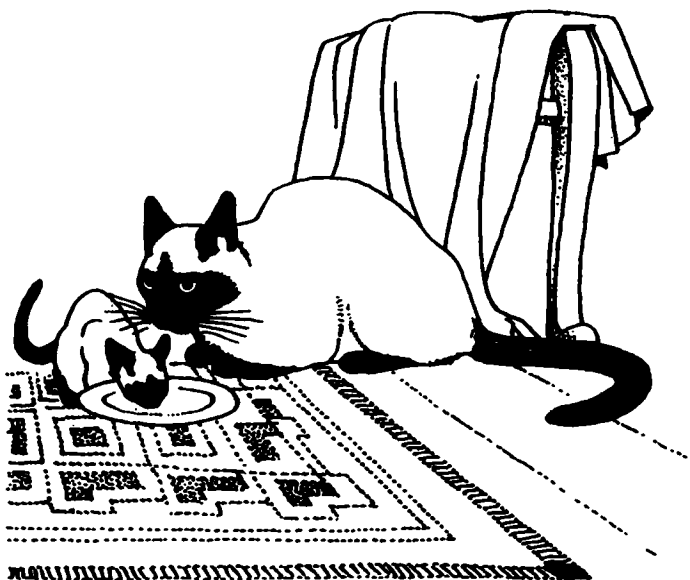
— Ну а пчелы? — сказала я, узрев еще одну опасность: Сили подкрадывается к улью и пытается заглянуть внутрь.

Мы обговорили вольеру, обсудили пчел, учили Аннабель. Нельзя допустить Сили на ее пастбище, сказал Чарльз. Только вообрази, как она его копытом... Сама я еще об этом как-то не подумала, но теперь вообразила, и еще как! Ну и конечно, крышки на все дождевые бочки. Ну, и самое главное, самое неотложное — его знакомство с Шебой.

Заснули мы, когда уже светало. Шеба, не подозревая, что ее ожидает, уютно примостилась у меня на плече. В конце концов, тоже не слишком представляя себе, что ожидает нас, хотя и полагали, что предусмотрели все случайности, возможные на первых порах, мы тоже уснули.

Встали мы в семь, отодвинули засов на кухонной двери, вышли во двор подышать деревенским воздухом перед дневными превратностями... и тут же столкнулись со случайностью, которую не предусмотрели. Сили выбежал из двери раньше нас и тут же свалился в рыбный прудик.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

И вот мы опять вытираем на кухонном столе мокрого котенка.

— Совсем как Соломона, — сказал Чарльз, предавшись воспоминаниям. Да, правда. С той только разницей, что Соломон, когда он столько лет назад свалился в прудик и вызвал такую суматоху, гнался за зайцем и влетел в воду с разгона, тогда как Сили невинно семенил по двору, вскарабкался на бревнышко перед прудиком, о которое Соломон любил точить когти, и, повернув голову влево, чтобы впервые с изумлением обозреть лужайку, продолжал двигаться вперед по прямой и просто влез в воду.

Поразительно, как он в один момент выглядел таким крупным котенком на длинных нескладных ногах — например, когда мы увидели его в первый раз, а в другой (когда пересекал двор) умудрялся казаться совсем малюсеньким. Семенил — единственное подходящее для этого слово. На толстых лапках в черных носочках.

Если мы питали надежду, что его крохотность умилит Шебу, то напрасно. Мы его высушили, покормили завтраком, сами позавтракали, чтобы подкрепиться перед грядущим испытанием. Затем, теперь, когда время настало, ощущая себя предательницей, я принесла Шебу вниз из спальни. Столько лет с Соломоном, думала я, так как же мы ее теперь расстроим!

Нет, она не накинулась на него, как мы опасались. Она просто бросила на него истомленный взгляд и ушла наверх. Где пробыла весь день, тоскливо съезжившись на нашей кровати. Это больше не ее дом, сообщила она нам, когда мы попытались сманить ее вниз. Мы принесли другую кошку, чтобы заменить ее. Она останется наверху и Умрет.

И это напомнило об ушедших годах больше всего остатального. Ей с Соломоном было четыре, когда мы попытались завести еще котенка. В товарищи Соломону, так как Шеба становилась все более чопорной и Соломон порой скучал. Шеба вскоре положила конец нашему плану. В своей кампании против Самсона она далеко превзошла Боадицею, восставшую против римских завоевателей во главе воинственных исени! Она шипела на него, осыпала ругательствами, зловеще следила за ним из окон... а также подралась с Соломоном и укусила его за лапу... Дай ему волю, и он Подружится с этим Котенком, вопила она, вцепляясь в бедного толстяка. А потом принялась шипеть на нас с Чарльзом, и нам пришлось вернуть котенка... Еще одна причина опасаться за Сили. С Соломоном все практически, наверное, уладилось бы. Но Шеба? Нет, мы не забыли перипетий с Самсоном.

Но такой подавленности мы никак не ждали. И снова принесли ее вниз. Она наша самая лучшая, самая любимая девочка, заверили мы ее, поглаживая, всячески лаская. Она же глядела на Сили глазами загнанной лани. Она хочет к Соломону, сказала она, ускользая наверх.

В конце концов, лед сломал Сили, и тут нам улыбнулась судьба. Выбери мы котенка, выросшего в обычной

обстановке — под ревнивой материнской опекой, не видя других взрослых кошек, даже не зная, что на свете есть другие кошки, — Шеба, вероятно, внушила бы ему дикий ужас. Но Сили-то рос в обществе трех взрослых кошек, с отцом, который то покидал дом, то возвращался в стиле коммивояжера... Нет, взрослые кошки Сили не пугали — он давным-давно убедился, что грозить они грозят, но маленьких котят не кусают... ну, конечно, если маленькие котята не заходят слишком уж далеко.

И вот когда мы снова принесли Шебу вниз и на этот раз закрыли дверь, чтобы она снова не ускользнула, она, видя, что пути к спасению отрезаны, наклонила к нему голову и испустила такое зловещее растянутое ворчание, которое насмерть перепугало бы и лося, он с восторженным писком кинулся к ней и сообщил, до чего рад ее видеть. Она же такая Милая. Он хочет с ней Дружить. Как ее Зовут? Вопрос явно сыпался за вопросом.

И, судя по выражению ее морды, Шеба столь же явно отказывалась отвечать на них. Да она завтракает котятками вроде него, угрожающе предупредила она. Но этим и ограничилась — угрозами. А поскольку он не запутивался, наступила вторая стадия их знакомства: Шеба сидела с выражением отчаявшейся мученицы, а Сили, всей мордочкой излучая обожание, решительно усаживался рядом с ней.

Он так старательно ей подражал, что трудно было удержаться от смеха. Если Шеба сидела прямо, он тоже сидел прямо во все свои восемь дюймов. Если Шеба устраивалась на уголке стола, безнадежно подобрав под себя лапы, тут же рядом с ней торопился примоститься Сили, точно так же подобрав под себя лапки. И бесполезно было отступать под стол, всем видом выражая, как ей противно его общество, — взмах хвостика, и он оказывался под столом рядом с ней. А тут хорошо, говорил он, устраиваясь настолько близко от нее, насколько осмеливался. Уютно, уединенно, ну, просто как в пещере, правда? Это начинало действовать на нее. Мы это заметили, когда

она перестала ворчать на него и перешла на отрывистое щебетание, которым пугала птиц. Предполагалось, что это страшно до жути, а она к тому же вытягивала шею и прижимала уши. Но мы-то не напрасно прожили с ней все эти годы. Наша Шеба начинала сдаваться. Оценки того, сколько времени им потребуется, чтобы подружиться, колебались от четырех дней до двух недель и до решительного предсказания мисс Уэллингтон «Никогда!».

Познакомились они утром в понедельник. И ровно через два дня в среду утром Сили решительно вскарабкался вверх по лестнице и вошел в нашу спальню, где, тщетно испробовав все способы избавиться от него, Шеба укрылась в единственном месте, куда он еще не проникал следом за ней — в гнездышко из свитеров на нашей кровати. Накануне он добрался до верхней площадки, но мы поспешно унесли его вниз. А теперь вмешиваться не стали. Он перемахнул через свитерный парапет, упоенно приветствуя Шебу восторженным писком. А, так вот где она... Ух, до чего тут уютно... И какая же она умница, что отыскала такое шикарное местечко!

Шеба до того прижала уши, что больше всего смахивала на борзую, а мы уже протягивали руки, чтобы спасти смельчака, если она на него замахнется. Однако как она могла справиться с тем, кто так ее обожал? Сили плюхнулся толстым тельцем на грелку возле нее и облизал ей морду, блаженно жмурясь. Шеба, все еще прижимая уши, продолжала сидеть совершенно прямо, пока он этим занимался, а затем, явно против воли, смущенно и сдержанно сама его лизнула. Вот так. Когда я через пять минут поднялась в спальню посмотреть, как они там, он спал, прижавшись к ее боку, а она с тихим спокойствием в глазах, впервые через месяц с лишним, лежала, уткнув голову в шерсть другой кошки.

После этого она уже не оплакивала Соломона. У нее хватало дела присматривать за Сили. Не то чтобы он, учтите, так уж ей нравился. Она приняла его, поскольку не могла найти Соломона, как существо одной с ней крови,

с кем она могла проводить время, смотреть, как он бежит, и вновь слышать привычные кошачьи звуки в доме, который внезапно окутался тоскливой тишиной; и кто смягчал ее внутреннее одиночество. Несомненно, она его терпела, потому что он был котенком. Но ничего похожего на нежность она к нему не питала. И обожание, которым он ее окружал, доставляло ей только хлопоты.

Верхом его желаний, видимо, было Во Всем Походить На Его Подругу Шебу. Если она куда-нибудь шла, он упорно трусил рядом. Если она садилась, садился и он. Если она пила из мисочки, он бросался тоже пить. Если она свертывалась клубком на каминном коврикe, рядом свертывался и он. Это еще ничего, но, когда он повадился провожать ее до ящика, садился прямо перед ним и с глубочайшим восхищением на мордочке следил за тем, что она там делала, это превосходило всякие пределы! Ух, какая же она Умница, говорил Сили, и глаза у него были круглыми, как у совы. Неужели ей Нигде нет покоя, вопрошала Шеба, оскорбленно спрыгивая с ящика на напряженных ногах.

Нас несколько смущало его настойчивое желание разделять с ней и трапезу. Им ставились отдельные миски, и свою он подчищал, как бульдозер, выкрикивая между глотками, что он Сейчас Придет, Сию Минуту. И все время жаждающе оглядывался на Шебу. Бросался, чтобы присоединиться к ней, на полдороге вспоминал, сколько еще не доел, и снова кидался к своей миске. В конце концов, якобы не устояв перед желанием быть рядом с ней, он все-таки покидал свою миску и присоединялся к Шебе, подсовывал голову под ее смирившийся нос и принимался очищать ее миску даже еще стремительнее, а затем молниеносно возвращался к своей.

В конце концов, как он ни вопил, что Любит Ее и хочет делить с ней Все, мы начали кормить их в разных местах. Шебу на кухне, где она кушала мирно и медленно, с частыми репликами по адресу Чарльза — она всегда ела лучше в присутствии Чарльза; а Сили в коридоре снару-

жи, где он поглощал свою порцию с быстротой, словно его месяц не кормили, после чего наступала подчеркнутая тишина, означавшая, что он пытается заглянуть под дверь. Проверая, там ли Шеба, объяснил он, когда я его застучала за этим занятием. Прикидывая, не оставит ли она что-нибудь — так, по крайней мере, казалось мне.

Ел он быстро. Пил быстро — и так помногу, что я, ничего не забыв, испугалась за его почки, но Чарльз сказал, что в возрасте Сили с ними ничего быть не может, а пить он хочет, потому что от крика у него глотка пересыхает. Ну, и двигался он тоже быстро.

Причем не только по горизонтали, но и по вертикали, так что часто я замечала его присутствие в комнате, когда он взлетал на меня, как белка. Однако, точно так же, как Соломон, лазить он не умел совершенно. Первый прыжок — и он, отчаянно извиваясь, повисал на чем-то. Если речь шла обо мне, то обычно он надежно вцеплялся в сиденье моих брюк. Но Чарльз выше меня, так что прыжок ограничивался коленями. И тогда раздавался прямо-таки потусторонний вопль. Когда на второй же день пребывания Сили у нас Чарльз, хромая и держась за колено, вошел в ванную и потребовал пластырь, я была с ним очень резка. Так кричать, сказала я. Поднимать такой шум. Из-за того, что малюсенький котеночек вскарабкался по его ноге!

— Ты бы тоже закричала, — заявил Чарльз, — если бы у тебя под брюками ничего не было.

И правда, оказалось, что под брючиной колено бедняги Чарльза обильно кровоточило в нескольких местах.

Бедняга Чарльз, вечно ему доставалось. Как-то вечером он сидел в кресле и читал, а Шеба пристроилась у него на коленях. С тех пор как Сили водворился у нас, прошло около недели, и Шеба плохо ела. Буйный Сили ее замучил, решили мы, а потому для поддержания духа ее следует окружить особыми заботами. Особые заботы, естественно, включали и пробуждение ее аппетита. И вот, временно изгнав Сили на кухню, я кормила Шебу на ко-

ленях Чарльза кусочками свиного сердца. Она съедала кусочек, следующий роняла, потом съедала еще один. К тому времени, когда она насытилась, Сили устроил на кухне содом и гоморру — с какой стати его заперли? Я подбирала упавшие кусочки сердца, а Чарльз громко сетовал на судьбу своих брюк. Чего только ему не приходится терпеть из-за этих чертовых кошек! Колени у него изодраны в клочья, вся одежда в махрах, а вот теперь брюки измазаны свиным сердцем...

Это я сейчас исправлю, сказала я, принесла из кухни полотенце, тазик с водой и принялась оттирать брюки. Все шло отлично, пока они не промокли насквозь. Шел ноябрь, вода из-под крана была ледяной, и едва она добралась до кожи, как Чарльз взвился чуть не до потолка. Черт подери, сказал он. Что это я затеяла? Хочу его заморозить? Даже Сили в кухне замолк и прислушался.

Вслед за тем Шеба лишилась голоса. Мы ничего не понимали. Сегодня она доверительно беседовала с нами своим надтреснутым сопрано — мы трое ведь Друзья, верно?.. Ей ведь можно гулять Одной, верно?.. Котята такие Глупые, верно?.. И мы с Чарльзом соглашались с каждым словом — и вот назавтра она была способна издавать лишь вымученный писк.

За четырнадцать с половиной лет ничего подобного с ней не случалось. Наверное, последствия шока от потери Соломона, решили мы, или подсознательный протест против того, что мы взяли Сили. А может, она так на него чирикала, что натрудила горло? Или от ревности пытается изображать котенка?

Ветеринара мы не вызвали. В остальном она казалась совершенно здоровой, а в то время ветеринар все еще ассоциировался с Соломоном. Да и через два дня к ней вернулся аппетит. Но не голос. Дни шли, а она все еще только попискивала, и мы уже потеряли всякую надежду. Но две недели спустя после того, как она внезапно практически онемела, однажды утром Чарльз возбужденно воскликнул:

— Она заговорила!

— Да, и еще как! Когда я вышла спросить, как она себя чувствует, «Уааааа!» — сказала Шеба глубоким басистым контральто.

До этого у нее было сопрано. Со временем ее голос стал несколько выше, но далеко не таким высоким, как прежде. Что-то повредило ее голосовые связки, хотя мы все еще считали шок наиболее вероятной причиной. Но несколько недель спустя я пила чай у Дженет дальше по дороге, и она сказала, что ее кот Руфус сильно недомогал. Несколько дней отказывался есть, сказала она, а потом потерял голос. Не то чтобы он был таким уж голосистым, но теперь он был способен лишь на жалкий писк.

Она полагала, что Руфус подцепил какую-то инфекцию у бродячей кошки, которая последнее время бродила в окрестностях. Шеба, рыскавшая по саду в поисках Соломона еще до появления Сили, тоже могла заразиться.

А мы даже не подумали, что причина — инфекция, хотя теперь все сомнения отпали. Впрочем, конечно, сообразили бы, заразись и Сили.

Вероятно, Сили не заразился, потому что едва расстался с матерью и был битком набит антителами. Но тем временем он отыскал другие способы терзать нас тревогой. Например, упорным желанием залезть в трубу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Это было одно из немногих его отличий от Соломона. Того каминная труба совсем не интересовала. Шеба однажды встала на задние лапы и с любопытством заглянула в нее, но тут же решила, что пролетающий мимо комар куда интереснее, кинулась его ловить и изукрасила стену гостиной художественными черными отпечатками лап, такими похожими на миниатюрные листья плюща! Но больше никакой роли в их жизни труба не играла.

Разумеется, уходя, мы ставили защитную решетку перед огнем, как и на всех электрокаминах. Правда, тут нам приходилось проявлять бдительность, потому что Соломон был мастером просовывать хвост в ячеи. Помню, кто-то однажды спросил меня по телефону, как они. «Прекрасно! — ответила я и даже не подумала подержаться за дерево. — Лучше не бывает. Против обыкновения, никаких происшествий!» И не успела я положить трубку и открыть дверь в гостиную, как Соломон, сидев-

ший перед огнем, встал, задрал хвост, попятился в своем обычном танце приветствия — и всунул хвост прямо сквозь проволоку в огонь. Правда, все обошлось. Я успела оттащить его прежде, чем огонь добрался до кожи. Тем не менее всего через пять секунд после того, как я порадовалась безоблачности нашего существования, — жуткий запах паленой шерсти, а хвост Соломона оголился полосками, которые заросли только через несколько недель. Когда имеешь дело с сиамами, лучше на лаврах не почивать.

Нет, с Сили мы на лаврах не почивали. В первый же день мы обнаружили Сили распластавшимся на верху каминной решетки, точно белая морская звезда (уже наступила зима, и мы топили камин), и тут же приняли необходимые меры предосторожности. Он, несомненно, подбирался к двухдюймовому просвету над решеткой, и мы сразу же затянули просвет полосой проволочной сетки, оставив свободные концы, чтобы заводить их за края каминна. И, подложив снизу тяжелые каминные шипцы, мы решили, что достаточно обезопасились. И не ошиблись, хотя не знаю, что больше поражало гостей — вид каминна с проволочным ограждением, словно на передовой, или зрелище Сили, повисшего на самом его верху. В последнем случае ничего не стоило прочесть их мысли. «Господи, они обзавелись еще одним!»

Решетка не только производила гнетущее впечатление, но, естественно, задерживала часть жара, а потому, намереваясь никуда из комнаты не выходить, мы ее убрали. В одно прекрасное утро Чарльз его затопил, как обычно, и мы сели завтракать в другом конце комнаты. Чарльз, поднося чашку к губам, сказал, что, пожалуй, сегодня он займется подготовкой яблонь к холодам, внезапно на полуслове брякнул чашку о блюде с такой силой, что расплескал кофе по всей скатерти, и с воплем рванулся боком через комнату, словно его дернули за веревку. Я сидела спиной к камину и ничего не поняла. И только когда я обернулась и увидела, что он расплас-

тался на животе, сжимая котенка, черного как грех, мне стало ясно, что произошло.

Тяга, сказал Чарльз, никуда не годилась, и он как раз посмотрел на угли и подумал, что после завтрака придется их снова разжигать, как вдруг над темными углями взвилась искра, на мгновение повисла в воздухе, а затем звездой уплыла в трубу. И в тот же момент Сили, который сидел на каминном коврикe с мечтательным выражением на мордочке, будто ожидал Санта-Клауса (вот почему сиамских котят так часто изображают на рождественских открытках), вознеся следом за ней, и Чарльз благодаря тому, что как раз смотрел туда, а также и своей стремительности, успел вовремя его перехватить.

После этого мы перестали убирать решетку, а так как у нее из-за привязанной сверху сетки вид был просто мерзкий, решили обзавестись новой точно нужного размера. А раз так, то из кованого железа — ведь ее и летом придется там оставлять. А камин у нас очень широкий, чтобы можно было укладывать длинные поленья, и потому решетку пришлось специально заказывать, так что этот каприз сиамского котеночка обошелся нам недешево.

Отличался Сили от Соломона и в вечно неотложном вопросе о том, где должен находиться его ящик. Соломон и Шеба родились в коттедже. На нашей кровати, собственно говоря — иначе, утверждала их мамочка, она вообще воздержится от родов. Со столь же несгибаемой решительностью она пожелала растить их наверху — там им не угрожали похитители, которые чудились ей за каждым углом, а потому первые наиболее запечатляющиеся недели жизни они провели в свободной комнате, где, понятно, стояли и их ящики. И для Соломона этот факт превратился в железный закон. Его ящик всегда стоял там, он не сомневался, что найдет его там, иначе его желудок отказывался работать, о чем он извещал всю деревню басом профундо.

После четырнадцати с половиной лет привычного следования за Соломоном Шеба тоже считала само собой

разумеющимся, что и ее ящик будет стоять там. Естественно, не для постоянного употребления. Среди георгинов были чудесные места, чтобы выкапывать ямки. Другое дело, когда мы уходили, или лил дождь, или ночью, когда вокруг коттеджа рыскали лисицы.

С Сили все обстояло по-другому. Он родился там, где не было ни лисиц, ни мчащихся мимо машин и где поэтому для них имелась кошачья дверца. И он никак не мог понять, почему ее нет у нас, зато прекрасно знал, где ей положено находиться, и, когда подчинялся зову Природы (в десять раз чаще обычного котенка, так как пил слишком много), он шествовал к кухонной двери и вопил на нее. Днем его можно было выпустить в сад, куда он целеустремленно бежал и, как правило, выкапывал шесть ямок, прежде чем добивался идеальных пропорций. Но ночью мы выставляли его в прихожую и указывали путь наверх.

Сили просто никак не мог к этому привыкнуть. Ведь его же не станут ругать, что он — Грязнуля, жаловался он, округляя от смущения голубые глаза, когда усаживался на своем пластмассовом тазике в углу. И даже когда он убедился, что его вовсе не ругают, ему не нравилось подниматься по лестнице в темноте. Он же все-таки был еще ребенком. И не родился здесь, в отличие от Соломона и Шебы. И в полной темноте идти через чужую прихожую вверх по чужой лестнице в место, в котором его мамочка, как он прекрасно знал, не позволила бы ему отправлять свои дела, — все это должно было очень тревожить маленького котика.

Ну и пришлось оставлять для него свет на лестнице и подбадривать его, когда он очень неохотно поднимался по ней, негодуя, что мы остаемся внизу. А потому, обнаружив пластмассовый тазик, совсем такой, каким он пользовался в свободной комнате, но в куда более осмысленном месте (за дверью гостиной на пути к кухне, а значит, в направлении, где положено быть кошачьим дверцам и ящикам), он тут же начал его использовать. И вот в тече-

ние многих лет пользуясь пластмассовым тазиком для хранения мелких кусков угля (он ведь был и легче обычного ведерка, и не мог оцарапать отделку камина, когда я его накреньяла), мы вдруг заметили, что они как-то подозрительно сыроваты. А иногда, если в тазике не было угля, на стенках виднелись явные потеки. Так таинственно! Однако сваливать это на эльфов не приходилось. От тазика всегда тянулась цепочка черных маленьких следов.

Затем настал вечер, когда у нас сидели гости и Сили (в этом он ничем не отличался от Соломона) совсем затаился на случай, если кто-то из них задумал его Похитить. Он садился за ножками кресел, жался по углам, а глаза у него были совсем круглые. Если кто-нибудь заговаривал с ним, он не отвечал, только глаза у него делались еще круглее. Один раз я вынесла его в прихожую на случай, если ему требуется ящик, но белая тень почти сразу же метнулась назад в дверь и скрылась под столом.

Мне и в голову не пришло, что в присутствии чужих он тем более не захочет подниматься наверх в одиночестве. И еще мне не пришло в голову, что он — будучи Сили — никак не мог провести пять часов подряд, ни разу не наведя ящика. В конце концов, гости ушли, задержавшись у дворец своих машин, чтобы поахать о свежести ночного воздуха в Долине, о таинственном журчании ручья, струящегося в темноте совсем близко, о небесном куполе в алмазах звезд, мерцающих над соснами... Провожавший их Чарльз любезно соглашался с каждым словом. Однако, когда он вернулся в дом, вид у него был далеко не такой безмятежный. Остается только надеяться, что никто не заметил, сказал он кисло. А когда я спросила, чего никто не заметил, он ответил:

— Как Сили воспользовался совком для угля.

Выяснилось, что Сили не стерпел. И, не желая помешать Светской Беседе (или, что вероятнее, не желая идти наверх), он нашел только один выход: в своем детском умишке приравнял пластмассовый тазик к медному совку для угля в гостиной... и воспользовался им. Чарльз заме-

тил, как он восседал там с сосредоточенным выражением на мордочке, которое могло знаменовать только одно. А кто еще его заметил, только Богу известно. Мы же знали одно: хотя Соломон сам никогда не прибегал к совку для угля, в принципе этот поступок был чисто соломоновским.

Собственно говоря, Сили был гораздо больше похож на Соломона, чем не похож, и с каждым днем все больше ему следовало. И в том, как выглядел, и в том, как мыслил, и в его неуклюжести — а главное, в непрерывно крепнувшем желании стать искателем приключений.

При мысли о такой возможности я содрогалась с самого начала. Все эти акры лесов, и вересковых пустошей, и манящих поросших травой проселков — а Сили, такой маленький, не подозревающий о таящихся в них опасностях... Иногда мне кажется, что сиамские котята потому-то и беленькие. Когда они неизбежно отправляются в эти свои исследовательские экспедиции, их матери без труда обнаруживают путешественников и утаскивают их домой. Темный мазок на носу, который позже расширится в красивую сиамскую маску, черные носочки, которые со временем станут элегантными сиамскими чулками, темные кончики ушей и нелепый черный хвостик-спичка, который превратится в изящный изогнутый хлыст, — все это им, вероятно, придано, чтобы при встрече с членом их рода они могли бы доказать, что и они сиамы. Но Природа не снабжает сиамских котят камуфляжем — они неоспоримо и заведомо белые, что лишь доказывает, как хорошо Природа знает свое дело.

После его появления у нас примерно неделя прошла обманчиво спокойно — когда я его выпускала, мне было достаточно выглянуть за дверь, — и вот он внимательно изучает мир с примыкающей к кухне стены или, округлив глаза, оглядывает из-за угла лужайку. А потом Сили, как до него Соломон, взял и отправился погулять.

Для начала по склону за коттеджем, где он, беленький, выделялся на фоне травы, как гриб-дождевик. Очень сме-

лый грибок, особенно когда он подкрадывался к Аннабелли. Но тут она фыркала, оборачивалась к нему, и внезапно, к большой его растерянности, картина менялась на прямо противоположную.

Аннабель его завораживала. С той самой минуты, когда он в первый раз выглянул в кухонное окно и увидел ее на склоне — огромный, мохнатый, бродящий взад-вперед половик. Без сомнения, именно из-за нее он осмелился отправиться на склон, хотя одно дело — бесстрашно следовать за мохматым чудовищем и совсем другое, когда чудовище на него смотрит. Тогда он садился — предположительно Мамочка велела ему всегда выглядеть Беззаботным в момент опасности и ни в коем случае не убежать. Беззаботность у него получалась: он невозмутимо поглядывал на склон, небрежно оглядывался через плечо, а иногда метал быстрый взгляд вверх на Аннабель, которая высилась над ним, опустив голову. И в то же время он дрожал как осиновый лист и был явно рад, когда я прибежала и хватала его на руки.

Тем не менее он упорствовал. Когда утром она являлась к двери за лакомством, он отважно шел через кухню, чтобы понюхать ее нос. Затем он открыл, что стоит влезть на стол, и можно будет доблестно нападать на ее уши. А когда дело дошло до того, что Аннабель — или это просто казалось нам, зрителям? — стояла, нарочно опустив уши, чтобы Сили мог с ними поиграть, его самоуверенность уже не знала пределов.

— Нет-нет, не трогай их, — сказала я в первый раз, когда Сили во дворе впервые прогулялся между ее ног, и Чарльз, опасаясь, как бы она на него не наступила, готов был броситься спасать его. И Сили кружил между копытами с такой доверчивостью, словно проходил сквозь крокетные воротца, а Аннабель благодушно свесила нижнюю губу — знак, что в ней, как мы знали уже давно, пробудились материнские чувства. И мы решились посадить его ей на спину. Он повел себя так, словно родился наездником: припал к ее мохнатой спине, чтобы лучше дер-

жаться, и проехал — сначала несколько пробных шагов по двору, затем через калитку на дорогу и в конце концов за угол и вверх по крутой тропе на луг за коттеджем, где она паслась.

Увидев это, старик Адамс пришел в неистовый восторг.

— Из него такой еще жокей вырастет, — заявил он, когда Сили проехал мимо него, сосредоточенно держась за Аннабель.

Он не ошибся. Еще несколько таких дней — и наш жокей обнаружил, что, прокатившись на Аннабели до ее луга, можно спрыгнуть с ее спины, стремительно проскочить сквозь проволочную ограду и удрать вверх в сосняк, прежде чем кто-нибудь успеет его остановить. А там можно кружить между стволами, сознательно нас поддразнивая. Все более смелая, он начал уходить в лес глубже и глубже. Чарльз еще не построил вольеры — отчасти потому, что никак руки не доходили, да и в любом случае нельзя же сажать котенка в загончик на лужайке в самую зиму. Лучше дать ему поразмять ноги, а потом унести в дом, сказал Чарльз.

Что ж, ноги приходилось разминать и мне. Вновь я испытывала старые знакомые чувства. Страх, когда видела, как он мчится вверх по холму к опушке. Досаду, когда я гналась за ним, а он под самым моим носом ускользал в чащу. Бессильную злость, когда я бежала за ним, а он вполне сознательно прыгал в заросли ежевики, куда я, как ему было прекрасно известно, не могла за ним последовать. И панику, когда я звала, а тишина оставалась нерушимой.

Ну, и глубочайшее облегчение, когда после того, как мы целую вечность искали, звали, как сумасшедшие бежали взад и вперед по дороге к тем местам, откуда он мог выбраться, из леса доносилось тоненькое жалобное «уаааа», в кустах слышался шорох и — в целостности и сохранности вопреки всем лисам, барсукам, собакам, каких мы успели навообразать, — на проселке пред нами, при-

плясывая, появлялась белая фигурка с темным мазком на носу.

— Словно на Рождество, когда звонят все колокола, — так Чарльз описал это чувство.

Но я мысленно уже перебирала все будущие тревоги. Теперь, когда он обнаружил лес у нас на задворках, много ли пройдет времени, прежде чем он начнет забираться в наш собственный лес по ту сторону дороги? А от туда в плодовый сад, где Чарльз держит этих проклятых пчел?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда за два года до этого Чарльз сказал, что подумывает заняться пчеловодством, я сказала: «Нет-нет!» Нам хватает хлопот с Аннабелью и кошками, сказала я, и без всяких пчел.

Ради его фруктовых деревьев, объяснил Чарльз. Они нуждаются в перекрестном опылении.

Да, они беспорно в чем-то нуждались! В нашем плодовом саду было около сотни деревьев — яблони и груши, сливы, терносливы и вишни. Весной их вид вдохновил бы самого закаленного поэта — облака цветков, бабочки, Аннабель по колено в изумрудной траве, — но наступала осень, и вместо урожая нас ждало разочарование. То ли высота, то ли почва не благоприятствовали развитию плодов или же любовь Чарльза к птицам — если они не склевывали цветки, то уж плоды...

— Плохое опыление, — заявил Чарльз в тот раз и показал мне раздел в справочнике плодоводства, где говори-

лось, что благодаря пчелам урожайность может повыситься на целых сорок процентов.

Опровергнуть этого я не могла, а к тому же Чарльз любит мед и съедает его фунт в неделю. Так что, в конце концов, я согласилась, чтобы мы обзавелись пчелами. При условии, что он поселит их в дальнем углу плодового сада, сказала я, чтобы мне и животным их укусы не угрожали. И чтобы мне лично никаких дел с ними вести не приходилось.

Разумеется, в который раз благие пожелания! Пчелы прибыли в февральскую распутицу. Человек, у которого Чарльз их купил (только потому, заверил он его, что намерен переехать в город, а не из каких-либо тайных побуждений), явился помочь с их водворением. Но плодовый сад расположен на крутом склоне, а улей с пчелами внутри очень и очень тяжел, и их бывший владелец предупредил, что, конечно, он забил леток дощечкой, чтобы пчелы не выбрались наружу, но все-таки улей лучше не ронять — может отлететь крышка...

Логично. Так догадайтесь, кому пришлось брести за ними двумя, поддерживая их лодыжки на крутизне, чтобы они не поскользнулись на размокшей глине? Если бы в этот момент они поскользнулись, на меня водопадом хлынули бы двадцать тысяч пчел, словно из опрокинутого ведра.

Однако улей удалось установить благополучно, и на следующий день Чарльз, исполненный мужества под довольно-таки обветшалой защитной сеткой, которую приобрел вместе с пчелами, сорвал дощечку с летка и начал ждать, пока не появятся пчелы.

До этого прошло несколько дней. Для первого вылета пчел после зимы необходимо солнце и тепло, но затем Чарльз пришел и сообщил, что одна-две выбрались... а на следующий день еще две-три... а еще через пару дней разразилась катастрофа. Перед ульем валялась груда мертвых пчел.

Однако дело обстояло не так плохо, как могло показаться. По справочнику выходило, что причина не бо-

лезнь, а просто истощились их запасы. Необходимо было немедленно снабдить их пищей, хотя, подозреваю, спешка, на которой настаивал Чарльз, была не столь уж обязательной, тем не менее я в окружении немытой посуды спешно готовила пасту для пчел, а он стоял наготове, чтобы броситься с ней к ним, едва она остынет.

Ну, остыла она достаточно быстро. К тому времени, когда я успела наполнить три блюдечка, остальная в кастрюле так затвердела, что я выковыривала ее несколько дней.

Вы когда-нибудь пробовали пасту для пчел? Вкус совсем как у помадки. Нам она понравилась. И Аннабели тоже — получив несколько кусочков, она до конца утра маячила на склоне напротив кухонного окна, облизывая губы и проверяя, не начали ли мы варить еще. Но самое главное, она понравилась пчелам. Чарльз выкладывал ее по одному куску на крышку улья. Первого куска им хватило на неделю. После этого они принялись за следующие с таким рвением, что я как будто каждый второй день варила пасту и выламывала ее из кастрюли.

Потом, однако, мне удалось перейти на пчелиный сироп, готовить который куда проще, чем пасту. Она — зимний корм, когда пчелы почти не покидают улья, и, если давать им жидкий корм, они пачкают улей и умирают.

Но теперь они уже вылетали наружу — сначала десятками, потом сотнями, а затем, по мере того как погода становилась все теплее, так и тысячами. Именно на этом этапе Чарльз, к тому времени протоптавший четкую тропку вверх по склону, заметил движущийся по ней беззаботно задранный черный хвост. Это как-то поутру Соломон отправился Посмотреть, Что Там На Вершине. К счастью, день, против обыкновения, выдался пасмурный, и пчелы не летали. Когда Чарльз нагнал его, Соломон уже терся головой об угол улья и мурлыкал. Нигде не было видно ни одной пчелы, но, сказал Чарльз, внутри улья они тоже замурыкали — и очень громко.

Еще одно развлечение: мчаться вверх по тропинке за Соломоном, который, хотя прежде никогда даже не при-

ближался к этому углу сада (почему мы и установили улей именно там), теперь вел себя так, будто был электропоездом, а тропка — рельсами, свернуть с которых он никак не мог. Со временем он предпочел улью мышиную норку у конюшни Аннабели, а поскольку мы знали, что Соломон абсолютно целеустремлен и поджидание мыши у норки останется в повестке дня на долгие недели, можно было расслабиться.

А пчелы все это время собирали пыльцу, которой кормят свою молодежь. Они таскали пыльцу ивы, пыльцу лещины, пыльцу боярышника... мне приходилось верить Чарльзу на слово, как замечательно они выглядят, когда мужественно ползут по приступке к летку, а на обеих задних ногах топорчатся корзиночки, битком набитые пыльцой. Сама я все еще близко к улью не подходила. За работой я увидела их только, когда боярышник отцвел, бузина еще не зацвела, и в промежутке они устремились в огород на маки.

И уж дали себе волю! Не перелетали с цветка на цветок, как на боярышнике, а забирались в чашечку, терлись о тычинки, точно щенок о коврик, таким способом заполняя пыльцой корзиночки на задних ногах, словно скребки, и в мгновение ока улетали с грузом. Цвета красного вина от налипшей пыльцы, с двумя корзиночками винного цвета пыльцы, свисающими под брюшком, как бомбы под самолетом,

Увлекательнейшее зрелище! Возможно, и из меня вышел бы пчеловод, но как раз тут Чарльз был ужален. И не когда он стоял возле улья. Хотя тогда он был бы в сетке. Нет, он стоял от улья далеко и с интересом наблюдал, как они трудятся. И видимо, внушил подозрения пчеле-охраннице, и она подлетела прогнать его. После чего запуталась у него в волосах и ужалила в голову, потому что не сумела выпутаться. О чем я узнала, когда он кинулся вниз по склону, громогласно зовя меня на помощь. Легче сказать, чем сделать! Пчела все еще жужжала, как безумная, у него в волосах. И брать ее пальцами мне никак не хоте-

лось. А потому я нашла другой способ и хлопнула его по голове. Да, пчелу я ухлопала, но заодно практически и Чарльза, так он, во всяком случае, утверждал. Своим ударом я загнала жало ему в череп. Когда я прихлопнула пчелу, она сидела у него на лбу, а жало я обнаружила на затылке, но он твердо стоял на том, что оно оказалось там по моей вине.

Как бы то ни было, жало я извлекла, на голове у него вздулась небольшая опухоль, совсем небольшая... А, пустяки, заверил он меня, стоит привыкнуть, и дело с концом. Заявил он это с мужеством человека, который, продрожав несколько дней, все-таки решился на прививку.

Когда он был ужален во второй раз, то выразился иначе. Произошло это несколько недель спустя, и в течение этого срока он никогда не входил в сад без сетки, приобретя новую, так что успел наловчиться вставлять в улей рамки. Это приспособления, которые вставляются в улей, чтобы пчелы заполняли их медом. Для этого снимаете крышу, дымите на пчел, чтобы их успокоить, устанавливаете рамку, и черт вам не брат!

К несчастью, наступает момент, когда надо рамки вынимать, а это уже не так просто. У пчел есть привычка все закреплять на своих местах с помощью вырабатываемого ими клея, который называется прополисом, и если не смазать края рамок вазелином — о чем Чарльз благополучно позабыл, — разделить их возможно только лопаткой. А Чарльз намеревался забрать несколько рамок. Он ходил туда накануне вечером и обнаружил, что прилетная доска покрыта слоем пчел дюймов пять. И, заглянув под крышу, увидел ту же картину. Он решил, что они собираются роиться, а этого ему хотелось избежать. Поэтому он позвонил знакомому пчеловоду, который посоветовал ему заменить гнездовой корпус. Это их успокоит, сказал знакомый пчеловод. Если у них появится больше места для молоди, они роиться не станут.

Беда была в том, что гнездовой корпус находится в самом низу под рамками. То есть сначала требовалось вы-

нуть все рамки. Как бы то ни было, поутру Чарльз отправился вверх по тропинке с дымарем, сеткой и подготовленным гнездовым корпусом. Я на огороде выкапывала молодой картофель для обеда, а вокруг царили безмятежные мир и спокойствие, как вдруг я услышала, что Чарльз опять мчится вниз и зовет о помощи.

На этот раз речь шла не об одной пчеле. За ним гнался целый рой, когда он вылетел из плодового сада, словно Везувий в момент особенно бурного извержения. Я кинулась на кухню, налила воды в ведро и доблестно бросилась навстречу, чтобы облить его... но тут же остановилась, сообразив, что ведро воды особого впечатления на эту тучу не произведет, а вот на меня они накинутся. Чарльз в муках кричал:

— Зажги картон!

(Картон жгут в дымарах, но я не могла сообразить, где его искать и как быстро зажечь, когда найду.)

Вместо этого я смяла пару газет, бросила их на лужайку у стены, подожгла и крикнула, чтобы Чарльз пробежал по дороге и повис на стене. Он так и поступил. Стена защитила его от огня, а дым прогнал рассерженных пчел... Но это далеко не было счастливым концом.

Я отвела Чарльза на кухню и извлекла жала. Десять из запястья, где задралась перчатка, когда отказал дымарь, четыре из другого запястья и по одному из обоих колен — он для этой работы надел самые старые из своих рабочих брюк, все в прорехах. И пока он объяснял, что чувствует себя не очень, но должен вернуться, потому что улей лежит разобранный, в парадную дверь постучали, и, открыв, я увидела одну из наших соседок, славившуюся своей вежливостью — ей крайне неприятно беспокоить нас, сказала она, но ее ужалила наша пчела.

В голову, сказала она. Когда она заворачивала за угол. Не буду ли я так добра извлечь пчелу из ее волос?

Волосы у нее оказались очень густые, и я не сумела найти чертово насекомое. Кинулась назад в дом, схватила в ванной полотенце и терла ей голову как бешеная, пока

пчела не выпала, а тогда выдернула жало и полила укушенное место раствором соды, которым лечила Чарльза.

Потом извинилась — мы сейчас в некоторой запарке, и она ушла, а из-за угла выскочил Чарльз, говоря, что Должен вернуться к своим Пчелам, и тут... честное слово, это была настоящая сцена из древнегреческой трагедии! Он неожиданно опустился на колени и растянулся поперек крыльца.

Естественно, это было результатом множественных пчелиных укусов. На некоторых людей они действуют сильнее, чем на других. Меня ни одна пчела не ужалила, но я все равно была уже в полуобмороке. Я помогла ему встать, почему-то считая, что обязательно должна отвести его на кухню, хотя почему мне так казалось, до сих пор не понимаю. И вот мы побрели вокруг коттеджа, словно пара раненых солдат. До кухни мы добрались, но это ничему не помогло, так как Чарльз немедленно испустил долгое «ууууу» и снова упал в обморок рядом с холодильником.

Кое-как я водворила его в кресло в гостиной, положила его ноги на стул и дала ему выпить виски. Я знала, что оно не слишком полезно для его язвы, но мне помнилось, что я где-то читала, как ковбоя укусила гремучая змея и его отпаивали виски, а кроме того, я читала, что пчелиный яд сродни змеиному. Однако победа осталась за язвой Чарльза — он тут же объявил, что его тошнит. А потому я поставила возле него ведро, увела Аннабель с обочины дороги, где она паслась, проверила, что стекла в машине подняты — там спали кошки, а к этому времени вокруг было полно раздраженных пчел, — и бросилась исполнять просьбу Чарльза найти кого-нибудь, кто мог бы собрать улей.

Нашла я его с четвертой попытки. Знакомый Чарльза отсутствовал. Другой пчеловод, до которого я дозвонилась, не имел машины... то есть он сказал, что у него ее нет. А человек, который в конце концов пришел, оказался председателем местной ассоциации пчеловодов, и, судя по тому, как изогнулись его губы, когда он увидел Чарль-

за, возлежащего на кресле с ведром под рукой, и выслушал историю его злоключений, нам несомненно предстояло в ближайшем будущем стать темой впечатляющей лекции о том, Как Не Быть Пчеловодом.

Я окончательно укрепилась в этом убеждении, когда он вернулся и возвестил, что пчелы вовсе не собирались роиться — никаких признаков маточников, больших ячеек для цариц. А затем осведомился, каким способом Чарльз зажигает дымарь? (Он подобрал это приспособление на своем пути туда и понял, что в нем крылась причина всех бед.)

Снизу, сообщил ему Чарльз умирающим голосом. Ну и, конечно, зажигать его полагалось сверху, но Чарльз купил дымарь вместе с пчелами, и никаких инструкций к нему приложено не было.

— Ну, в следующий раз все получится, — сказал специалист на прощание.

А когда он ушел, Чарльз сказал, что никакого следующего раза не будет. От пчел надо избавиться, и поскорее.

Однако в пчелах есть что-то такое-эдакое. К четырем часам, когда Чарльз поправился настолько, что смог выпить чашку чая, он решил пчел оставить — пусть опыляют фруктовые деревья, но подходить к ним он больше не собирается. К шести часам... ну, возможно, он иногда будет подниматься туда и наблюдать за ними, но к улью и на десять шагов не подойдет. К семи часам он уже собирался опять заняться пчеловодством всерьез, но только прежде побывает у врача, проверит, нет ли у него аллергии на пчелиные укусы.

Конечно, к врачу он не пошел. На следующий день он заявил, что в жизни не чувствовал себя так хорошо — укусы, очевидно, пошли ему на пользу. Вот почему на следующий день мы так перепугались, когда он был снова укушен.

Видимо, пока он в саду наблюдал за пчелами, одна заползла ему под рубашку, а оттуда под пояс брюк, а затем — через добрых десять минут после его благополуч-

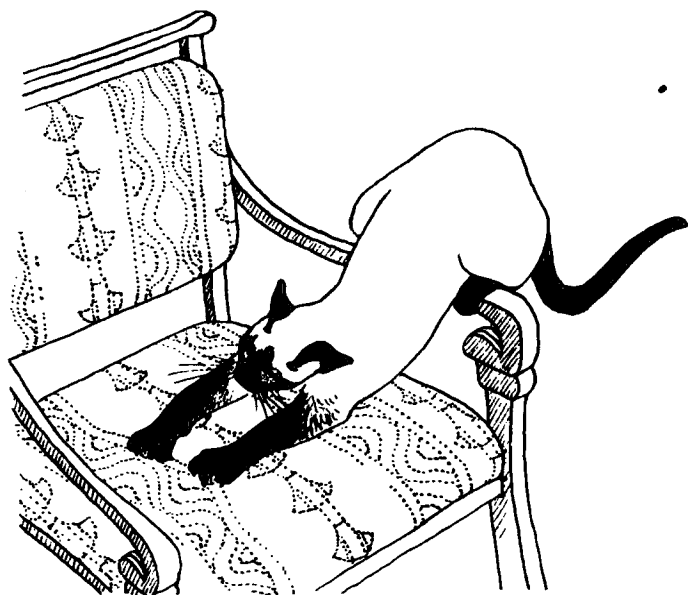
ного возвращения, когда он собирался уже выпить чаю, — она провалилась в брюки и негодуяще ужалила его в живот.

Тут он не сказал, что пчелиные укусы идут ему на пользу.

— Опять они до меня добрались! — закричал он, вылетая из кухни. — Быстрее, это даже хуже, чем вчера!

Тут он ошибся. Укус был один-единственный. Правда, место оказалось очень болезненным. Но Чарльз прыгал и вопил, а меня охватила паника — что, если у него все-таки аллергия и этот укус окажется роковым? У меня возникло чувство, что беды гоняются за мной по пятам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Выжить Чарльз выжил, но ведь прежде, чем счесть сезон благополучно завершенным, предстояло еще забрать мед, а, судя по тому, что я слышала, эта операция была самой рискованной.

Процедура такова: вечером в сумерках вы отправляетесь к улью, снимаете крышу, вынимаете (накрыв тряпкой, чтобы пчелы не вылезли) рамку или рамки, с которых хотите получить мед, а на их место кладете деревянную крышку со своего рода аварийным люком. Затем рамки водворяются на место, как и крыша, и вы удаляетесь на цыпочках. Идея заключается в том, что за ночь пчелы, работавшие в рамках, спустятся через люк в гнездовой корпус, где теоретически и останутся, поскольку люк открывается только вниз. И вот на следующий день вы сможете, если пчелы пойдут у вас на поводу, вынуть рамки (уже без пчел, но, будем надеяться, полные меда), отнести их домой и на досуге извлечь мед.

Но только, предупреждали нас друзья, извлечением следует заниматься в абсолютно пчелонепроницаемой комнате. А потом уничтожить все следы этой операции, не то пчелы накинутся на вас похуже ос. Вот они как-то извлекали мед на кухне. Закрыли все окна и двери, а также в оранжерее за кухней, и считали, что обезопасились вдвойне. Однако в одном стекле оранжереи была малюсенькая дырочка. Всего в дюйм в поперечнике высоко в углу, однако пчелы отыскивали ее, точно индейцы-следопыты. И когда они оторвались от своего занятия, рассказывали наши друзья, им показалось — будто они в аквариуме. Тысячи пчел в оранжерее буквально плавали перед окном кухни, разъяренно поглядывали на них и искали хоть малюсенькую дырочку.

Ну, они-то со всем справились. Они же опытные пчеловоды. Укус-другой для них пустяки, да и пчелы у них спокойные. Ну, правда, не в тот момент. Однако, чтобы усмирить их, требовалось покурить дымом да выставить пустые рамки в сад — пчелы очистят их от всяких следов меда, улетят с ним в улей, и все вернется на круги своя.

У нас, однако, дело обстояло по-иному. Не только мы не были опытными пчеловодами (я, собственно говоря, принципиально вообще пчеловодом не была), но Чарльз подозревался в аллергии на пчелиные укусы, а наши пчелки были особо раздражительными. И не просто так, считала я. Оказывается, пчелы разнятся в темпераменте в зависимости от места происхождения не хуже людей. Австрийские и кавказские пчелы, например, настолько покладисты, насколько возможно для пчел; черные, или английская разновидность, упорные работницы и вылетают даже в самые пасмурные летние дни... на их кротость полагаться можно не всегда, сообщает справочник, но в них нет злобности кипрской и сирийской разновидностей. Кипрские и сирийские действительно находятся у отрицательного полюса, а наши, как следовало из справочника (можно было бы заранее предвидеть!), были, несомненно, сирийскими. Черно-желтые полосы работают

как бешеные, пока светит солнце, но, видимо, утрачивают желание работать в пасмурные дни в отличие от флегматичных английских черных (вот-то отличный материал для исследователей среды и наследственности!), а к тому же, как ни жаль, крайне раздражительны и трудны в общении.

Тем временем деревня с интересом наблюдала за нашей деятельностью. Мисс Уэллингтон повторяла, как она предвкушает минуту, когда отведаст нашего меда. Старик Адамс постоянно спрашивал, как там эти жалящие ведьмы, и, прежде чем мы успевали ответить, принимался пересказывать последнюю жуткую историю о пчелах, которую припомнил, вычитал из газет или (как иногда нам казалось) сочинил сам.

Прочтет о том, как кто-то, например, укрылся от преследований разъяренного роя в телефонной будке, и немедленно являлся к нам...

— У нас тут телефонных будок в заводе нет, — сообщал он Чарльзу. — Так что придется тебе побегать.

Затем он услышал про лошадь, ужаленную в круп — так она совсем взбесилась.

— Ты бы поостереглась, — многозначительно посоветовал он мне.

В то время я раза два-три в неделю каталась верхом на Рори, владелец которого не имел времени разминать его. Рори был своенравен, а я не ездила уже давно. И для того чтобы обрести уверенность в себе, мне не хватало только мысли, что вот Рори ужалит пчела...

Однако необходимо было что-то сделать с медом, хотя бы для того, чтобы окончательно не ударить в грязь лицом перед деревней. И вот как-то вечером в сентябре за неделю до того, как мы собрались уехать отдохнуть, Чарльз отправился вставлять в улей крышку с аварийным люком. Я ждала на дороге, держа наготове опрыскиватель с аэрозолью против садовых вредителей. Она, как я вычитала из справочника, помогала отгонять рассерженных пчел. Однако на этот раз все сошло благополучно.

Чарльз, вернувшись, радостно доложил, что они так и жужжали вокруг него, но он с ними справился. Дал им понюхать дымка. И крышку вставил без малейших затруднений. Он практически уже стал заправским пчеловодом. Лучше поздно, чем никогда.

Я не была так уж уверена, а потому на следующий вечер, едва он отправился за рамками, я тоже вышла из дома — в брюках, резиновых сапогах, старом макинтоше Чарльза, туго перепоясанном бечевкой (не то в него могли пробраться пчелы), и толстых зимних перчатках Чарльза. На голову я натянула кепи для верховой езды — единственный мой головной убор с козырьком, — а сверху накинула вуаль. Предохранительной сеткой я, как убежденная противница пчеловодства, не обзавелась. Вуаль у меня сохранилась с тех пор, как мы провели отпуск в болотах Камарга. Нечто вроде складной кастрюли из муслина, снабженной кринолином из москитной сетки. Мы вешали их над нашими койками в палатке, кастрюля образовывала купол над изголовьем, сетку мы заправляли в спальники и спали мирно, в безопасности, никем не кусаемые.

Тем не менее вид у нее был своеобразный и стал еще своеобразней, когда она накрыла кепи для верховой езды. Но раз нужно, то нужно, и к черту все остальное, как часто говорит Чарльз. Я была категорически против того, чтобы меня жалили, и меня мучили дурные предчувствия, что Чарльза всего изжалят, если меня там не будет. А другого способа защитить лицо я не нашла. И еще я подумывала, не развести ли огонь... в ведре и на этот раз у задней калитки... С тяжелыми рамками до лужайки Чарльз может и не добежать. Вот почему двое в машине, которая несколько минут спустя медленно проехала вверх по дороге (видимо, влюбленная парочка в поисках удобного местечка, где припарковаться), в полном изумлении узрели поучительную картину: я в кепи, накрытом странным сооружением из москитной сетки, нагибаюсь в сумерках над ведром с дырочками и сую в огонь сырую солому, поднимая густые клубы дыма.

Погляди они вправо (только они не поглядели, полностью поглощенные мной), то увидели бы еще одно поучительное зрелище: по противоположному склону спускался Чарльз, тоже в старом, перепоясанном бечевкой макинтоше и с сеткой на распорках на голове, так что больше всего он смахивал на марсианина, а в руках нес большой квадратный ящик, тщательно завернутый в широкое махровое полотенце. Полотенце тоже была моя идея — не выпустить тех пчел, которые не удалятся через люк. И, честное слово, оно оказалось полезным. Под полотенцем ящик с рамками гудел, как турбинный зал электростанции.

Их там дюжина, не больше, сказал Чарльз. Наверное, в крышке была дырочка, и они пробрались обратно. Впрочем, он принес только один ящик, решил, что второй лучше оставить до завтра.

И правильно решил! Согласно справочнику, теперь требовалось вынуть рамки из ящика (десяток рамок, установленных, как фотопластинки, в стойке). Осторожно смести оставшихся на них пчел, снять обмакнутым в горячую воду ножом верхний слой воска, закрывающий соты, поместить рамки по четыре за один раз в цилиндрическую медогонку, похожую на ручную мороженицу, потом вращать ручку, и мед потечет золотистой струей.

Осторожно смести, как бы не так! Дюжина Чарльза обернулась полсотней. Они выползали из всех щелок, угрожающе ползали по рамкам, а некоторые все еще продолжали трудиться, засунув голову в ячейку. При попытке их остороженько смахнуть вся компания ринулась на нас, как развороченное гнездо скорпионов. И вот тут та же машина проехала обратно — то ли они не нашли подходящего места для парковки, то ли их несколько напугало то, что они увидели на пути туда. Зато уж теперь зрелище их ждало действительно редкостное.

Теперь мы вдвоем щеголяли сногшибательными головными уборами, а сырая солома успела подсохнуть и весело пылала, как праздничный костер. А мы с Чарльзом махали руками над пламенем, прыгали, точно парочка

дервишей, и водили рамками в дыму, чтобы выбить пчел с их позиций, и тут же инстинктивно пригибались и отскакивали, потому что сетка защитная или не сетка, а пчелы, устремляющиеся пулями в атаку в темноте, хоть кого заставят занервничать. Что, по их мнению, мы проделывали, судить не берусь, но ставлю что угодно, о пчеловодстве они не подумали.

Тем не менее от пчел мы наконец избавились, унесли рамки в кухню и извлекли из них мед. Наговорив столько о пчелах, я воздержусь от описания этой операции, а скажу только, что мы перемазали медом все, что только возможно (нас предупреждали, что так и будет), и занимались мы этим с девяти вечера до часа ночи... включая, правда, мытье дверей, пола, стен и самих себя, а не только извлечение меда. А когда кончили, у нас было ровно хонько двенадцать распроклятых банок.

Чарльз сказал, что, несомненно, мед подъели пчелы — извлечь его следовало бы еще в августе. И еще он сказал, что вторым ящиком — а в нем добрых двадцать восемь футов — мы займемся по возвращении из Прованса.

Как чудесно было сознавать, что до отъезда нам не придется повторять эту маленькую операцию. Но еще чудеснее были слова, которые произнес Чарльз, когда мы уже лежали на серебристом песке пляжа под соснами, а позади нас в кустах весело цвирикали цикады, вокруг не было ни единой пчелы. Чарльз сказал, что вот он подумал и пришел к следующему выводу: раз пчелы так сильно переживают, то он оставит им второй ящик, и ведь в таком случае ему не придется кормить их зимой.

У меня возникло ощущение, что меня помиловали накануне казни. Клянусь, даже жаркое солнце Прованса засияло еще ярче. Добрых пять месяцев, прежде чем я должна буду хотя бы вспомнить о пчелах — а может, они до весны вообще покинут улей, или вымрут, или еще что-нибудь в том же роде.

Дожидайся! И на таком количестве меда они еще больше окрепли. Считается, что при хорошей погоде пчелы

начинают размножаться в январе, и наши занялись этим с таким усердием, что в феврале нам пришлось их подкармливать.

В марте одна отплатила Чарльзу, ужалив его. А его сопротивляемость, как он меня ни уверял, не только не усилилась, а наоборот, он стал чувствительнее к пчелиному яду, и этот укус в мгновение ока превратил его лицо в подобие тыквы, и, когда он разбудил меня ночью около трех и сказал, что чувствует себя довольно плохо, я могла сказать только, что выглядит он еще хуже. Глаза у него превратились в зловещие щелочки, щеки вздулись, как два резиновых мячика, причем и лицо, и уши, и шея были огненно-красными.

Тревожней ночи я не запомню. Я дала ему аспирин, уповав, что его язва не взбунтуется, и с трепетом ждала рассвета. А еще я произносила монолог на тему «Пчелы, и Для Чего Нам Понадобилось Их Заводить?». Утром Чарльз без всяких проволочек отправился к врачу.

— А вам обязательно и дальше их держать? — практически процитировал меня доктор, а когда Чарльз ответил, что да, непременно, доктор (видимо, Чарльз был у него не первый такой) только вздохнул и выписал рецепт. На таблетки, которые Чарльз должен был принимать три недели, что обеспечит ему несколько месяцев иммунитета.

Однако после этого он стал осторожнее, не горя желанием проверить свой иммунитет на практике, а поэтому все откладывал и откладывал осмотр улья, так что в июле пчелы зароились, как и следовало ожидать.

Пчелы, во всем следующие правилам, роятся только во второй половине дня, так что началось это, видимо, в тот день, когда мы с друзьями, навестившими нас по дороге в Корнуолл, отправились посмотреть львов в Лонглите. Погода стояла безветренная, солнечная, знойная — в самый раз, чтобы любоваться львами на фоне искусственного вельда. И вот мы любовались, как они принимают солнечные ванны на своих площадках, величественно возлежат всем прайдом, и даже с восторгом обнаружили

огромного черногривого льва, который лениво разлегся на боку под кустом всего в трех шагах от нашей машины. Мы любовались, даже не подозревая, какие волнующие события происходят в нашем личном заповедничке в Долине.

Когда пчелы роятся, они повисают с мигрирующей царицей на ближайшем дереве или еще на чем-либо подходящем, пока разведчицы отправляются на поиски нового обиталища. Иногда они находят его быстро, и через час рой улетает. Но иногда они более разборчивы, и рой остается на дереве на ночь. Видимо, это и произошло с нами. Примерно в десять часов на следующее утро я, все еще думая о львах, вышла в сад — и просто остолбенела; со стороны живой изгороди по ту сторону дороги доносилось жужжание гигантской юлы, а взглянув туда, я увидела, что над ней висит занавес, словно сотканный из насекомых. Так толкутся комары, только движения этих были куда лихорадочнее. И пока я смотрела, не веря своим глазам, занавес, колыхаясь, начал удаляться вверх по Долине, оставив после себя внезапную, очень заметную тишину.

Чарльз был потрясен, когда я сообщила ему, что его пчелы зароились, и весь день мы провели, разыскивая их. Он обшаривал леса, а я вносила свою лепту, обходя дозором Долину, от души надеясь, что он их не обнаружит и не загонит меня на дерево или на чью-то крышу, что в таком случае было вернее верного. А кругом царил такая тишина! Не было слышно ни машин, ни людей. Именно такие дни и такие пейзажи грезятся людям, когда они мечтают о былой Англии. Дальше по дороге в саду заброшенного коттеджа на столбе сидел дятел и выглядывал насекомых. Большой зеленый дятел с ярко-алой шапочкой. Когда я проходила мимо, он замер без звука, без движения, чтобы я его не заметила. Ручей плескался среди калужниц, в сонной дали куковала кукушка, а из маленькой заводи пили пчелы и другие насекомые.

Пчелы и пьют строго по правилам. Всегда, в зависимости от того, к какому улью они принадлежат, с одного

камешка или одной травинки. Слетают вниз, становятся в очередь на посадочной полосе, всасывают свою квоту воды и мчатся с такой скоростью, словно дело идет об их жизни, назад в свой улей. Теперь я смотрела на них глазами Шерлока Холмса. Одни, втягивая воду с камушка, где ручей нырял под наш собственный въезд, взлетали над живой изгородью и устремлялись к нашему же улью в плодовом саду выше по склону. Другие, дальше по Долине, улетали в какой-то другой исходный пункт... на огороженную лужайку, где другой пчеловод держал свои ульи. Наши беглые пчелы, к этому времени, конечно, устроившиеся в глубине леса, у ручья не показывались. Да, естественно, им тоже пришло время пить — но из других родников за холмом.

Потом мы прекратили поиски. Я испытывала несказанное облегчение, что они не отыскались. Чарльз печально оплакивал их потерю. Но мое облегчение было несколько преждевременным. Неделю спустя они вновь завоились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я понятия не имела, что это может произойти. Мне, правда, почудилось, что я брежу, когда я вышла в сад сразу после раннего обеда и увидела, что они снова кружат, как перебравшие дервиши, точно на том же месте.

На этот раз они, однако, прилетели туда, чтобы повисеть, а не отправиться в дальний путь. Через мгновение они опустились, и наступила тишина. Догадаться, что они там, было бы невозможно. А я оказалась перед жгучей дилеммой. Сказать Чарльзу, чтобы он кинулся туда и был ужален? Или промолчать и спокойно отправиться в город, как мы планировали?

Тут вмешалась совесть, а потому я сказала Чарльзу, помогла ему надеть сетку и перчатки, проверила, что его дымарь зажжен как надо, а опрыскиватель работает, и с самыми дурными предчувствиями смотрела, как он отправляется в бой.

Сначала из-за живой изгороди донесся крик, оповещавший, что он их нашел. На бузине, сообщил он. Ниче-

го удобнее и придумать нельзя. Затем раздалось шипение опрыскивателя. Чарльз их деловито успокаивал. К несчастью, это вроде бы их, наоборот, раздражило, и за взметывающимися ввысь струями последовало громкое восклицание и взволнованно клубящийся дым.

Честное слово, сказала я на своем наблюдательном посту ниже по дороге, сначала он устроил что-то вроде пожарных учений, а теперь подает индейские дымовые сигналы. На что он там напоролся? На гнездо тарантулов?

Они заартачились, сообщил Чарльз голосом, приглушенным сеткой... но он как будто с ними сладил. И действительно, несколько минут спустя он затребовал ящик и щетку, чтобы собрать их. Идея заключается в том, чтобы смести рой в ящик, поставить его вертикально в качестве временного улья и оставить до заката. А тогда, когда все пчелы соберутся на ночлег, рой водворяется в новый улей вместе с царицей — и все в порядке.

Так, по крайней мере, поступает большинство пчеловодов. А Чарльз потребовал еще ящик... и еще ящик, и еще... Я перекидывала и перекидывала их через изгородь. Ему потребовалось пять больших ящиков, чтобы собрать свой беглый рой. Они все взлетали и взлетали, сообщил он.

Тем не менее наконец работа была завершена. Чарльз, ни разу не ужаленный, вернулся в коттедж с торжествующей песней на устах. Пять ящиков с пчелами ждали в плодовом саду вечера, когда Чарльз отправится водворять их в улей. Но каким образом они устроятся в пяти ящиках, спросила я, когда царица находится только в одном? Чарльз ответил, что они, как он надеется, переберутся в ее ящик. Тогда вечером все заметно упростится.

И вот, чувствуя, что у меня гора с плеч упала, я отправилась на ферму, чтобы по пути в город приобрести яиц. Для матери Чарльза, для моей тети Луизы. Чарльз должен был переодеться и заехать за мной на машине.

На ферме я задержалась довольно долго — рассказывала про рой и про то, как ловко Чарльз его собрал. И потому удивилась, когда вышла из калитки и не увидела его

в ожидании на дороге. Правда, не очень, так как Чарльз известный копуша.

Однако, когда я вернулась к коттеджу, увидела машину перед воротами и никаких следов Чарльза, мне почудилось, что все вокруг окутывает какая-то особенная зловещая тишина, и у меня подкосились колени. Пошел взглянуть на пчел, и они его искусили, подумала я, а теперь он лежит, вытянувшись, в коттедже... В коттедже его не оказалось, и я тут же вообразила, как он лежит, вытянувшись, в машине. Но (я с трудом заставила себя заглянуть туда) его там тоже не оказалось, и, следовательно, он должен был лежать, вытянувшись, под живой изгородью...

Я среди развалин моего рухнувшего мира как раз собралась войти в дом, надеть противомоскитную сетку и посмотреть, сумею ли я выгнать его из-под изгороди (погребенного под ползающими пчелами, которые, конечно, разделяются и со мной, и найдут нас только через несколько дней...), как вдруг услышала приближающиеся по Долине шаги. Чарльз. Не ужаленный, но вне себя от злости.

— Куда ты пропал? — крикнула я с облегчением.

— Они улетели! — крикнул он в ответ.

— Они же не могли! — сказала я. Но оказалось, что вполне могли.

Он только-только открыл ворота, сказал Чарльз, когда по ту сторону дороги вдруг зажужжало. Он посмотрел, а они все толкуются в воздухе, и не успел он глазом моргнуть, как они улетели. Пронеслись низко над садом (позднее Чарльз истолковал это, как желание попрощаться с ним, но в тот момент он нырнул в машину подальше от них), а затем понеслись вверх по Долине (Чарльз уже выбрался из машины и бежал за ними). Скрылись под крышей заброшенного разваливающегося коттеджа (он было подумал, что они там и соберутся, сказал Чарльз, но чертотвари покружили между стропил, да и вылетели наружу). А оттуда — вдоль склона и в лес.

Этот рой мы тоже не отыскиали, но на следующий день Чарльз пригласил специалиста по пчеловодству, и тот ос-

мотрел улей, а затем сообщил, что вот-вот должны были выйти на свет еще три царицы, и мы потеряли бы еще два роя, если бы не обратились к нему. Так случается, когда в улье происходит интенсивное размножение. Улетает не один рой, а вплоть до четырех, пока в улье не остается совсем мало пчел. Ну, а почему эти два роя ускользнули от Чарльза... Первым, сказал специалист, предводительствовала старая царица. А они, опускаясь, ждут, чтобы разведчицы указали ей путь к новому дому. В нашем случае она ждала до следующего утра, и, если бы мы ее захватили, она осталась бы, а с ней и весь рой. Но остальные рои следуют за молодыми царицами. Только что покинувшими свои ячейки, сказал специалист, а они капризны и непоседливы, как любые юные девушки. Он даже не слышал, чтобы такой рой долго оставался на месте, если не запереть его вместе с царицей.

Вот так. Бесспорно, мы узнавали о пчелах все больше и больше. Он даже и не предполагал, сказал Чарльз, заметно обескураженный. Она все еще мечтает отведать нашего медку, ворковала мисс Уэллингтон всякий раз, когда видела нас.

Но так и не отведала. В этот сезон мы не получили и двенадцати фунтов. Улетевшие рои прихватили с собой добрую часть меда, а оставшаяся требовалась на зиму тем пчелам, которые не покинули улья.

Вот эти-то домоседки и внушали мне тревогу за Сили. В будущем году, когда они все наладят и будут готовы жалить всех и каждого, совсем юный котик начнет познавать окружающий мир. Когда мы обзавелись ульем, Солломон с Шебой были совсем взрослыми и уже имели дело с одиночными пчелами. Но котенок же не поймет, насколько опасен улей.

До весны мы что-нибудь придумаем, заверил меня Чарльз. Окружим мелкоячейстой сеткой... или отдадим кому-нибудь... они же отнимают куда больше времени, чем он предполагал. Вот придет весна, подумала я со вздохом, и-он, бьюсь об заклад, снова загорится, а я буду варить пчелиную пасту и мчаться спасать то того, то этого.

Однако до весны оставались месяцы и месяцы, и у меня хватало других тревог. Например, как справляться с аппетитом Сили, и его манерой исчезать в лесу, и все увеличивающимися потерями и повреждениями в доме.

«Вечна надежда в сердце человека» — это, бесспорно, девиз всех владельцев сиамских кошек. Кошки рвут в клочья обивку стульев и кресел, превращают коврики в превосходную подделку под каракуль, бьют посуду, пока не начинаешь подозревать, что им приплачивает хозяин посудной лавки... И все же, заменяя испорченную вещь на новую, владелец лелеет мысль, что уж теперь-то все будет хорошо. Ну, если принять кое-какие меры предосторожности — например, укрыть чехлами наиболее уязвимую мебель, убрать бьющиеся безделушки с пути сиамских стипльчезов, а поймав их за тем или иным вандализмом, строго-настрого запретить на будущее подобные выходки...

Толку, естественно, никакого. Наши знакомые, перед тем как перетянуть кресла, пошли даже на то, чтобы посоветоваться со специалистом-обойщиком, какой наиболее сиаморезистентный материал может он порекомендовать. Это, объявил он с профессиональным энтузиазмом, интереснейший эксперимент и может помочь массе других страдающих кошководельцев. И он снабдил их образчиками материй, которые они набили на доски и поставили там и сям в доме.

На больших досках, пояснили наши друзья, под стать спинкам стульев... Сразу стало ясно, что темно-оранжевое букле для их цели не подойдет: не прошло и двух-трех дней, как оно превратилось в подобие дырявой мешковины (причем и цвета мешковины). Столь же очевидно не подошел и темно-серый твид: цвет не пострадал, но он обзавелся ворсом почище бобрика. В конце концов, они остановили выбор на тускло-зеленом, плотном... думаю, вы назвали бы его бумажным репсом. На его образчик кошки даже не взглянули, сообщили владельцы, а специалист-обойщик сказал, что эта материя им, очевидно, не по когтям.

Естественно, не взглянули, когда в их распоряжении имелись и букле, и твид, и укрепляющий когти плюш! Но едва экспериментальные доски были убраны и вместо них появились три стула, щеголяющие зеленым туго натянутым репсом, оказалось, что он им очень даже по когтям, сказали их владельцы. Пара недель — и они начисто выдрали у них спинки. Нет, никакие доски с образчиками для точки когтей не помогли. Паломничество они совершали только к зеленым стульям.

Да и мы сами, естественно, прошли через все это. Только Богу известно, сколько каминных ковриков изничтожил Соломон, ликующе натачивая когти точно на середине (испытывал свою Силу, сказал он). Мы попробовали, уходя, накрывать коврик резиновым ковриком из машины, но из этого ничего не вышло. Соломон просто начал играть в подземные ходы под ним и — мы же теперь его не видим, сообщил он радостно, и, значит, не знаем, чья это работа, ведь правда? — точил когти на середке каминного коврика еще усерднее, чем раньше.

Кожаное кресло в прихожей Шеба превратила в великолепное шагреновое, но только дырявое. А то, как Соломон изничтожил дорожку на лестнице? А его утренняя зарядка на кровати? Он с таким упоением подтягивался на матрасе из года в год, что из прорех теперь повсюду торчала набивка. А пытаться его остановить было бесполезно. У него повышается настроение, говорил он.

Так почему, имея за спиной такой богатый опыт, мы решили, что с Сили все будет по-другому? Но «вечна надежда» и так далее. Да и выглядел он таким безобидным и малюсеньким. Невозможно было вообразить, как он что-нибудь портит или бьет.

Вскоре никакого воображения нам не потребовалось. На второй его день у нас мы было заперли его в прихожей, чтобы спокойно поесть, но вскоре решили впустить в комнату, потому что не могли дольше терпеть его воплей. И на-верное, ему вредно, сказал Чарльз, так надрывать свое бедное сердечко... Ну, так он открыл дверь, и я все еще сме-

ялась тому, как Сили пронесся через комнату, точно борзая по беговой дорожке, а он уже перемахнул через мое плечо и приземлился точно в моей тарелке. Мчался он к креслу позади моего стула, как к трамплину для прыжка на стол. Стал бы он бегать по комнате просто так!

С этих пор, едва входя в комнату, он направлялся к этому креслу. Либо как к наиболее прямому пути на стол, если мы сидели за столом, а если не сидели, то как к прекрасной стартовой площадке для показательных акробатических номеров, или же, когда ему было скучно, он ползал по спинке, цепляясь коготками... и с особым усердием после того, как обнаружил, что это доводит меня до белого каления.

И еще как доводило! Номер со стартовой площадкой был особенно эффектным. Сили влетал в комнату, в прыжке ударялся о спинку кресла под углом мотоциклиста на Стенке Смерти всеми четырьмя лапками, а затем галопировал кругами, будто по цирковой арене. Зрелище, бесспорно, бесподобное и всегда вызывало бурные аплодисменты зрителей. Но когда Сили кидался на спину и, цепляясь коготками, ерзал по практически новому чехлу, а затем, все также лежа на спине, хитренько поглядывал из-за ручки крутым голубым глазом, проверяя, а как это на меня подействует, я действительно приходила в ярость. И я кричала на него, называла гадким котенком, а ему только того и требовалось: с дьявольским злорадством Сили принимался бегать по сиденью.

Теперь то, как Сили волок себя по одной стороне сиденья, ожидая нагоняя, а затем, удвоив скорость, проделывал то же вдоль спинки и второй ручки, прочно вошло в распорядок нашего дня. Как и упражнения Сили сбоку матраса — что, утешал меня Чарльз, показывает, насколько похожим на Соломона он вырастет.

Не желая оставаться в стороне, Шеба также принялась точить когти на стульях в столовой. Конечно, очень приятно видеть, что она так хорошо себя чувствует, говорила я, но лучше бы она нашла себе другое развлечение... Есте-

ственно, увещевала я ее впустую. Она точила когти на стуле, чтобы привлечь внимание Сили; он подбегал, прятался под стулом и возбужденно тыкал в нее лапкой, она тыкала в ответ, он карабкался, чтобы добраться до нее... Вот так у меня на глазах гибла томатного цвета обивка моих стульев. Бац — и все тут.

Но гибла не только обивка. Сили, изгоняемый в прихожую, пока мы ели, принялся за противосквознячную обивку двери, видимо решив, что стоит ее убрать, и он сможет протиснуться в шелку под дверь. А потому после нескольких негодующих протестов он обнюхивал обивку, садился и приступал к ее удалению. Была она из желтого пенопласта, и разбросанные по красному ковру прихожей ее обрывки не только сразу бросались в глаза, но и роковым образом напоминали кусочки бисквитного торта.

— Помилуйте, да что же это... — спросила мисс Уэллингтон, явившаяся за пожертвованием на что-то там в одно прекрасное утро сразу после завтрака и увидев словно бы обломки торта, истерически разбросанные по всему полу. Не желая, чтобы она начала рассказывать по всей деревне, что я кидаю в Чарльза кусками торта, я была вынуждена подробно описать ситуацию. Как мы закрываемся от Сили, чтобы он не прыгал по тарелкам, а он тогда начинает драть обивку двери. Сочувствия от мисс Уэллингтон я не дождалась. Она крайне не одобряла, что мы обзавелись Сили — отчасти потому, что так любила Соломона, и появление у нас котенка через столь короткий срок, по ее мнению, доказывало наше бессердечие по отношению к нему, а отчасти потому, что не сомневалась, как это расстроит Шебу. Однако однажды она навестила нас, а Шеба лежала перед камином, окруженная валиком из автомобильного пледа, как всегда зимой, чтобы на нее не дуло из-под двери.

— Ну, и как поживает наша девочка? — осведомилась мисс Уэллингтон, подходя, чтобы ее погладить. И вдруг остановилась. На нее из-под бока Шебы и валика красного клетчатого пледа вокруг них обеих смотрела черная узкая мордочка. Ну, не совсем напоминавшая Соломона,

потому что маска еще четко не проступила. Однако на нее из уютного гнездышка смотрели глаза Соломона, а потом котенок зевнул, потянулся и поудобнее положил толстенькую черную лапку на шею Шебы.

— Милый, Милый Мальчик, — сказала мисс Уэллингтон, так что можно было подумать, будто именно она искала и нашла Сили.

Теперь она сказала «Милый, Милый Мальчик» совсем иным тоном. Словно мы приковали его цепью к стене темницы, а не просто оставили в прихожей, чтобы спокойно поесть. А если милый, милый мальчик и сжевал обивку двери, то остается только надеяться ради нашей же совести, что он ее не наглотался.

Нет, не наглотался. Или же расстройства желудка она у него не вызвала. Но если бы мисс Уэллингтон приходилось терпеть его голосище...

Не то чтобы мы имели что-либо против его голоса. Мы радовались, слыша его, различая в нем соломоновскую ноту, и она все усиливалась. У него была манера прохаживаться, говоря себе под нос «мррр-мррр-мырр», ну, совершенно очаровательная. Просто иногда его голос становился слишком уж оглушительным. Например, когда он надрылся в прихожей, требуя, чтобы его выпустили в столовую. Или когда его манил лес и он надрывно настаивал, чтобы его немедленно выпустили. Тогда он очень напоминал Соломона и собственного своего папашу.

— Оууу! Оууу! ОУУУ! ОУУУ! — сидя под дверью, выводил он эти свои «хочу» без согласных, плотно зажмуривая глаза. И настолько его захватывал драматизм им же созданной ситуации, что он явно крайне удивлялся сам себе, когда я обрывала его вопли вопросом: «Ну, и что же это ты, по-твоему, затеял?»

— Оооо??? — умильно спрашивал он самым своим тоненьким заячьим голоском.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Все это очень мило, но он с каждым днем обретал новый вкус к приключениям, и, выпуская его, мы никогда не знали, что он затеет. Впрочем, когда мы его не выпускали, то также не знали, что он затеет. Например, то первое знакомство с обеденным столом, когда одним могучим прыжком со спинки кресла он плюхнулся в мою тарелку, привило ему вкус к длинным прыжкам, за которыми следовало эффектное скольжение. И оно не было делом случая. Скользил он с таким постоянством, что за этим сквозила явная преднамеренность. Он скользил через обеденный стол, скользил по кухонным рабочим столикам, упоенно скользил по полу ванной, словно мальчишка на санках. Однажды он проскользил сквозь кухонную дверь во двор с такой скоростью, что, пытаясь обогнуть угол коттеджа и выскочить на лужайку, растянулся во всю длину на плитках. Ерунда, заявил он, вскакивая, и, весь в пыли, прогаллопировал дальше. Он становился большим знатоком того, Как Надо Падать.

А заодно и знатоком, как падать с чего-то. Эти могучие прыжки не всегда завершались благополучно. Иногда он оказывался на кухонном столе, уставленном грязной посудой, или среди документов на столике в гостиной, и после тщетной и энергичной попытки удержаться Сили летел на пол с тем, во что угодил лапами. Он перебил столько тарелок и блюдец, что, предвидя день, когда ему взбредет в голову прыгнуть на каминную полку, я все бьющиеся безделушки на ней приклеила липким пластырем.

Лучше обезопаситься, чем потом пожалеть, решила я. Там стояли стэвфордширские статуэтки, доставшиеся мне от бабушки. Мне не хотелось убирать их оттуда, но еще меньше хотелось, чтобы они разлетелись вдребезги... как и итальянские фарфоровые кошки, или стеклянный венецианский лебедь, которого мне подарила тетя Луиза, или блюдо с синим узором в китайском стиле, память о бабушке Чарльза. Ну, и я надежно закрепила их пластырем. И — хотите пари? — Сили ни разу даже не посмотрел на каминную полку. Видимо, она не обещала достаточно простора для скольжения. Но с той же неизбежностью, с какой любые мои потуги оказываются тщетными — например, стоит мне вымыть окна, как начинается дождь, — через несколько дней у меня пила чай дама, интересовавшаяся стэвфордширским фарфором.

— О! Уилл Уотч! — воскликнула она, не успев войти, и поспешила к каминной полке, протягивая руку к джентльмену в желтых брюках слева. — О, Роб-Рой! — и собиралась протянуть руку к угрюмому шотландскому горцу справа, но у нее ничего не получилось. Послышался легкий треск, когда пластырь чуть оторвался от камня, однако надежно закрепленный пятью его полосками, Уилл Уотч остался стоять, где стоял.

Ее глаза стали шире, когда она увидела, что его удерживает, а затем и полоски на фарфоровых кошках и на стеклянном лебеде. Однако корректности ей было не занимать.

— О! Бенаресские вазы, — прервала она неловкую паузу, заметив высокие медные кувшины по краям полки.

Они не были скреплены пластырем. Но и не были вычищены, как следовало бы. У меня, по обыкновению, не хватило времени, и перед ее приходом я только-только успела почистить ручки и стороны, обращенные к комнате, а затем водворила на полку, радуясь, как они блестят спереди, а сзади их не увидит никто.

А вот она увидела. Взяла в руки, стала вертеть, разглядывая узор... И я готова была сквозь землю провалиться, когда взгляду открылись неначищенные их тылы. Это все его вина, сообщила я Сили, когда она ушла. А Сили, по обыкновению, сидел смиренно и ответил мне невиннейшим взглядом.

У него всегда вид был самый невинный. Мы хранили его игрушки — его пинг-понговые мячики, его мышонка, его паука из меха и с колокольчиком, предмет его особой привязанности, — в фарфоровой кружке на столике у стены. Кружка для сидра, с двумя ручками, очень старинная. И не приклеенная пластырем, так как мне и в голову не пришло, что ей может грозить хоть какая-то опасность на этом уединенном столике у стены. И у него опять-таки был невиннейший вид ангела кисти Боттичелли, когда, выживая паука, он умудрился сбросить ее с треском в совок с углем.

Соломон за все долгие годы так и не сумел этого сделать! Я застонала и бросилась подбирать осколки. За все эти долгие годы такого Соломону тоже не удавалось, заметил Чарльз, когда, к моему изумлению, я извлекла кружку из совка, целую и невредимую. Уж Соломон бы обязательно отбил ручки. А Сили сидел, щурясь с края столика, само воплощение наивного недоумения. Наверное, это Шеба сделала, сказал он.

И столь же невинно он выглядел, когда мы обнаружили его в надежно запертом сарае, где он очутился непонятно каким образом. Вернее, так мы подумали бы, если бы, стоя во дворе, я случайно не заметила, как он целеустремленно скрылся позади сарая. Не сомневаясь, что затем он обогнет второй угол и убежит на склон, я ловко

бросилась за ним и успела заметить, как он исчез в дыре под задней стенкой сарая. Дыре, о существовании которой за горами пустых бутылок, корзин и всяких необходимых Чарльзу мелочей мы даже не подозревали.

Зато про нее знал Сили. И когда в следующую минуту вопли Попавшего В Ловушку Сиам, В Самом Бедственном Положении, Пошлите за Ветеринаром и Заодно Вызовите Полицию — когда этот знакомый нам со времен Соломона вопль огласил двор и Чарльз выскочил из дома с паническим видом, мы, безусловно, были бы озадачены, отпирая висячий замок, чтобы добраться до страдальца, не будь я свидетельницей того, как он забрался в сарай, так сказать, с черного хода.

Когда Чарльз открыл дверь, Сили восседал на куче стружек, выглядя совсем уж ангелочком.

— Как ты сюда попал? — воскликнул Чарльз, еще не посвященный во всю подноготную.

Но он не знал. Кто-то Затолкал его внутрь. Наверное, Шеба, душевно заверил его Сили.

Так продолжалось всю зиму. Он весело играл в игру Заперт в Сарае Злокозненной Шебой, исследовал тайны ближних окрестностей и с каждым днем все неразрывнее вплетал свою жизнь в наши.

Втайне я с ужасом думала о приближении Рождества. Тетушка Этель, тетя Луиза и родные Чарльза у нас в гостях... все, как бывало всегда, но только с нами не будет темномордого кота. В Сочельник я много думала о Соломоне. Однако все прошло лучше, чем я ожидала. На заиндевевшей лужайке Аннабель хрустела своими сухарями и морковью. Шеба сидела с нами на своем томатного цвета стуле, поджав под себя лапы, — эдакая маленькая наседка на гнезде! Она даже безмятежно поквохтывала, когда с ней заговаривали. А иногда мой взгляд скользил по ярко освещенной, полной веселых голосов комнате туда, где прежде из-под стола за нами наблюдал кот с большими, как у летучей мыши, ушами... туда, где кот с тревожным выражением на морде выглядывал из-под кресла... туда,

где кот, решив, что гостей Можно Не Опасаться, когда-то восседал на каминном коврике председателем рождественского праздника... А теперь и там, и там, и там резвился толстенький белый котенок. Прятался под столом. Выглядывал из-за кресла. А потом, решив, что все хорошо, вышел ловить свой хвост перед огнем. Колесо совершило полный оборот. Теперь светильник нес Сили.

И не только нес, но и спалил свои усы. Ванная в коттедже расположена на первом этаже и встроена в склон холма. В сырую погоду там становится промозгло, и поэтому мы ставим позади ванны горящую керосиновую лампу. Старомодную настольную лампу Аладдина, которая только-только помещается в узком пространстве у стены. С привернутым для безопасности фитилем света она дает мало, но достаточно тепла, чтобы нагревать стену. И пахнет от нее не керосином и веет старинной сельской теплотой. А ее тусклое свечение создает таинственный золотистый полумрак. Так, во всяком случае, как будто думал Сили: когда в такие вечера он просился, чтобы его выпустили из гостиной, то не восседал тревожно на тазике с углем, как было вначале, а тихонько устраивался на мозаичном полу, окружающем ванну.

Размышляю, ответил он, когда мы спросили, что он тут делает. Чарльз сказал, что, наверное, безопасно оставлять его возле горячей лампы. Ну, конечно, сказала я. Соломон и Шеба никогда близко к ней не подходили. А потому, бесспорно, виновата только я, что однажды Сили вернулся из ванной без усов. Туда его манила лампа, а не возможность предаваться медитации. И вот наконец, не в силах совладать с любопытством, он собрался с духом, заглянул в нее сверху и — пшш! — молниеносно лишился усов.

Совсем как Соломон, сказала Шеба, увидев его.

И была совершенно права, но только Соломон не спалил свои усы над лампой — их из любви к нему нежно отгрызла его мать.

— С каждым днем становится все больше на него похожим, — сказал Чарльз опасливо.

Да, становился, и при этом рос да рос. Когда мы только его взяли, он мог прятаться под креслами, кружить под кроватью на манер заводной мыши, проскакивать стрелой между прутьями калитки, направляясь на склон холма. А теперь он мог только засовывать лапу под кресло, выуживая из-под него своего паука; постоянно застревал под кроватью и принимался вопить, а сквозь прутья калитки протискивался еле-еле.

А когда однажды я, заметив, что он пролезает в калитку, кинулась перехватить его, выяснилось, к большой моей тревоге, что втащить его назад я не могу. Продвигаться он мог только вперед по шерсти и безнадежно застревал при попытке продвинуть его в обратном направлении.

Однако позволить ему выскользнуть на дорогу означало победоносный прыжок вперед и долгую игру в прятки по всему лесу. А потому мы открыли калитку с Сили между прутьями — я держала его на весу, Чарльз проскочил наружу и вытащил его, а старик Адамс, по обыкновению проходя мимо, сказал:

— Пожрет еще раз-другой, и придется тебе прутья пилить, чтоб его вытащить.

Совершенно справедливое замечание. Сили, правда, рос и обещал стать крупным, очень крупным котом. Уже когда они лежали рядом, его было трудно отличить от Шебы. Но солидным весом Сили был обязан своему аппетиту.

Чарльз сказал, что, по его мнению, ест он даже больше, чем ел Соломон.

— Не может быть, — ответила я, вспоминая Соломона в пору его расцвета. — Просто котенком Соломон был так давно, что ты забыл его вместимость.

— Я знаю только, — с глубоким убеждением заявил Чарльз, — что Соломон не ел свою пищу до того, как получал ее.

Это тоже было верно. Стоило Сили завидеть еду, как он кидался к ней, а его язычок уже усердно работал в предвкушении. Удерживая его, пока ела Шеба, можно было наблюдать, как он глотает в унисон с ней. И высо-

вывал язык, следя за ней. Да, Сили насыщался в воображении.

Когда же желаемое становилось действительным, его аппетит не знал пределов. Он уписывал свою порцию, уминал все кусочки, которые не доела Шеба, а затем отправлялся на поиски чего-нибудь еще. Он исследовал кухню, держа нос над самым полом, точно выдра в поисках новой территории. (Мы видели фильм «Кольцо светлых вод», и сходство было просто поразительным.)

Возможно, это увлечение едой возникло, потому что он рос среди такого количества кошек. Ешь Быстрой, А Решать, Что Ты Съел, Будешь Потом. Так, наверное, наставляла его мамочка свое потомство. И по той же причине, конечно, в один прекрасный день я нашла его в кухонной мойке дегустирующим неслитую воду. И конечно, из-за того же в другой раз — когда у нас были гости и ужин готовился в лихорадочной спешке, так что кухня была вся заставлена кастрюлями и посудой — я застукала его, когда он на плите, сунув задние лапы в мисочку с остатками сливок на дне, упоенно вылизывал сковородку, которую я оставила на подоконнике. Нет, конечно, он любил и сливки и, вероятно, влез в них задними лапами, чтобы заявить свои права на них, пока разделялся с мясной подливкой со всей возможной быстротой.

И неудивительно, что он стремительно рос. Хотя, если судить по величине его лап, ему предстояло стать куда крупнее. И у него пробивались новые усы. Я просто поверить не могла, они стали пятнистыми, как у Соломона!

Теперь ему исполнилось ровно пять месяцев, и приближалось время прооперировать его. Шестимесячный возраст наиболее для этого подходит. Я позвонила ветеринару.

— А вы уверены, что он кот? — осведомился ветеринар. Я ответила, что никаких сомнений в этом нет.

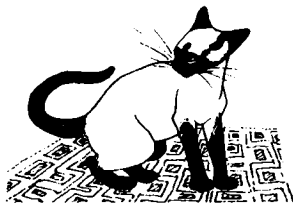
Да уж, никаких! «А миндалины-то у него что надо!» — сказал как-то старик Адамс. Но, к несчастью, в присутствии мисс Уэллингтон. Бедняжка, шокированная до мозга

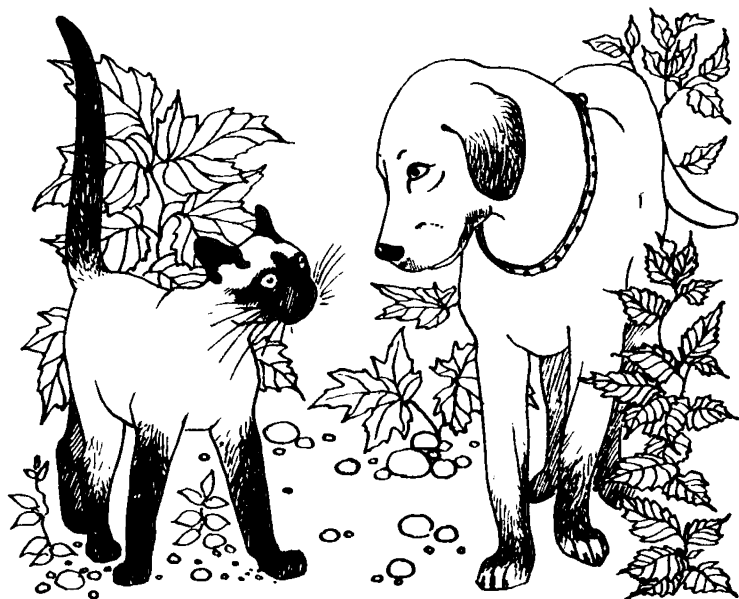
костей, до сих пор заливается пунцовым румянцем при одном воспоминании.

Итак, день операции приближался, и тут к нам приехали гости. Две сестры, учительницы, от которых в черные дни после потери Соломона мы получили телефонный номер, который привел нас к Сили. Уже давно мы приглашали их приехать посмотреть на него, но сперва возникла паника из-за грозящей эпидемии кошачьего гриппа, и мы побоялись встретиться, а потом подошло Рождество, и все мы захлопотались. А теперь наступил Новый год, и они приехали навестить его. Сили вел себя безупречно. Придя к выводу, что они не намерены похищать его, поведал им историю своей жизни. Покувыркался для них на каминном коврике. Посидел у них на коленях. Никогда еще мы не видели нашего Сили таким любезным.

У сестер были две сиапочки — близняшки Конфетка и Помадка. Любой владелец сиамов помнит железную истину: если его кошка заболет, то потому, что она или ее владельцы общались с другой сиамской кошкой. Это столь же непреложно, как то, что ночь сменяется рассветом.

Ну, и, конечно, на следующий же вечер одна из сестер позвонила в ужасе: Помадка заболела, сказала она. Они вызвали ветеринара. У них в деревне, говорят, произошла вспышка кошачьего гриппа. Мы должны обязательно проследить, не появятся ли симптомы у Сили... Они никогда себе не простят, если он заболет, сказала она, но, честное слово, Помадка накануне просто прыгала от переизбытка здоровья.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Не сомневаюсь, что так и было. И вскоре она уже снова прыгала, но один день ей было очень-очень плохо. Что с ней приключилось, они так и не узнали. Ему, сказал ветеринар, не кажется, что это был кошачий грипп; да и ее сестра Конфетка не подхватила от нее никакой заразы.

Тем временем мы, само собой разумеется, переживали собственный сиамский кризис. Через двое суток после телефонного предупреждения я позвонила сама узнать, как себя чувствует Помадка. Слава богу, поправляется, сказала ее хозяйка, хотя накануне они совсем уже поверили, что потеряют ее.

— Но как Сили? — спросила она с трепетом.

— А, просто пышет здоровьем, — ответила я.

— Ну, я рада, что вы не позвонили вчера, — сказала она с облегчением. — Мы, правда, думали, что это кошачий грипп. И если бы мне пришлось сказать вам...

И естественно, произошло неизбежное. Когда я утром спустилась вниз, Сили в первый раз не сидел на крышке

бюро, чтобы поздороваться со мной: Он лежал, томно на меня поглядывая, в своей постели перед огнем. Ну, он устал, сказала я себе твердо. А когда он встал, на вид такой же здоровый, как всегда, я сказала: «Слава богу». Но он не подошел ко мне. Он направился к своей мисочке с водой. И хотя в тот момент я отмахнулась и от этого — а почему бы ему и не напиться? Утром что может быть нормальнее? — вскоре стало ясно, что с ним очень неладно. Он отказался от завтрака и все время возвращался к мисочке с водой. А затем — у меня сердце оборвалось — его стошнило. Небольшой комочек цвета желчи, на который он уставился с большим интересом, а мы — с ужасом, словно это был неопровержимый симптом чумы.

Пять минут спустя, в течение которых мы с отчаянием уверовали, что у него кошачий грипп, затем утешились, вспомнив, что Помадка-то выздоровела, какая бы хворь ее ни скрутила, и вновь приуныли при мысли, что выкарабкалась она лишь с большим трудом... так пять минут спустя Сили объявил, что чувствует себя лучше. Шесть минут спустя он ел, как изголодавшийся охотник. Десять минут спустя он громогласно требовал, чтобы его Выпустили. Слава всем святым, тревога оказалась ложной.

Вот что значит пить воду из мойки, строго сообщил ему Чарльз. Подумаешь, ему вовсе не было так уж плохо, заявил Сили. Ну, в чем бы ни крылась причина, одно было ясно: на спокойную жизнь рядом с ним мы могли не рассчитывать.

Как, впрочем, все, кто связывает свою судьбу с сиамами. Взять для примера хозяек Конфетки и Помадки. За восемь месяцев до этих событий они приехали к нам, удрученные смертью их старенькой собаки. Это был пудель, сказали они, и они чувствуют, что никакая собака им его не заменит. Но если взять сиамскую кошку... как мы считаем?

Двух сиамских кошек, посоветовали мы им. Две куда лучше одной. Они сохраняют молодость друг другу и удовлетворяются собственным обществом, особенно когда приходится оставлять их одних. Мы предостерегли на-

ших гостей, что они могут прийти до помешательства, но вот скучно им уж больше никогда не будет. Ну, а их отец, ему ведь девяносто. В их голосе было сомнение. Ну, наверное, это скрасит ему жизнь, сказала я, тихонько постукивая по деревянной спинке стула.

Несколько месяцев спустя от них пришло письмо. Летопись катастрофы, другого слова не найти, начавшаяся с восьмидесятимильного путешествия одной из сестер за котятками. Когда она добралась до дома, к ее восторгу Помадка тут же воспользовалась ящиком, а она (ее зовут Дора) в блаженном умилении созерцала свою миленькую чистоплотную кисоньку.

Блаженство она испытывала недолго. Едва выбравшись из ящика — до чего же хорошо, облегченно заявила Помадка, — она решила в честь своего подвига взобраться куда-нибудь повыше. И тут же направилась к ближайшему столбу, который оказался ногой Ниты, сестры Доры, — и Нита удалилась к себе в спальню с дорожками на нейлоновых колготках, с узором черных следочков на блузке (Помадка же только что покинула ящик с рыхлой землей) и с плечом в бороздах, точно свежевспаханное поле, там, где Помадка ликующе повисла. «И ведь они в доме пяти минут не пробыли», — сообщила Дора с благоговением. И Нита с тем же благоговением вспоминала, как она ушла к себе в спальню, помолилась о спасении и взвесила, нельзя ли одну отправить обратно.

Ну да все это осталось в прошлом. Нита теперь была такой же преданной их рабыней, как Дора, что было особенно удачно, поскольку именно она оставалась днем дома, чтобы ухаживать за отцом, и ей приходилось расхлебывать все затеи, на которые не скупилась котятка.

Например, именно Нита бросилась за ветеринаром, когда Помадка застряла в часах. Часы были напольные, она заползла снизу и прочно застряла под гирей. Гирия почти совсем опустилась и продолжала неумолимое движение вниз — парочка отчаянных извиваний, и Помадка оказалась в ловушке. Сначала она завопила, и это было

ужасно, а затем замолкла, что было еще ужаснее, а Нита не решалась поднять гирю из страха уронить ее на малышку и боялась потянуть за цепочку — вдруг Помадка запуталась в ней и задохнется... К тому времени, когда приехал ветеринар и высвободил ее, она совсем окостенела, и они было решили, что все кончено. Ничего подобного. Антишоковая инъекция — и вскоре она уже снова была сама собой, хотя и несколько помятой. То есть Помадка, а не Нита, которую еще долго мучили кошмары.

Помадка, несомненно, была подобием Соломона. У Конфетки был свой звездный час, когда ее ужалила пчела, а они решили, что у нее свинка. Вот как Шеба еще котенком прогуляла всю ночь, а мы с ума сходили, думая, что ее сцапала лиса. Однако у нас постоянно во что-то вляпывался Соломон, а у сестер — Помадка.

Именно Помадку на другой день после стерилизации обнаружили на высоком каштане — передними лапами она цеплялась за ветку, а задними отчаянно болтала в воздухе. На такой высоте, рассказывала Дора, что залезть за ней они не могли, им даже посмотреть туда было страшно. В панике они притащили свернутый ковер, только что полученный из чистки, и расстелили его под веткой. Тогда Помадка подтянулась — с невероятным трудом, дала она ясно понять, — немножко прогулялась и свесилась с ветки, под которой не было ковра.

И конечно, именно Помадка перелезала через решетку, которой они обнесли сад, — с единственной целью посидеть в кювете. Обожает машины, со вздохом объяснила Дора. Ее ничем не удержать.

Если бы дело происходило на оживленном шоссе, ей бы не прожить и пяти минут. Но это был тупик, и машины двигались медленно, и больше всего сестры опасались, как бы она ненароком куда-нибудь не уехала. Они уже разок обнаружили ее под капотом собственной машины, и потом она как-то раз таинственно пропала, и они погнались за фургоном из прачечной.

Нет, он такой не видел, сказал шофер, когда они его настигли и описали исчезнувшую Помадку. Оно правда,

он то и дело кошек из фургона выбрасывает... Понять не мог, как они туда залезают. Ну, он их выгонял, и все тут...

Они заглянули во все его корзины, а на обратном пути домой громко ее звали, на случай, если она еще прежде выпрыгнула из фургона где-нибудь тут... И все оборачивались и смотрели на них, сказала Дора с чувством. Особенно когда они останавливались и заглядывали в чужие сады... А когда они добрались до дома, естественно, знакомая фигурка поджидала их на краю канавы для газовых труб. Осматривала Яму на Дороге, весело сообщила им Помадка. А они гулять ездили или как?

Пусть Помадка пока не побила рекорды Соломона, но было ясно, что у нее еще все впереди. Сили тоже явно шел по стопам Соломона. Взять, к примеру, собак. Соломон упорно рвался гонять собак в твердом убеждении, что все они его боятся, и из-за этой его привычки мы часто попадали в тяжелое положение. Он пугал пуделей, изводил пекинеса нашего священника, еле спасся от мастифа, удрав в парник, а один раз пожарным пришлось снимать его с верхушки дерева.

Помадка отдавалась этому занятию с таким же увлечением: помыкала скотчтерьером по кличке Мак и зловеще ворчала на корги их соседей, когда он проходил мимо кювета, где она восседала. Но это были коротконогие собачки. И у сестер чуть не случился нервный припадок, когда в дом дальше по дороге въезжали новые жильцы и они увидели, что за выгрузкой мебели следит мужчина с грейхаундом на поводке.

«Ах нет!» — простонала Дора.

«Нам придется переехать отсюда», — сказала Нита, а Помадка, запертая в доме, выкрикивала всяческие поношения по адресу грейхаунда.

В конце концов, после того как они выпили несколько чашек чая, чтобы утихомирить свои нервы, мебельный фургон уехал. Но человек с грейхаундом остался! Стоял у калитки и с интересом осматривал сад. И спать они легли, рассказывали сестры, только после того, как пошли

туда и спросили у него, не новый ли он владелец дома. А когда он ответил, что всего лишь шурин и просто помогал с переездом, они вскричали «слава богу», чем явно совсем сбили его с толку.

А теперь и Сили включился в собачью игру, и с нами тоже чуть не приключился нервный припадок, когда в один прекрасный день мы выглянули в окно и увидели, что он стоит на дороге нос к носу с Джимом. Джим — уменьшительное от Джемимы — факт, который потрясает посетителей Долины, когда, как происходит постоянно, миссис Пенни, тяжело дыша, трусит по дороге за могучим лабрадором на поводке и кричит, поравнявшись с нашей калиткой: «Вот досада! Джим в течке! И почему это всегда случается, когда мне некогда?»

Ну, Джим, уменьшительное от Джемимы или нет, любила погоняться за кошками, и, когда мы увидели Сили на дороге в позе дуэлянта в Булонском лесу перед лабрадором, который ухмылялся ему с расстояния в два шага, точно волк из «Красной Шапочки», мы буквально окаменели. Вид у Сили был пренебрежительно безмятежным, точь-в-точь как у Соломона в подобных ситуациях, когда он противостоял собакам. А кроме того, он выглядел таким маленьким, а мы знали, на какую стремительность способна Джим...

Немного опомнившись, мы вылетели в сад. Парочка все еще созерцала друг друга, точно в ожидании сигнала. Джим весело покосилась на нас и высунула язык (она ведь была очень дружелюбной, только вот любила гоняться за кошками). Сили в лучших традициях Дикого Запада не отвел взгляда от противника.

Я шепнула Чарльзу, что проскочить в калитку и подхватить Сили на руки не удастся. Он пустится бежать, Джим кинется за ним, и только Богу известно, где они финишируют. А ведь мы еще даже не знали, умеет ли Сили влезать на деревья. Вдруг попытается и не сумеет?

Чарльз прошептал, чтобы я положила на него, а затем...

— Джим! Домой! — сурово загремел он басом мистера Пенни.

Команда «Джим! Домой!», клавшая конец погоням за кошками, лошадьми или другими собаками, а также попыткам покинуть дом и отправиться на поиски счастья, давно уже была такой же привычной в Долине, как рев Аннабели «йоухоухухухо!» или мои призывы «Сили-уили-уили!» Однако я не отдавала себе отчета в эффективности этой команды.

— Джим! Домой! — снова пророкотал Чарльз, и Джим, поджав хвост и показав нам белки глаз (то ли упрекая Чарльза за удар ниже пояса, то ли поверив, что рядом с нами стоит ее хозяин, только невидимый), покорно закрусила по дороге в направлении своего дома.

Беда была, разумеется, в том, что Сили тут же вообразил себя победителем. «Я взял верх! — завопил он и торжествуя устремился вслед убегающей Джим. — Я заставил ее убраться восвояси!» И хотя я тут же забрала его и объяснила ему, что верха он не взял и что не следует маленькому котенку грубить собакам, с этих пор ему стоило только завидеть собаку любой породы, и секунду спустя он за калиткой бесстрашно глядел ей в глаза, ставя ее в известность, что он — Сили. И это его дом. Какие-нибудь возражения? — воинственно осведомлялся Сили.

К счастью для него, возражений у них не было — несомненно, из-за сочетания фарфорово-белой шерсти, сверкающих голубых глаз и масочки, по жуткости не уступающей барсучьей. Но в один прекрасный день они разберутся, что он всего лишь кошка, предупреждали мы его. А он их не боится, доблестно заявлял Сили.

Зато он боялся лошадей. Мы не могли понять почему. Аннабель ему теперь до того нравилась, что он посиживал между ее передними копытами и, казалось бы, должен был счесть лошадь похожей на нее, только побольше. Однако для Сили лошадь была самым зловещим пугалом. Я всячески пыталась приучить его к ним... Подхватывала его на руки при приближении лошади (Сили вывертывал-

ся утрем и исчезал, прежде чем она успевала его увидеть); позволяла ему стоять у меня на плече (этот трамплин все еще хранит шрамы от отталкивающихся когтистых лап); заговорщически пряталась с ним в высокой траве, когда ниже нас по склону проходила лошадь... Я могу тут остаться, если мне хочется, сказал Сили, но лично он спрячется подальше в лесу.

А потому я воспрянула духом в тот день, когда одна наша знакомая появилась на дороге верхом на гунтере, а Сили, вместо того чтобы, припав к земле, поскорее удрать в какое-нибудь убежище, только широко раскрыл глаза и стойко остался на своем посту у калитки.

А если так, сказала я, сажая его на столб, где, казалось мне, он должен чувствовать себя в большей безопасности и сможет посмотреть лошади прямо в глаза, как равный. А повыше — еще лучше, сказал Сили, впервые в жизни перебираясь со столба на крышу соседствующего угольного сарая. Бесспорно! Любимый наблюдательный пост Шебы; да и Соломон оттуда же осыпал ругательствами многих своих противников, хотя в минуты прямой опасности предпочитал крышу просто сарая, благо она повыше.

А потому крайне довольная этим шагом в желанном направлении (Соломону лошади всегда нравились, а теперь и Сили как будто начинал ими интересоваться), я подождала, пока всадница не подъехала, и мы начали обмениваться деревенскими новостями.

— Новый Мальчик? — сказала я. — Так он вон там, на крыше. Только не смотрите на него прямо, он еще только привыкает к лошадям...

Если бы она просто проехала мимо по середине дороги, все, полагаю, сошло бы прекрасно. Сили на крыше, укрытый ветками сирени, чувствовал бы себя уверенно и спокойно, воображал бы, что устроил засаду. Но мы разговаривали у калитки, и лошадь, заскучав, начала посматривать по сторонам. Она была шестнадцати ладоней в холке, и ее нос находился как раз на уровне крыши угольного сарая. Увидев Сили, она с интересом наклони-

ла уши вперед и осторожно вытянула шею, чтобы разглядеть его получше.

Я, сосредоточившись на лошади, сказала весело:

— Ну-ка, Сили, подойди, познакомься с Майором!

Мне и в голову не пришло, что Сили почувится опасность. Всадница, повернувшись лицом к нему, видела, что происходит, но от ужаса онемела и только таращила глаза. Перехватив направление ее взгляда, я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть финал. Сили, перепуганный до полусмерти таким крупным планом чудовища, не карабкался вниз по стенке сарая, как поступило бы большинство кошек. Видимо, решив, что нельзя терять ни секунды, он спрыгнул с крыши, будто у него выросли крылья. И увидела я его в тот момент, когда он описывал в воздухе дугу, а затем с омерзительно громким хлопком шлепнулся на самую середину двора, торопливо вскочил и пустился наутек.

Он даже не ушибся. Да, он уже не был миниатюрным нежным котенком, но все-таки достаточно юным, чтобы перенести такую встряску без вреда для себя. Все идет заведенным порядком, сказал Чарльз вечером. Соломон как-то раз выпрыгнул из окна спальни и приземлился на гортензии, а теперь вот Сили спрыгнул с крыши угольного сарая.

«Заведенным порядком», — смогла я только повторить слабым голосом. Такого ужаса я давно не испытывала. Может, Сили сохранил все свои девять жизней, но я наверняка потеряла одну из моих!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Да уж, все шло заведенным порядком. Прошло не так уж много времени, и Сили — он же впервые увидел лошадь, когда попал к нам, а к таким великанам требуется привычка — точь-в-точь как когда-то Соломон, уже радостно трусил по лесной тропе за учениками школы верховой езды, а я бросала все и мчалась за ним.

И этим он не ограничился. Как-то раз вновь появился Майор с мисс Хауленд, своей хозяйкой, а рядом бежал боксер. Мисс Хауленд остановилась поболтать, и тут меня подстерегал сюрприз — Сили пролез сквозь прутья калитки, через которую мы разговаривали, и храбро сел на дороге прямо перед Майором. Хочешь, будем Друзьями, спросил Сили, смело глядя вверх на коня. Что же, почему бы и нет, сказал Майор, опуская морду почти вплотную к нему. Тут к ним подскочил боксер. Мисс Хауленд сказала, что он любит кошек, а потому мы не втащили Сили на нашу сторону калитки с предупреждением соблюдать ос-

торожность, и боксер завилал всем задом, а Сили в ответ попытался придать себе боксерский вид. Конечно, после этого он начнет фамильярничать с собаками еще больше, сказала я, но эта минута стоит будущих хлопот. Лошадь, собака и котенок дружески общаются на тихой деревенской дороге. Минута, достойная Эдема, и, конечно, даже ангелы улыбаются им...

Впрочем, улыбаться им пришлось бы недолго. Впереди зловеще маячила поездка Сили к ветеринару, и, если бы ангелы слышали его тогда, думаю, они в ужасе позатыкали бы уши.

Собственно, оперировать его следовало бы несколько недель назад. Сначала, после болезни Помадки, мы ждали, не подхватил ли и он инфекцию, ну а потом... откровенно говоря, у меня не хватало духа отвезти этого здорового бойкого котенка к ветеринару. Саджи, наша первая сиамская кошка, мать Шебы и Соломона, погибла после стерилизации. Да, бесспорно, операция, которой подвергают самцов, много проще. Даже стерилизация теперь ничем не чревата. Шеба после нее уже на следующий день резвилась как ни в чем не бывало.

Тем не менее я вспомнила о Саджи и волновалась. Как он перенесет анестезию? Как не кормить его с утра? (Он так страдал, даже если ему приходилось чуть-чуть подождать своей рыбы. А если ему придется пропустить две кормежки, никакой Гамлет с ним не сравнится!) Какого несчастного напуганного маленького котенка отвезем мы домой! И еще долго будем ненавидеть себя — в этом я не сомневалась.

Но откладывать дольше было нельзя. Ему шел седьмой месяц. В любой момент эти невинные экспедиции среди сосен могли преобразиться в лихие походы в поисках девочек. Он уже начинал проявлять многозначительный интерес к Шебе — гонялся за ней с возбужденным мурлыканьем — мррр-мррр-мрр — и бестактно прыгал к ней на шею.

— Миленький малыш, — наивно умилялась мисс Уэллингтон. — Как приятно видеть, до чего хорошо он с ней ладит, не правда ли?

Чересчур уж хорошо, считали мы, а потому записали его к ветеринару на три часа, заставили попоститься, заперев его у себя в спальне, а чтобы он не скучал, посадили к нему Шебу, тайно накормив ее на кухне, и в половине третьего, пропуская мимо ушей его протестующие вопли, что он Ослабел и Умирает от Голода и Куда Бы мы его ни везли, нам очень повезет, если он Доберется Туда Живым, в половине третьего мы тронулись в путь.

И вернулись в половине четвертого. Такое могло приключиться только с нами. Отдавая себе полный отчет в том, сколько микробов может таиться в приемных, а также зная, как сиамы восприимчивы ко всякой инфекции, я оставила Сили в корзинке Шебы в машине с Чарльзом, а сама вошла в приемную ждать нашей очереди. Впереди меня оказались двое. Мужчина с собакой и женщина с пестрой кошкой в открытой корзине. Кошка неподвижно вытянулась на одеяльце.

— Что с ней? — спросила я, уже предвидя ответ.

— Кошачий грипп, — с тревогой ответила хозяйка. — Во всяком случае, так мне кажется.

Она не ошиблась. Дезинфицируя стол, когда она ушла, ветеринар сказал, что это уже второй случай за этот день, а потому нам лучше увезти Сили домой.

— Подождите еще месяц, — сказал он, — пока мы не убедимся, что эпидемия кончилась.

Эпидемия легочного варианта кошачьего гриппа. Против более опасного кишечного типа, естественно, существует вакцина, и Сили был вакцинирован, как в свое время Соломон и Шеба. Но против легочного гриппа вакцины еще нет, и хотя, как сказал ветеринар, обычные кошки в подавляющем большинстве быстро выздоравливают (пара дней сильного насморка, сказал он, а потом здоровы, как стеклышки), сиамы переносят его очень тяжело.

Благодаря наших ангелов-хранителей, что мы не взяли Сили в приемную, мы отправились домой. Но больше нам благодарить их было не за что. По дороге к ветеринару Сили показал себя — орал, визжал, откусывал от кор-

зинки кусочек за кусочком. Но ведь ему требуется абсолютно пустой желудок, перепугалась я. А уж если он набьет его обломками прутьев...

— Так почему ты не прекратишь это? — сказал Чарльз, не отводя глаз от извилистой дороги.

Пусть сам попробует сунуть туда палец, огрызнулась я, а то два моих чуть там не остались.

А по дороге домой он совсем распоясался. Запрет! — взывал он к пронсящимся мимо машинам таким пронзительно-хриплым голосом, что было понятно, почему Чарльз заметил, что его давно было пора кастрировать. Нарочно морят голодом! — объявил он со страстью, которой позавидовал бы и самый великий трагик. Сижу тут сто часов, и Я даже не завтракал! — сообщил он заливицки на бензоколонке. А что, сказал Чарльз, будет с нами, когда мы повезем его в Холсток? Сорок миль подобного — и нам еще очень повезет, если мы не лишимся машины...

Едва мы вбежали с ним в дом, как дали ему поесть. Все еще Цел, радостно сообщил он Шебе между двумя глотками. Да, действительно. Следовательно, ближайшие недели нам предстояло не только ограждать от него Шебу (ей не нравилось, чтобы на нее прыгали, и часто все завершалось шумной потасовкой), но и следить, как бы Сили не отправился странствовать.

А поскольку, когда он скрывался между сосен, не было ни малейшей гарантии, что выйдет он из них на том же месте, приходилось изобретать всякие превентивные меры. Устраивать облавы, бегая по дороге и склону, точно встревоженные муравьи; стоять над ним, пока он выкапывал в саду ямки, так как после этого он часто ракетой уносился прочь; выступать с имитацией (это была моя обязанность) завываний мартовского кота, которая некоторое время неизменно заставляла его удирать домой...

Сначала я подражала собаке, но как с Шебой и Соломоном в дни их юности, особого успеха это не имело. Да и стоять на дороге и лаять «гав-гав-гав», глядя на пустынный склон... Это как-то не внушает к тебе доверия со сто-

роны собратьев-людей. Прохожие одаривали меня весьма изумленными взглядами.

Но если на то пошло, меня одаривали весьма изумленными взглядами, и когда я подражала котам.

— Мооооау!Мяууууоу.... Раааааах! — бешено завывала я, а Чарльз тревожно шарил взглядом по лесной тропе. Такой концерт у задней калитки, сопровождавшийся подпрыгиваниями как на раскаленной сковородке и хлопками в ладоши, чтобы Сили поверил, что это я прогоняю кота, не мог не потрясти случайного слушателя. И хотя я перед началом всегда удостоверялась, что кругом никого нет, дороги в наших краях очень извилисты, и в разгар представления кто-нибудь да появлялся.

Например, мисс Хаулэнд на Майоре. Да, ее это сильно потрясло. А особенно, как сообщила она мне позже, когда из лесу на открытый склон выдрой выполз на брюхе сиамский кот и, грозно ворча себе под нос, проскользнул в калитку. До чего, хотелось бы ей знать, мы додумаемся в следующий раз?

Ну, от нас это не зависело: просто необходимость вынуждает к изобретательности. Например, после того как около недели мои кошачьи импровизации тут же заставляли его вернуться домой, Сили сообразил, что завываю я. Либо решал, что теперь он стал таким большим, что можно отправиться на поиски этого кота. Как бы то ни было, он перестал обращать внимание на мои концерты, а когда мне требовалось вернуть его домой, так как мы собирались уехать, он решительно направлялся в противоположную сторону, прижимая уши в знак того, что вообще ничего не слышит.

И вот однажды утром, когда я намеревалась покататься верхом и лошадей должны были приготовить к десяти часам, Сили решил, что это самое подходящее время отправиться в путешествие. К Лесу, заявил он, упрямо взбираясь по склону впереди меня. Ни За Что, ответил он в ответ на мои мольбы вернуться. Он же Не Маленький, сказал он, когда в отчаянии я исполнила номер вою-

шего кота. И, чтобы показать, насколько он выше подобных уловок, Сили ликующим прыжком скрылся за деревьями.

Я повторила его прыжок — было уже половина десятого, а стоило потерять его из вида, и, как я знала по опыту, пройдет вечность, прежде чем он появится снова. А он уже вступил под темные своды сосен. О Господи, подумала я, так мы можем пройти мили и мили. Раза два он весело прыгал на стволы. Черт, подумала я, а что, если он взберется на макушку?

Но он не взобрался. Как и Соломон, Сили лазить не умел. Вверх на три фута, и — хлоп! — он уже на земле, делая вид, будто ошибся деревом. И соседнее тоже не то. Просто он показывал мне, на что он способен, стоит ему захотеть. Затем он беззаботно сунул лапу в мышиную норку под опавшей хвоей и тотчас, словно дразнясь, убежал за ствол в нескольких шагах дальше.

Надеюсь, мышь меня простила. Я нашла только один способ помешать Сили и дальше шнырять между деревьями — схватила сухой стебель папоротника и начала сама лихорадочно тыкать им в норку.

— Погляди, Сили, — сказала я вкрадчиво, демонстрируя, как стебель дюйм за дюймом исчезает в норке, а потом, если потянуть его на себя, выдвигается из нее дюйм за дюймом...

Да, это его задержало, хотя он все равно не приблизился на расстояние вытянутой руки (моей руки). Но я его все-таки подманила. Улеглась на спину и притворилась мертвой, слегка подвывая «ухоухоухуу». Прищуренным взглядом я следила за Сили. «Оухоухоухоухуу»... Тут Сили — видимо, я все-таки была ему не совсем безразлична — направился ко мне (хотя и с небрежным видом), прогулялся, тяжело ступая, по моему животу и принялся обнюхивать растеньице под деревом чуть дальше. Бесшумно приподнявшись, я ухватила его за хвост. Сили прыжками pokrыл несколько ярдов — и я с ним, крепко держа хвост, — как вдруг позади меня испуганный голос произнес:

— Боже... Боже... Боже мой! Я было подумала, что вас сбросила лошадь!

Мисс Уэллингтон. Думая только о том, как бы схватить Сили, я не услышала ее шагов, а она с таким усердием собирала сосновые шишки, что и сама чуть не упала в обморок, увидев, что я в костюме для верховой езды лежу на спине под деревом.

Я все ей объяснила. Мисс Уэллингтон, сама порядочная чудачка, дослушав меня, не заключила, что я окончательно свихнулась.

— Какая замечательная мысль, — сказала она с восхищением. — Когда Чернышка заупрямится и не пойдет домой, я испробую ваш способ.

Я попрощалась и утащила Сили домой — было уже без пяти десять. В конюшню я влетела в самую последнюю секунду. А вечером сказала Чарльзу, что больше тянуть с Сили никак нельзя. Меня уже начали преследовать кошмары, как он рыщет по лесу в одиночестве.

Так что мы опять договорились, и экспедиция отправилась в путь. Однако с той разницей, что Сили стал на два месяца старше и настолько вырос, что корзина Шебы стала для него мала и нам пришлось купить другую. Мы выбрали похожую на клетку с куполообразным верхом и проволочной дверцей. Нам объяснили, что кошки, не любящие поездок — как прежде Соломон, а теперь и неукротимо идущий по его стопам громкоголосый Сили, — иногда чудесным образом меняются, если могут поглядывать наружу.

Ну, мы и купили эту корзину величиной с добрую собачью конуру (лучше взять попросторнее, сказал Чарльз, ведь неизвестно, каким вымахает Сили). И вот в ней-то на заднем сиденье сжался Сили — словно горошина с черной мордочкой в гигантском стручке, сплетенном из прутьев.

Мне было противно видеть его в ней, как и Сили находиться внутри нее, хотя, надо признать, все-таки не так, как в корзине, непроницаемой для взгляда. А я могла к тому же всовывать пальцы между прутьями, чтобы он грыз их, а не прутья (одеяльца мы в корзину не постели-

ли, чтобы он его не изгрыз). И вот таким порядком мы доставили его с пустым желудком к ветеринару. На этот раз операцию назначали на утро — как особую любезность, чтобы он остался только без завтрака, а не без завтрака и обеда вдобавок. Эпидемия кошачьего гриппа кончилась, а день был теплый, и простуда ему не угрожала.

Единственно, чего мы не успели, это закрепить корзину еще парой ремней. Так что ее опоясывал всего один — точно поперек проволочной дверцы. Но чтобы сделать ее абсолютно силнепроницаемой, требовалось минимум еще два ремня. Ну, один раз как-нибудь сойдет, решили мы. Ветеринару мы его передадим из рук в руки, а после операции он будет еще не слишком твердо держаться на ногах и вряд ли попытается вырваться на волю. Собственно, потому-то мы и купили корзину так спешно — чтобы ему лежалось вольготно, когда он начнет приходить в себя.

Мы благополучно доставили его к ветеринару, и тот велел нам вернуться за ним перед обедом. Если, сказал он, Сили к тому времени очнется, мы сможем тут же забрать его домой. Если же нет, нам придется еще подождать.

Он предпочел не рисковать: заметив, что на нашей корзине есть только один ремень и зная даже лучше нас, на что способны сиамы, он после операции поместил Сили в клетку — из настоящих прутьев и с задвижкой снаружи, так что выбраться оттуда не было никакой возможности.

То есть до тех пор, пока задвижка оставалась задвинутой. Когда мы вернулись в указанный час, ассистентка пригласила нас сесть в приемной, а она пойдет посмотреть, очнулся ли он. Подавленные крахмальной белизной ее халата и компетентным видом, мы послушно сели — и ракетами взвились из наших кресел, когда несколько секунд спустя она вернулась — куда девался компетентный вид! — и, сжимая окровавленную руку другой рукой, пригласила нас зайти внутрь. Наш котик выскочил из клетки.

Теоретически Сили полагалось бы еще оставаться под некоторым действием наркоза и покорно позволить переложить себя в корзину. На практике же он оказался в пол-

ном сознании и крайнем бешенстве. Она открыла клетку, чтобы вынуть его, а он исцарапал ей руку и проскочил в аптеку. Не подпустил ее к себе, сказала она, и рычал на нее — ну, просто жутко.

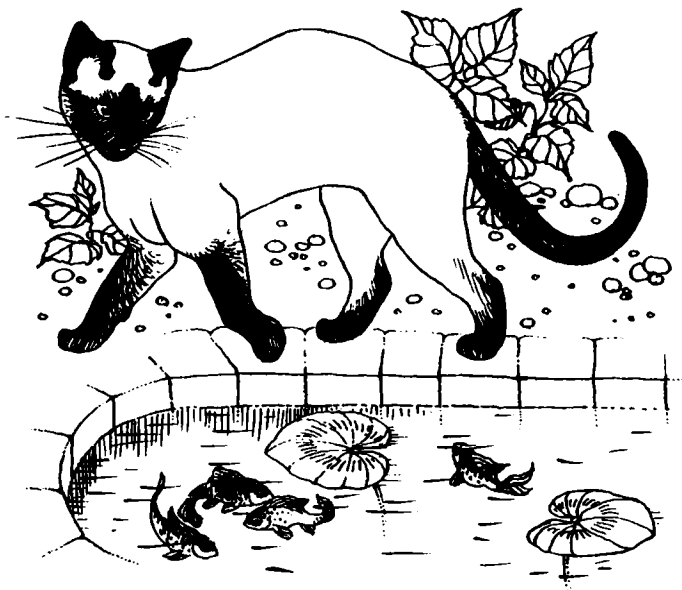
Никогда еще наши сердца не открывались так нашему Новому Мальчику, как в ту минуту, когда мы увидели его, занявшего боевую позицию в углу аптеки — все еще гроги от наркоза, но готового стоять насмерть. Я окликнула его, и он сразу перестал рычать и позволил нам с Чарльзом взять себя на руки.

Чувствуя себя последними подонками — в том, что он вырвался из клетки, никто виноват не был, но какой ужас он испытал, когда очнулся в незнакомой клетке и решил, что всеми покинут! — так, чувствуя себя последними подонками, мы отвезли его домой. Он Голоден, заявил Сили, едва мы вошли в прихожую, и сразу же получил полную миску крольчатины. Он Сражался С Разными Людьми! — сообщил он Шебе между глотками, едва ее увидел. Было совершенно очевидно, что сама операция никакого беспокойства ему не причинила.

Но, полагая, что она положит конец его бродяжничеству, мы очень и очень ошибались. Два дня спустя он исчез, а когда мы его отыскивали, то не в лесу — впервые в жизни он небрежно шествовал по дороге.

А я-то думала, что операция прекратит подобное, сурово сказала я, впуская его в калитку. А, так она же Против Девочек, ответил Сили, важно шагая к крыльцу. Теперь, когда они его больше не отвлекают, он сможет наконец стать заправским исследователем неведомых земель.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

И стал, точно так же, как до него Соломон. Когда Соломон был в его возрасте, я строила низенькую кирпичную стенку вдоль дорожки и так часто отрывалась взглянуть, где Соломон, — и при этом откладывала инструменты, что стенка по завершении извивалась змеей.

Теперь стенки я не строила, зато пыталась перекапывать клумбы, и чаще всего это происходило так: совок перевертывает землю — Сили на дорожке, совок еще раз перевертывает землю — Сили по-прежнему на дорожке, в третий раз — Сили все еще на дорожке, в четвертый раз — Сили нигде не видно. Надо полагать, по мановению волшебной палочки, так как никто ни разу не видел, как он убегал. Просто — сейчас он тут, а в следующее мгновение он уже высоко на склоне устремляется к лесу, или в пяти — десяти шагах дальше по дороге устремляется к деревне, или (чаще всего) его вообще нигде нет, и нам неизвестно, в какую сторону он устремился.

— Надо установить эту вольеру, — повторяли мы, но ведь был еще февраль, не то время года, чтобы котенку сидеть под открытым небом в вольере. А потому я пережегала перекопку клумб погонями за Сили (Сили ведь определенно мой кот, объяснил Чарльз, и к нему не пойдет), а Чарльз занимался плодовыми деревьями.

Уж в этом году, сказал он, урожая он обязательно добьется, а потому (в Долине мы были особенно подвержены заморозкам) принялся укутывать рано цветущие груши. Начал он со старых тюлевых занавесок, памяти о моей бабушке, которые отдала нам тетя Луиза. Войдя во вкус борьбы с заморозками, он, когда занавесок не хватило, пустил в ход дерюжные мешки, которые покупал десятками. Чарльз принадлежит к артистическим натурам, и внешность его не слишком заботила, а потому весной посетители Долины (да и те старожилы, которые давно не проходили мимо) буквально вздрагивали при виде нашего плодового сада — эдакий монастырский двор, полный монахов десятифутового роста в белых и зловеще-бурых одеяниях с капюшонами.

Капюшонами они обзавелись потому, что Чарльз, оберегая цветки от соприкосновения с мешковиной, укрепил один угол огромного мешка на жерди над верхушкой дерева. Простое и, если знать причину, вполне разумное объяснение, но, как обычно, причину мало кто знал. И, как обычно, обитатели деревни по-своему истолковали это явление.

— Пугала, — услышала я, как сообщил один старик другому, когда они остановились у входа в сад.

— А-а! — благодушно отозвался его собеседник, словно тридцать с лишним пугал на одном акре зрелище самое привычное.

— Развесили, чтобы кошек отгонять, — был еще один мудрый вывод. (Хотя мы до этого еще не дошли, даже и с Сили.)

— Об заклад побьюсь, лошади небось так и шарахаются, — заметил еще кто-то.

— Будто ведьмы на шабаше, — последовал еще один вердикт.

— В темноте на них, не зная, наткнуться, душа в пятки уйдет, — донесся в сумерках удаляющийся голос.

И правда, в лунном свете, посверкивая инеем, они выглядели жутковатыми призраками.

— Вспомнился мне, — сказал старик Адамс, узрев их как-то вечером по пути в «Розу и корону», — папаша Фреда Ферри. Как он на кладбище повстречался с привидением.

А мы даже не слышали, что на кладбище водится привидение, сказали мы. Так оно там и не водится, ответил старик Адамс и приступил к рассказу.

Выяснилось, что много лет назад отец Фреда Ферри, тоже Фред, имел обыкновение напиваться в лоск, а затем отправляться на кладбище и сидеть там на плите, жалуясь себе, какой он грешник.

— До смерти пугал всех женщин, как они расходились с Собрания матерей, — сказал старик Адамс. — Хоть они и знали, что это он. От его воя их мороз по коже пробирал.

Ну, и другие мужчины решили проучить старину Фреда, и как-то вечером накануне похорон один из них забрался в только что выкопанную могилу, когда ворота закрыли, а остальные попрятались за памятниками вокруг.

— Ну, значит, идет старина Фред, — продолжал старик Адамс. — И стонет, и бормочет, какой он, значит, грешник, и тут вылезает Том в старой простыне и орет, значит, чтобы он покаялся.

— И сработало? — спросила я.

— Да нет, — сказал старик Адамс задумчиво. — А вот Тому чуть конец не пришел. Старина Фред подумал, что это, значит, привидение, хватъ заступ да и съездил его по башке. «А ну лезь взад, — орет, — сукин ты сын! Нечего по ночам шляться!»

И всякий раз, когда в сумерках я смотрела на заиндевевые мешки, мне вспоминалась эта история. На вершине холма в деревне тоже возникло таинственное сооруже-

ние. Старое школьное здание покрывали новой крышей — оно давно перешло в частное владение, а дети ходили в школу в соседней деревне.

Окружали его небольшие коттеджи вроде нашего, и оно было вдвое выше них. Когда строители окружили бывшую школу лесами, они накрыли все здание сверху брезентовым полотнищем, а затем, поскольку местность у нас холмистая и по лесам хлестал свирепый ветер, закрепили брезент и вокруг лесов. Внутри этого шатра строители работали, попивали чаек на планке в тридцати футах над землей и, судя по доносившимся оттуда звукам, были блаженно счастливы.

Однако снаружи этот гигантский брезентовый куб превратился в еще один предмет для всяческих предположений. Одни решили, что под ним воздвигается статуя.

— Так какой же величины она будет-то... Небось их там всю компашку поставят, — сказал кто-то, наслушавшись разговоров в «Розе и короне», что приходский совет надумали увековечить в камне.

— Супермаркет строят, — заявил другой. Вывод, вполне соответствовавший величине куба.

Разумеется, на самом деле все местные жители прекрасно знали, какая идет стройка — точно так же, как после одного-двух дней осторожных расспросов выяснили, зачем нам понадобились мешки, пусть и делали вид, будто ничего не знают. Но случайных людей эти сооружения искренне удивляли... да и не только сооружения.

— Ну, я рад, что спросил вас, — заметил один прохожий, когда я объяснила ему про заморозки и новую крышу на школьном здании. — А то я думал, что между ними есть какая-то связь... Ну, а ездовая собака там на холме, запряженная в детскую коляску, ее с Аляски привезли?

Этому также имелось простое объяснение. Дарлинги, ее хозяева, просто вспомнили о назначении породы своего пса. У него наследственная тяга возить что-нибудь, говорили они. Так зачем толкать коляску перед собой, когда Робу хочется запрячься в нее?

Ну, а пока люди строили предположения о крыше, и защитных мешках, и собаке, видимо тренирующейся для арктического путешествия, я подолгу просиживала на склоне за коттеджем. Я сделала открытие: если я просто сижу где-нибудь, а не гоняюсь за ним, Сили, который все больше ко мне привязывался, затеет игру поблизости — и это обеспечивало нам душевное спокойствие на время, пока я наблюдала за ним.

А наблюдать было большим удовольствием. Уже заметно потеплело, и это была первая весна в жизни Сили. Упоение, с каким он гонялся за бабочками, изумление, с каким он глядел на птиц, радость, с какой он катался по траве и просовывал лапы ко мне между стеблями — все это я делила с ним, делила рай, который он открывал для себя день ото дня. Место ну просто преотличное, говорил он. И он рад, что живет у нас.

Рады были и мы, хотя нам и надо было все время бдеть. Например, как-то раз, когда я за ним не следила, Сили как сквозь землю провалился. Мы искали, мы звали, я исполнила свой кошачий концерт — Сили не отозвался.

— А, он где-нибудь на склоне, — сказал Чарльз. — Я видел, как он бежал в ту сторону.

И вот, внимательно поглядывая на склон, где трава теперь была такой высокой, что отыскать его можно было, только если он этого хотел, мы — хотя и с беспокойством — вернулись к нашим занятиям в саду.

Чуть позже я услышала покаркивание и, подняв глаза, увидела, что по траве бойко прыгает сорока. Одна из пары, состоявшей в приятельских отношениях с Аннабелью и часто что-нибудь клевавшей возле нее, когда она паслась. «Чего-нибудь высмотрела», — подумала я и продолжала полоть. Но через несколько секунд я увидела, что вторая сорока прыгает по траве навстречу первой, и, бросив вилку, я закричала и припустила бегом.

Я не ошиблась. Они подбирались к Сили. Он был в траве чуть дальше. Играли они с ним, или, что было куда вероятнее, он их выслеживал, и они решили проучить

его — в любом случае, оказалось очень удачно, что его выслеживала я. Мне доводилось слышать, что сороки нападают на кошек. Одна отвлекает ее внимание, а другая подкрадывается сзади.

Когда я пошла с ним домой, он очень притих и сжимался у меня на руках в незаметный комочек: глаза круглые, как у совы, а уши до того прижаты, что голова выглядела совсем обтекаемой. Больше Гулять Не Пойду, сообщил он... и благодаря этому открыл для себя мальков.

Мы сами их вывели в предыдущем году. После селя, когда мы поместили их в свежую воду, наши золотые рыбки принялись метать икру как безумные. Обычно они тут же ее сами и съедали, но на этот раз ради эксперимента я выловила несколько икринок чайной ложкой и поместила их в чайные чашки для дальнейшего развития. В чайные чашки с отбитыми ручками, которых у нас хватало, а им требовалось мелководе.

Выглядели они как прозрачные булавочные головки, но через день-два внутри появлялась черная точка, показывая, что они оплодотворены. Согласно справочнику, до появления мальков в зависимости от погоды могло пройти от четырех до четырнадцати дней, но лето выдалось холодное, и, когда прошло почти две недели, а мальки не появились, я добавила воды потеплее.

В результате произошло чудо. Мальки вылупились буквально за секунды. Только сейчас я видела крохотный шарик уже не с точкой, а чем-то вроде реснички внутри, а в следующий момент икринка, опустев, перекатывалась на дне чашки, а ресничка уже снаружи прицеплялась к боку. Несколько дней у нас на подоконнике в кухне стояли в ряд чашки с неподвижными черными ресничками в них, а затем реснички принялись плавать, обзавелись парой крохотных глазок и постепенно волшебным образом превратились в малюсеньких прозрачных рыбок.

Вывели мы их больше пятидесяти, но смертность среди мальков золотых рыбок очень высока: если сохранить десять процентов, это уже большая удача, так что мы могли радоваться, когда сохранили пятерых. Зимой мы дер-

жали их в глубокой пластмассовой чаше на верху кухонного буфета. Для прудика они были еще слишком малы: их родственники там мгновенно ими закусили бы, а держать их снаружи в аквариуме не позволял холод.

Чарльз просто влюбился в этих рыбок. Регулярно снимал чашу с буфета, чтобы сменить воду, покормить их, полюбоваться ими. Ну, просто замечательная ребяшня, заверял он их, и он выкопает новый прудик специально для них. Но прудик им чуть было вовсе не понадобился. В тот же вечер, когда сороки выслеживали Сили, он в свою очередь выследил рыбок. На кухонном столе, где Чарльз оставил их, отправившись в столовую поужинать, и где, когда мы вернулись на кухню, Сили радостно занимался рыболовством. Одной передней лапой он стоял внутри чаши, а другая была занесена для молниеносного удара, еще ни одной рыбки он не поймал, хотя занесенная лапа была мокрой насквозь и явно погружалась в воду не единожды, и он не мог понять, с какой стати мы завопили и ухватили его. Не дают поразвлечься, негодовал он, когда я уносила его из кухни. Не позволяют делать Ничего Интересного! И конечно, стакнулись с этими дурацкими Сороками!

С этих пор мы накрывали чашу проволочной корзинкой для кексов, никогда не оставляли ее на столе и бдительно проверяли, не нашел ли Сили способа забраться на буфет. Так было в доме. А поскольку одновременно нам приходилось следить, чтобы он не гонял Шебу, и, если дело происходило снаружи, не удирал и не охотился на пчел, то наша жизнь, подобно погоде, становилась все более жаркой.

Страхи, которые внушали мне наши собственные пчелы, к счастью, рассеялись сами собой. В начале года Чарльз поднялся к ним проверить, не нуждаются ли они в подкормке, — и не нашел их на месте. Поскольку в улье не валялось ни единой мертвой пчелы, а весь мед исчез, этому могло быть только одно объяснение: пчелы из какого-то улья выше по Долине устроили налет, как водится у пчел, если поблизости есть ослабевший улей, и — как тоже иногда случается — наши пчелы не стали обороняться, а дружески улетели с ними, прихватив оставшиеся запасы меда.

При данных обстоятельствах ничего лучше и придумать было бы нельзя. В Долине хватало пчел, чтобы опылять деревья Чарльза. Чарльзу больше не угрожали пчелиные укусы, поскольку поблизости ульев не было. У Сили, вздохнула я с облегчением, практически не осталось шансов натолкнуться на улей. То есть на улей с пчелами, поскольку наш пустой так и стоял в плодовом саду.

— Убрали бы вы его, да поскорее, — посоветовал старик Адамс. — А то, глядишь, пчелы там подалее зароятся да и снова в нем поселятся.

Однако этого вряд ли стоило опасаться: хозяин тех ульев был специалист.

Но нам приходилось следить за Сили, так как к нам летали посторонние пчелы, но их бывало куда меньше, чем в прежние дни пчеловодства. Сили, никогда прежде пчел не видевший, естественно, возликовал, обзаведясь столькими товарищами для веселых игр. Он подползал к ним на животе, он взвивался за ними в воздух, он поломал все крокусы, приземляясь после очередного безнадежного прыжка.

Главное было помешать ему, когда он пытался поймать пчелу ртом. Укус в лапу научил бы его оставлять пчел в покое, но укус в небо был опасен для жизни. Я читала, что лучшее средство от этого в первые минуты было оливковое масло — наносить перышком, если пчела ужалила в глотку. А потому я уже приготовила пузырек с маслом и перо, хотя надеялась, что воспользоваться ими мне так и не доведется. А тем временем бегала и бегала. За калитку, чтобы забрать его с дороги. Вверх по склону, забрать его оттуда. И снова — потому что он опять погнался за пчелой... вернее, за шмелем, а шмели такие медлительные, что он его чуть было не поймал.

Не даю ему Нисколечко Поиграть, вопил Сили, когда я уносила его туда, где пропалывала бордюры. И был не прав. Я просто хотела знать, что ему ничего не угрожает. Но в конце концов все наши предосторожности оказались тщетными. Сили укусила гадюка.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Повстречался он с ней на пастбище Аннабели за коттеджем. Именно там, где, по нашему убеждению, гадюк никак быть не могло — ведь Аннабель так систематически и часто его обходила, а траву ошиповывала до высоты ворса на бильярдном столе. Произошло это прямо на глазах у Чарльза, хотя гадюка осталась невидимой. Он цементировал столб калитки, а я подстригала траву на лужайке, и мы оба посматривали на склон, зная, что Сили где-то там.

Потом Чарльз увидел, как он вышел из-за деревьев у верхней границы пастбища, неторопливо спустился по тропинке и вдруг припал к земле, прижал уши, прыгнул... Пчелу увидел, подумал Чарльз, но теперь мы перестали пугаться пчел, так как Сили еще ни разу ни одной не поймал.

И почти сразу же он услышал кошачий плач. Где Шеба? В доме, ответила я. Сама я плача не услышала за стрекотом газонокосилки. И вдруг Чарльз крикнул:

— Быстрее! Это Сили!

И он уже бежал туда.

Сили попытался пойти ему навстречу, но только беспомощно спотыкался. И все это время мы слышали его мучительный плач. И он все еще плакал на каждом вздохе с жуткой монотонностью, когда Чарльз добежал с ним ко мне у калитки. Лапа у него уже страшно распухла, и из нее сочилась какая-то жидкость. Мы внесли его в дом и положили на стол в тщетной надежде, что все сведется к пчелиному укусу. Сили уже не мог стоять и плакал, плакал, плакал... У меня чуть сердце не остановилось. Я сказала:

— Господи... гадюка!

Каким-то образом мы дозвонились до ветеринара. Везите его сюда немедленно, сказал он. Так будет быстрее, а он пока все приготовит в операционной. Каким-то образом мы вывели машину, уложили Сили в его корзину и уже мчались по шоссе. Мы не промедлили лишней минуты, и оба были в старой рабочей одежде. Я даже рук не вымыла. Они были все в земле.

На поддороге Сили внезапно затих. Он по-прежнему смотрел на меня совсем круглыми глазами, но уже не такими перепуганными.

— Наверное, его все-таки ужалила пчела, — сказала я, — и зря мы впали в такую панику.

Ветеринар со мной не согласился.

— От пчелиного укуса опухоль была бы поменьше, — сказал он, осматривая ногу Сили, распухшую теперь до самого плеча.

А когда я возразила, что, будь это гадюка, Сили бы давно потерял сознание, он сказал, что вовсе не обязательно. По его опыту, сказал он, собаки и кошки менее чувствительны к яду гадюк, чем принято считать. Некоторые действительно умирают вскоре после укуса — если, например, укушена была губа, но при укусе в ногу, как у Сили, очень многие из них поправлялись. Остерегаться следует шока, объяснил он. После укуса прошло полчаса,

а коллапс не наступил. Он сделает Сили инъекцию кортизона, и нам останется только надеяться на лучшее. Отвезете его домой и обмывайте, обмывайте, и продолжайте обмывать укушенную ногу такой горячей водой, какую он сможет терпеть. А если наступит коллапс, мы должны сразу же позвонить ему.

Коллапс у Сили не наступил, хотя, когда мы привезли его домой и вынули из корзины, при виде того, во что превратилась его нога, я сама чуть не впала в коллапс. И обмывать ногу он не давал. Очень Больно, заявил он и поспешно спрятался под столом. А потому, не зная, можно ли так, но вспомнив все, что мы читали об укушенных змеями людях, которых следовало держать в полной неподвижности, чтобы змеиный яд поменьше циркулировал по организму, мы махнули на обмывание рукой и уложили его у нас на кровати в его любимом гнездышке из свитеров с грелкой, чтобы ему было тепло.

За много лет до этого Шеба вернулась домой с распухшей лапой, и мы тогда подумали, что ее укусила гадюка, и ветеринар сделал ей антигистаминную инъекцию. Но теперь, объяснил он нам в операционной, таких инъекций они больше не делают — некоторые кошки на них плохо реагируют. И противозмеиной сывороткой они тоже не пользуются — некоторые кошки и ее плохо переносят. Установлено, что лучше всего принимать меры против шока.

Но я сознавала только одно, глядя на Сили, который лежал неподвижно, вытянув перед собой большую ногу, смахивающую на диванный валик, обтянутый черным бархатом, — у Шебы нога никогда так не распухала. Она выглядела огромной, а когда я потрогала его за плечо, он застонал. Либо Шебу укусила не гадюка, либо... Достаточно ли только кортизона?

Оказалось, что достаточно. Наш ветеринар, как всегда, знал, что нужно делать. Нога Сили в какой-то момент стала в четыре раза толще обычного, если не больше. И просто лопнула бы, продолжай она пухнуть, сказала я,

в отчаянии глядя на нее. Но коллапса с Сили не произошло. Когда в три ночи мы встали посмотреть, как он, оказалось, что он сидит и поглядывает на нас ясными глазами, а нога начинала приобретать нормальные очертания. Нет, она все еще была распухшей, а лапа вздулась в подобие кулака, но хотя бы перестала смахивать на полицейскую дубинку.

Ко второй половине дня опухоль заметно спала, а вечером он уже ходил, хотя и заметно прихрамывал. А мы все еще не могли оправиться от потрясения, он же чуть не погиб!

— Хватит откладывать, — сказал Чарльз. — Построим наконец эту вольеру.

И мы ее построили. А ради Аннабели обшарили ее пастибище в поисках гадюки, но не нашли никаких ее следов.

— Но почему она-то до сих пор не наступила на гадюку, раз они там ползают? — спросила я.

Потому что от ее шагов земля вибрирует, сказал Чарльз. Гадюка чувствует ее приближение и уползает, но легкая походка Сили ее потревожить не могла. А жидкость, сочившаяся из укуса, была сывороткой, жидкой частью крови, остающейся после свертывания. У Шебы она не сочилась, вспоминали мы. Нет, почти наверное Сили скрестил шпагу с гадюкой.

Ну, мы и воздвигли вольеру. Временную, сказал Чарльз. Постоянной он займется попозже. А сейчас главное — поскорее оградить его от опасностей.

Как и требуется сиаму, она была достаточно обширной — примерно восемь футов на двенадцать, а высотой пять футов — в лужайку были вкопаны четыре железных столба, а между ними натянута проволочная сетка с дюймовыми ячейками. Постоянную клетку предполагалось, кроме того, накрыть сеткой — но для этого требовались железные перекладины, чтобы она не провисала. Пока у нас не было времени изготовить перекладины, и мы накрыли вольеру одной из сетей, которыми Чарльз защи-

шал сад от птиц. Нервущейся нейлоновой — Чарльз как раз приобрел несколько десятков их на смену мешкам, спасавшим завязи от заморозков. Заморозки, сказал Чарльз, им больше не угрожают, но чертовы птицы могли разом бы на них наброситься.

Да уж! Снегири, синицы, горлицы налетали на сад стаями. Горлицы покушались только на вишневые деревья, но мелкие птахи шныряли повсюду. Таких цветков — спасибо мешкам Чарльза — им еще видеть не доводилось. И надо было срочно развешивать сети — по несколько на большие деревья. И никаких проволочек, сказал Чарльз, — несколько деревьев уже полностью оголены. Вот почему антигадючья вольера Сили была лишь временной: Чарльз развешивал сети, и у него не оставалось ни одной свободной минуты.

А потому я накрыла вольеру нейлоновой сетью сама, через каждые несколько дюймов привязывая к проволочной сетке, а затем посадила туда Сили для пробы. Он тут же запротестовал. «Беззаконно заперт! Пошлите за полицией! Клаустрофобия!» — взревел он, усевшись как можно прямее у сетки, и продолжал надрываться что есть мочи.

Но выбраться ему не удавалось. Внизу мы закрепили проволочную сетку колышками для палаток, и, как он ее ни исследовал, повытаскивать их не мог. Конечно, не предполагалось, что он будет оставаться там все время. Просто час-другой, когда вокруг могли ползать гадюки или когда погода была такой, что держать его дома не хотелось, но следить за ним мы по той или иной причине не могли.

В тот первый день все сошло хорошо. Думал, его там заперли Навечно, пожаловался он, когда я его выпустила, но это как будто его не особенно встревожило. Все, казалось, было хорошо и на второй день. Сили сидел в своей вольере; Шеба, предпочитавшая настоящее тепло, спала в машине; я, обретя наконец душевное спокойствие, села писать. Да, мне было спокойно, потому что я твердо знала, где он сейчас, но в остальном... Почти час Сили завыв-

вал что есть мочи. Однако затем воцарилась безмятежная тишина. «Привыкает мало-помалу!» — подумала я, повернула голову и увидела, что он, торжествуя, сидит на полу возле меня.

Он взобрался по сетке у одного из угловых столбов, где она была натянута туго, и протиснулся под сетью, о чем нам поведал ее завернутый вверх край. А потому я продернула веревку по верху сети через каждую ячейку, словно приметывая ее. И на следующий день поздравила себя, когда увидела, как он тщетно пытается подсунуть под сеть круглую голову, повиснув на сетке, точно обезьяна. Уж теперь ему не выбраться! А через полчаса, оторвавшись от машинки и поглядев в окно, увидела, что он шествует по лужайке. Вылез у Другого Угла, объявил он победоносно, встретившись со мной взглядом. И правда, когда я вышла посмотреть, сеть была сдвинута у другого столба. Ну, во всяком случае, думала я, твердой рукой прошнуровывая и этот запасной выход, он не додумается попытаться счастья у задней стенки. Просто не сообразит, что это возможно. В его возрасте такой сметки не бывает. Выяснилось, что бывает. Еще два раза он показывался снаружи, будто маленький черный Гудини, так что я прошнуровала все четыре угла, а вдобавок и от угла к углу.

Теперь он уже не мог выбраться. Впрочем, поскольку установилась теплая погода, мы посадили к нему для компании Шебу, и у него пропало желание вылезать оттуда. У них там лежал коврик, стояла миска с водой, миска с едой и ящик с землей (еще и ящик для удовлетворения потребностей Сили), а мы наконец-то обрели мир. Прохожие, конечно, разглядели вольеру за деревьями и принялись строить гипотезы.

— И кого это они туда посадили? — поинтересовался один.

— Не иначе кроликов завели, — сказал другой.

— Да нет, это чтобы нового не покусали, — объявил третий, видимо слышавший про историю с гадюкой.

Мисс Уэллингтон тоже про нее слышала и теперь гуляла в брюках.

— Из-за змей, — объяснила она почтальону. И хотя не было никаких причин, возбранявших ей носить брюки — их ведь теперь надевали дамы и много старше ее (правда, как правило, не столь пронзительно розовые), — но деревня всегда деревня, а до этих пор мисс Уэллингтон появлялась на людях лишь в длинных твидовых юбках, которые только в разгар лета меняла на длинные и пышные муслиновые, так что брюки эти вызвали некоторую сенсацию.

— Змеюкам лучше поостеречься, не то все передохнут, чуть ее увидят, — предположил Фред Ферри.

— Положила глаз на старину Билла Портера, не иначе, — сказал старик Адамс. (Билл Портер был вдовцом, уже разменявшим девятый десяток.)

— Уж как-нибудь поостерегусь, — сказал Билл Портер в ответ на шуточки, а мисс Уэллингтон тем временем порхала в своих брючках среди своих луговых поганок.

А мы, хотя и благополучно разделались с проблемой, как продержат Сили в гарантированной безопасности час-другой в течение дня, тем не менее должны были бдительно следить за ним, когда выпускали его из вольеры. Нельзя же было все время держать его взаперти. Ему требовалась свобода. И он ее получал, когда я гуляла с ним по лесной тропе, терпеливо сидела поблизости, пока он обследовал живые изгороди, и весело играла с ним в салочки среди кустиков травы.

— Надо бы все-таки приучить его оставаться в саду, — сказал Чарльз, — а не шастать неизвестно где на манер Соломона.

Вот почему лужайку надолго украсила груда палок для подвязывания гороха, а я обновила лунку для мини-гольфа.

Палки были плодом случайности. Чарльз пообрубал разросшиеся ветки орешника возле угольного сарая и

временно сложил их на лужайке в ожидании свободного момента, чтобы перетаскать их оттуда. (Ему хватает дела с сетями, сказал он. Чертовы птицы над ним верха не одержат.) Сили не замедлил обследовать палки и заявил, что лучше укрытия для засады не придумать. Едва его выпустили утром, как он гарантированно прятался под ними минут двадцать, а то и больше — подглядывал за птицами, прыгал на пчел, иногда приземляясь на Шебу, так что имело прямой смысл оставить палки там. И они лежат на лужайке до сих пор. Под ними устраивает засады юный кот, а прохожие удивляются, почему мы не уберем эту безобразную грудку.

Лунка для гольфа была плодом моей сообразительности. Соломон в юности обожал мини-гольф и часами не покидал лужайку. Мы вкатывали мяч в лунку, а Соломон либо гонялся за ним, либо буквально становился в лунке на голову. Она ему до того нравилась, что как-то в те дни, когда он пристрастился носить поноску, а одна наша гостья хватилась ключей от машины, мы отыскивали их там, где никто, кроме него, не додумался бы их схоронить — ну, конечно, в лунке для мини-гольфа.

С годами, однако, интерес к мини-гольфу угас. Номера валялись в сарае, лунка давно осыпалась. И вот в надежде, что в Сили пробудится тот же интерес, я отыскала старую лунку, раскопала ее и достала клюшки.

Собственно, это была не просто надежда. У меня было ощущение, что стоит Сили пристраститься к игре, пленявшей Соломона, и это окончательно подтвердит их родство. Наследственный тип поведения, свойственный им обоим, который будет все увеличивать и увеличивать сходство Сили с моим первым другом.

Что-то невероятное! Один удар по мячу, когда все приготовления закончились, — и словно к нам вернулся Соломон. Те же лихие прыжки в погоне за мячом, те же выкамаривания возле лунки, тот же возбужденный прыжок на лужайку, стоило мне в кухне взять клюшку. Шебу мини-гольф никогда не интересовал. Как и Саджи, мать ее

и Соломона. Так, значит, я права? И можно найти совершенно такого же?

Теперь еще один крупный силпойнт припадал к земле возле лунки для мини-гольфа, а прохожие изумленно поглядывали через калитку.

— Чего это он там? Во вратари заделался? — осведомился старик Адамс и вдруг добавил, хотя никогда сентиментальностью не отличался: — Ну, совсем как бывало... а?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вот так мало-помалу все новые и новые приятные неожиданности возвращали нас к тому, как бывало. Например, в первое время Сили страшно боялся машин. Вероятно, его мамочка внушила ему, что их надо опасаться. Но как бы то ни было, стоило мимо проехать автомобилю, и Сили, если находился в саду, в ужасе припадал к земле, а затем удирал в дом.

— Ну, хоть от этой тревоги мы будем избавлены, — повторяли мы, памятуя, как Соломону стоило только заметить, что на дороге стоит машина, и он тотчас оказывался под ней, на ней, или — предпочтительнее — если владелец оставил стекло опущенным, то и в ней. Мы глазом не успевали моргнуть. Но вот наступили светлые вечера, люди начали оставлять машины у обочины, чтобы прогуляться в лесу, и — нате вам! — девятимесячный Сили увлекся моторными экипажами почище Соломона. Под ними, на них... ни одной с опущенным стеклом ему пока не

удалось обнаружить, но заглядывал он внутрь сквозь ветровые стекла точь-в-точь как Соломон.

— Ну, просто вылитый он, правда? — говорила я, когда мы бежали забрать его и стереть предательские отпечатки лап с очередной машины.

— Да, — говорил Чарльз. — И ведет себя точно так же. Остается надеяться, что у нас хватит сил на такие пробежки.

Весна теперь переходила в раннее лето. Как ни верти, все равно ничего не добьешься, однажды заявил Чарльз, вернувшись от плодовых деревьев. Он уберег их от заморозков. Он уберег их от птиц. А теперь — угадай-ка! — на одном обнаружил чертову улитку. Прямо под сетью у верхушки — и тянет шею к молодому побегу.

Тем не менее урожай обещал быть хорошим. И погода была теплой, и трава высокой, и Природа просто дышала изобилием. Сили был на седьмом небе. Однажды Чарльз застукал его у ручья, где он блаженствовал, подстерегая пчел. Нашел место, куда они прилетали напиться, и притаился там, наблюдая за ними. В другой раз, заметив, что он сосредоточенно изучает ручей в другом месте — в высокой траве у калитки, — Чарльз осторожно подкрался посмотреть, что там такое... Сили тарашил округлившиеся глаза на жабу. Очень большую, сказал Чарльз, и с красивым узором. Нам их видеть доводилось редко.

А теперь еще приближался деревенский праздник, и второй год подряд у нас попросили Аннабель, чтобы катать детей. В первый раз мы согласились не без опасений, потому что ни к чему подобному она не привыкла, однако она вела себя безупречно. На ней катались двадцать восемь раз, и она заработала четырнадцать шиллингов, а как вкопанная вставала всего два раза. И за минувший год она к тому же прошла курс обучения.

Пятнадцатилетняя девочка, сама прекрасная наездница, давала младшей сестренке уроки верховой езды, занимая для этой цели Аннабель, которая теперь стала опытной верховой ослицей.

Брали они ее обычно днем в субботу. Сначала Мэриен вела ее на поводу — хотя, пожалуй, сказать «буксировала» будет точнее, поскольку Аннабель особым рвением не горела. Однако через недели две девочки, вернувшись, сообщили, что Аннабель перешла на рысцу... на настоящую рысь... а однажды, должна с сожалением признаться, мне пришлось услышать, что Аннабель решила поваляться на траве и сбросила Джули. Иногда я наблюдала за ними из окна: теперь Аннабель независимо шествовала впереди, а Мэриен следовала в некотором отдалении. Причем Аннабель явно воображала себя заправской верховой лошастью, а Джули умело ею управляла. Правда, был случай, когда, проходя мимо своей конюшни, Аннабель свернула вправо и скрылась в ней вместе с Джули... Однако Мэриен вошла следом, и в следующую минуту Аннабель безмятежно появилась снова, причем не потеряв свою всадницу.

В целом она была неплохо объезжена, и ее возможное поведение на празднике не внушало нам никакой тревоги. Заботило нас лишь одно: вид у нее должен быть ухоженный, шерсть глянцево блестеть. Аннабели же больше всего хотелось хорошенько изваляться в пыли.

Я чистила ее скребницей. Расчесывала шерсть щеткой, почти не нажимая, чтобы она не осталась вовсе без шерсти — ведь приближалось время линьки. А без обычной мохнатости она будет не похожа на себя. Ну, а после праздника вычешем ее хорошенько.

Так мы предполагали. Затем я заметила, как она лениво почесывает спину о сук, нависавший над ее пастбищем. Не забыть спилить его, сказала я себе. Аннабель, предаваясь размышлениям, любит почесываться, и, если не уследить, она будет смахивать на пуделя. Ну и, разумеется, все это тут же вылетело у меня из головы. А через два дня, когда мы отводили ее на ночь в конюшню, Чарльз вдруг сказал:

— Господи! Только посмотри на ее спину!

Вполне в характере Аннабели. До праздника неделя, а она не просто выдрала шерсть клочьями, она расчесала

спину до крови. Но, к счастью, не там, куда мы клали верховую попонку (Аннабель так миниатюрна, что самое маленькое седло ей велико), а как раз у ее верхнего края на холке — там, где расчес будет всего виднее.

— Люди решат, что у нее чесотка, — безнадежно сказал Чарльз. — Честное слово, она это нарочно.

Зная Аннабель, такой вывод казался более чем вероятным, хотя будем к ней справедливы: все животные любят чесаться. Но как бы то ни было, я припудрила расчески борным порошком, чтобы подсушить их, а поверх него добавила талька в надежде, что его запах отгонит мух, и на следующее утро, спилив сук, чтобы ей не обо что было чесаться, отвели ее в таком виде на пастбище, а затем стали ждать неизбежных замечаний по ее адресу.

— И что ж это с ней приключилось? — осведомился старик Адамс, который никогда ничего не пропускает.

— Чем это тут воняет? — спросил Фред Ферри, появившийся в тот же момент, и подозрительно повел носом. А когда я объяснила, они скорбно покачали головами.

— Уж катать она никого не будет, — заключили они.

И попали пальцем в небо. К субботе спина у нее совершенно зажила, и с клетчатым пледом из машины поверх ее обычного коврика проплешины стали практически незаметными. На этот раз на ней катались тридцать пять раз, и я водила ее по кругу чуть ли не на коленях.

Что же, с этим обязательством было покончено, и теперь, сказал Чарльз, нам следовало подумать об отдыхе. По его расчетам, фрукты и овощи именно теперь можно было на некоторое время оставить без надзора. Сети делали свое дело и не подпускали к ним птиц. Черт побери, в этом году мы будем с яблоками.

И с помидорами, а вот горох выглядел не так многообещающе. К нему повадились полевки и объедали все побеги. В конце концов — этого очень не хотелось, но нельзя же было дать погибнуть урожаю — Чарльз отправился купить мышеловки в ближайший городок и был крайне

заинтригован, когда продавец, выслушав его просьбу, начал брать их с прилавка по одной штуке и внимательно осматривать.

— А что, есть получше и похуже? — спросил Чарльз с интересом.

— Не в том дело, — буркнул продавец. — Ребятишки, паршивцы, только и делают, что их заряжают. Вы не поверите, сколько раз они мне пальцы защемляли!

Чарльз без энтузиазма поймал несколько грабительниц, а затем оставшийся горох настолько вытянулся, что перестал интересовать полевок, и мышеловки можно было убрать, и тогда Сили изловил несколько мышек. Тут он оказался проворнее Соломона, хотя упустил их не хуже его. В свое время Шеба была настоящей истребительницей мышей, но теперь это занятие не очень ее влекло, а потому как-то утром ее поведение очень нас изумило. Сили поймал землеройку и, к моему большому облегчению, тут же ее упустил, так что мне не пришлось кидаться на выручку. Шеба томно сидела неподалеку и словно бы даже не смотрела в ту сторону. Забава для Детей, дни, когда она ловила мышей, Давно в Прошлом, и вообще это Пошлость — вот что она явно подразумевала. И потому я была ошеломлена, когда через некоторое время пришел Чарльз и сообщил, что Шеба, которая давно уже носа за калитку не высовывала, сейчас на дороге бок о бок с Сили подстерегает мышь.

— Как, по-твоему, зачем ей это понадобилось? — спросила я.

— Возможно, он пожаловался, что все время их упускает, — сказал Чарльз. — И она повела его туда научить уму-разуму.

Бесспорно, они были очень привязаны друг к другу. Когда Сили, вернувшись из очередной экспедиции, бежал к ней с приветственным «мрр-мрр-мрр», Шеба отвечала более басистым «мррр-мрр». И она по-прежнему была его самой главной красавицей. Часто, когда они сидели рядом, он облизывал ей шерсть за ушами — так любящая мамаша

приглаживает волосы своего чада, а потом смотрел на нас с гордостью, явно спрашивая: а ведь хороша?!

Но что она значила для него, мы по-настоящему узнали только в тот день, когда я поместила его в вольеру одного. Они ежедневно проводили там вдвоем некоторое время в течение шести недель без каких-либо недоразумений. Все получилось настолько удачно, что хозяйки Конфетки и Помадки тоже поставили для них вольеру. Этот грейхаунд, объяснили они, является с визитом так часто, что у них просто нервы не выдерживают.

Но в этот день Шеба куксилась. Ей не понравился завтрак. Она хотела спать на нашей кровати. И мы решили не трогать ее, однако погода была великолепная, и просто грех заставлять Сили сидеть дома, сказали мы, и он очутился в вольере один. И сразу же он принялся вопить.

— Потому что с ним нет Шебы, — сказала я. — Вот допишу письма, выпущу его и приглажу за ним.

Но к тому времени, когда я дописала письма, Сили уже сам себя выпустил. Приподнять пришнурованную сеть ему не удалось, но он влез по проволочной сетке и, цепляясь за поддерживающий столб, прогрыз дыру в сверхпрочном нейлоне. И проделал это очень расчетливо — каждая значимая нить была перекушена в нужном месте.

Раз он додумался до этого, сказала я, нам придется накрыть вольеру настоящей проволочной крышей. Но мы этого не сделали. Наутро Шеба вновь стала сама собой, а потому я заштопала сеть веревочкой, поскольку, по обыкновению, у меня свободной минуты не нашлось бы, и временно посадила их обоих туда, не сомневаясь, что через минуту-другую Сили прогрызет себе путь наружу, но он не стал затрудняться. И просто нежился на солнышке рядом с Шебой, иногда перекатываясь на бок, или вскакивал, стараясь прихлопнуть муху, словно ему никогда и в голову не приходило выбираться оттуда. И теперь если Шеба (как часто бывает) добровольно отправляется в вольеру — там нет ветра, и расположена вольера так, что-

бы туда светило солнце, — Сили обычно шагает прямо за ней, как в былые дни поступил бы Соломон.

На них вместе было очень приятно смотреть, и вне всяких сомнений его общество приносило ей огромную пользу. Без него мы, вероятно, скоро потеряли бы и ее, а вместо этого две-три недели назад впервые за много лет Шеба весело забралась на сливу. Правда, пришлось принести лестницу, чтобы снять ее оттуда, но не из-за ее возраста. Просто была полночь, и, оставь мы ее там, Шеба несколько часов болтала бы с нами и поддразнивала.

Лазить она умеет лучше Сили, Разве Нет? (Еще бы! Она устроилась у самой макушки.) И Забраться за ней Трудно, верно? (Еще бы! Темной ночью и с фонариком.) И она заставила нас уделить ей много-много внимания, так? Вот что заявила Шеба, когда мы наконец сняли ее с дерева. А в прихожей на окне безутешно сидел Сили и выкрикивал, что Хочет Забраться на Дерево к Шебе.

Да уж, сказал Чарльз, когда мы несли ее в дом. Кто бы подумал, что она опять возьмется за такие проделки? Да она еще не один год проживет, это ясно. Так, кстати, как насчет отдыха? Надо позвонить Фрэнсисам и узнать, когда они смогут взять наших кошек. И он готов держать любое пари, что им не терпится познакомиться с Сили.

Аннабель предстояло отвести на соседнюю ферму, где она гостила, когда мы уезжали отдохнуть, с тех самых пор, как стала жить у нас... С того времени, когда она была такой маленькой, что они соорудили для нее загон, чтобы отделить от коров, а она протиснулась под жердью и обратила стадо в бегство... Или тот год, когда они поместили ее с телками... и тот год, когда они поместили ее с коровами. Предыдущий год был отмечен полным господством Аннабели — мы вернулись, и оказалось, что она верховодит быком.

«Позовите ее от ворот, — предупредила миссис Перси, когда мы пришли забрать Аннабель. — Уильям, он смирный, но всегда лучше поостеречься».

Уильям — еще одна личность. В начале этой весны он пасся со своими супругами на лугу у дороги, а фермер Перси для порядка запирает его на ночь в стойле (не то чтобы Уильям был опасен, но какой-нибудь дурень вдруг да выпустил бы его), а потому среди обычных местных зрелищ было и такое: каждый вечер в пять часов фермер Перси зовет его, помахая турнепсом, а Уильям, который любил турнепс, как Сили — индюшатину, рысит через луг, полный предвкушения, выходит из калитки, пересекает дорогу и скрывается в коровнике на скотном дворе фермы.

Однако как-то в субботу фермер Перси отправился на футбольный матч и к пяти часам еще не вернулся... Уильям ждал, ждал, ждал... Через двадцать минут окрестности огласил рев быка, требующего свою порцию турнепса. У себя в Долине мы услышали этот рев и не могли понять, что за ним кроется. Потом Уильям, которому стало невмоготу ждать, проломил живую изгородь. Но, к счастью, оказался не на дороге, а в соседнем саду. Когда вскоре после этого фермер Перси вернулся, Уильям все еще фыркал в том саду и требовал свой турнепс, а владельцы бунгало бдительно за ним следили — нет, не опасаясь его ярости, но чтобы он не убежал.

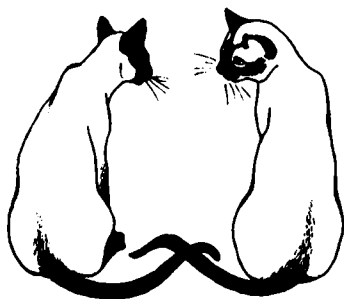
Потому-то нас несколько не удивило, когда мы подошли к воротам и увидели, что он кротко пасется на лугу, где царил Аннабель. Она не доставала ему и до плеча, но все равно она властвовала над ним, коровой и двумя телятами, точно Клеопатра над Египтом. И он проводил ее до самых ворот.

Что мы найдем, когда вернемся в этом году, было известно лишь одному Богу. На ферме появился новый колли, так что ей будет с кем играть, а миссис Перси всегда ее баловала. Не знали мы, и что Сили натворит в Холстоке, а о поездке туда думали без малейшей радости. Будет орать всю дорогу, сказал Чарльз, содрогаясь при одной мысли. Зато там ему понравится, можно не сомневаться... Помнишь, как Соломон и Шеба в первый раз туда при-

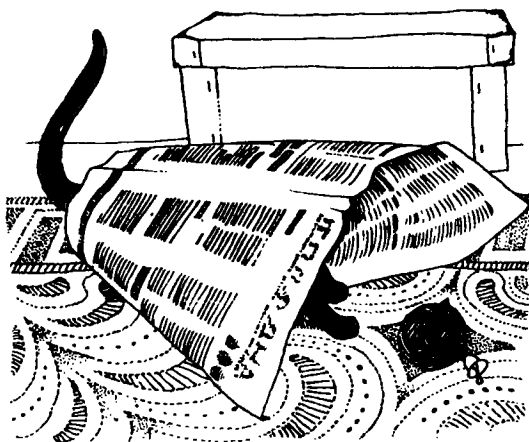
схали, сказал он, и они до того влюбились в ящик с землей, что пожелали спать в нем.

Да, я помнила. Я столько помнила! Нет, мы поступили правильно, что взяли Сили. Он был нужен Шебе. В доме снова все хорошо. И, дописывая эту книгу, я увидела то, что уже никогда не думала увидеть — Сили и Шеба сидели бок о бок на кухне, нежно скрестив хвосты. А если иногда я гляжу туда, где цветут нарциссы, и говорю:

— Ах, Соломон... Соломон... Соломон... — никто никогда меня не слышит. Я шепчу еле-еле.

Хлопот полон рот

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Время проходит даже в такой деревенской глуши, как наша. Шеба, наша сиамочка блюпойнт, была теперь чинной старушкой шестнадцати лет. Соломон Секундус, обычно именуемый Сили, которого мы приобрели ей в утешение — и нам тоже — после смерти нашего первого великого Соломона, вырос в полуторагодовалого силпойнта. Аннабели, нашей ослице, исполнилось девять.

Хотя вы бы ей никогда столько не дали — ни по виду, ни по поведению. Я начинаю эту книгу, а большой палец у меня уже как будто никогда прежним не станет, спасибо шуточке Аннабели.

Как-то утром в понедельник Чарльз решил дать ей попасть на лесной тропе у нашего коттеджа, так как по понедельникам школа верховой езды выходная и можно не опасаться, что Аннабель остановит лошадей, натянув веревку, которой привязана, поперек тропы — ее люби-

мая забава. Но только в это утро двое решили совершить верховую прогулку. Первого всадника, нам незнакомого, Аннабель пропустила без помех. Когда я поглядела на нее через калитку, она невинно щипала траву на той стороне, где была привязана, трудолюбиво вытягивая шею, аккуратно отодвинув маленький круп и даже не взглянув на лошадь у себя за спиной.

Однако затем появилась всадница, причем хорошо нам знакомая юная девица, восседавшая на лошади, точно Елизавета Первая во главе парадной процессии, всем своим видом ставя нас, жалкую деревенщину, на место. Так вот, когда появилась она, Аннабель словно бы случайно щипала траву у другой живой изгороди, и ее веревка была туго натянута поперек тропы.

— В этом она вся! — сказала я, когда Чарльз примчался из плодового сада, говоря, что Аннабель задерживает эту Робарт, так не пойду ли я помочь с ней справиться. Вот почему, холодея при мысли, как мы будем выглядеть, пытаюсь сдвинуть с места эту маленькую такую-раздающую, пока вторая смотрит на нас со своей лошади, я выбежала за калитку, не захватив уздечки Аннабели (а без уздечки ее сдвинуть с места не легче, чем гору, которая не пошла к Магомету), отвязала конец веревки и стала дергать.

Спектакль разыгрался незамедлительно. Аннабель встала на дыбы что твой мустанг, я свалилась в грязь, встала, потеряв туфлю, а Аннабель провальсировала задом вперед и наступила на мою бедную беззащитную ступню.

— С тобой все в порядке? — осведомился Чарльз. (Не сомневаюсь, он задал бы этот вопрос, если бы я провалилась в кратер Везувия.)

Ручаться за себя я не могла и промолчала, а потом прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Хватай ее за ошейник! Хватай за ошейник, не то она опять начнет!

Я зачихнула ногу в полную грязь туфлю, стараясь не хромать, железной хваткой вцепилась в ошейник Аннабели с одной стороны, Чарльз ухватился за него с другой, и мы повели ее на пастбище. У его калитки на дороге какая-то особая грязь, и обходить ее следует только гуськом — я впереди, за мной Аннабель, а Чарльз с небрежным видом замыкает шествие. И тут, не сумев удержать равновесие на склоне, Чарльз выпустил ошейник, Аннабель вскинула задом и помчалась назад по дороге, а я — как всегда, жертва этой парочки — оказалась в роли тележки.

Ошейник я, естественно, тоже выпустила, но ее веревка была намотана на мой большой палец, сдернуть ее я не сумела, и, хоть бежала во всю прыть, настал момент, когда Аннабель побежала быстрее меня. И если бы я не споткнулась и не плюхнулась на дорогу, превратившись в подобие тормоза, наша миленькая маленькая ослица втащила бы меня на склон, точно воздушного змея на нитке.

— С тобой все в порядке? — осведомился Чарльз, пробегаая мимо меня за причиной всех этих бед. Я предоставила ему отвести Аннабель на пастбище.

Я предоставила ему выслушать небрежное «благодарю вас» из уст невозмутимой мисс Робарт. (Невозмутимость невозмутимостью, но Чарльз сказал, что даже у нее, когда она проезжала мимо, вид был слегка оглушенный.) Я же со всем достоинством, на какое меняхватило, заковыляла к коттеджу, чтобы заняться моим истерзанным большим пальцем, который вытянулся на два фута — во всяком случае, такое у меня было ощущение. Зачем, пришла мне в голову мысль, зачем мы держим ослицу, когда у нас есть две сиамские кошки?

Все, конечно, зависит от обстоятельств. Бывают моменты, когда я недоумеваю, зачем мы держим сиамских кошек. Но тут Сили — к счастью, в заточении, так что хотя бы можно было не ломать головы, где искать его в лесу, — тут Сили, сидя на столе, прищурился на меня

с таким сочувствием, что не оставалось сомнений — он мой единственный друг во всем мире, и уж он-то знает, как мне больно!

Да, бесспорно. Лишь несколько недель назад Аннабель и ему попортила лапы. Галопируя по лужайке, чтобы пофорсить перед прохожими, она наступила в лунку для мини-гольфа, а так как весит она, галопируя, добрых полтонны, то и загнула край металлической чаши в лунке. Все это мы сообразили как-то утром, с ужасом обнаружив, что у Сили под парой когтей подушечки почти срезаны. Мы чуть было не вызвали детективов, но вовремя вспомнили, как он любит, лежа на животе, выуживать мяч из лунки. Чарльз пошел посмотреть и обнаружил следы галопа, ведущие прямо через лунку, и загнутый, острый, как бритва, край.

Господи, да какая же это должна быть боль, сказала я, осматривая злополучные ободранные подушечки. Теперь они подживали — прошло дня два, после того как он покалечился. Но все равно выглядели они совершенно багровыми. Как Соломон, который был единственным котом в наших местах с раздвоенным языком — он его прокусил, когда завывал, вызывая на бой другого кота, — Сили теперь станет единственным котом в наших местах со стесанными подушечками.

Он и тогда прищурил на меня глаза. Даже и не заметил, сказал он.

У всех сиамов есть свои отличительные привычки, и, хотя Сили походил на Соломона не только внешне, но словно позаимствовал и многие его привычки, эта манера многозначительно жмуриться принадлежала ему одному. Она выражала мудрость, полную невинность, извинение, привязанность — то, что ему требовалось в данный момент. Зажмуренные глаза, когда я нянчила мой большой палец, означали сочувствие. Зажмуренные глаза, когда я грозно спрашивала, кто оставил отпечатки лап на холодильнике, означали, что он понятия не имеет. Должно быть, Шеба. Хотя Шеба была уже слишком слаба, чтобы

прыгать на холодильники, и в окрестностях был только один кот, оставлявший следы поперечником в два дюйма. Зажмуренные глаза, когда с ним заговаривали гости, означали, что он очень рад познакомиться, и, учитывая, что вид у него в такие минуты становился еще более восточным, гарантировал комплименты его незаурядной внешности.

А она таки была незаурядна. Маска, самая темная, какая только может быть у силпойнта, раскосые глаза ярчайшей голубизны. Массивность, широкоплечестъ — одним словом, монарх среди котов. Только (и порой это производило совсем уж неотразимый эффект) он-то считал себя котенком.

Например, по-прежнему не умел открывать дверь в прихожую и ждал, чтобы ее ему открыла Шеба. И хотя в дни его детства было умилительно смотреть, как она привычно толкает дверь, а за ней семенит толстенький котенок, теперь по меньшей мере казалось странным, когда она проделывала это в свои дряхлые шестнадцать лет, а затем через нее в открывающуюся щель прыгал истинный юный Геркулес сиамского племени.

И он все еще пользовался своим детским голоском. Правда, он мог реветь, как дикий бык, когда считал нужным — например, если мы не выпускали его наружу или к ужину подавалась рыба и он сообщал, что терпеть ее не может. Но обычно он изъяснялся нежными «уоу» или «мррр-мрр», и не дрался, и не прыскал даже... Конечно, кастрирован он был на седьмом месяце и, конечно, в доме прыскать ни в коем случае не стал бы, но под открытым небом наш первый Соломон был просто чемпионом по прысканью. Он прыскал, помечая свою территорию. Он прыскал, просто чтобы показать, какой он мастер. «Ну, прямо водяной пистолетик», — как-то с восхищением сказал наш сосед старик Адамс. Естественно, когда опрыскиванию подвергся столб калитки мисс Уэллингтон, а не его собственный.

За Сили ничего подобного не водилось. Мы объясняли это присутствием Шебы. Она так стара, думали мы, а потому Сили, наверное, ощущает себя рядом с ней котенком. Шеба же, будучи Шебой, конечно, так с ним и обращалась. Приказывала, чтобы он сидел смирно. Не Шумел — она хочет отдохнуть. Действительно, она могла усмирить его одним взглядом.

Порой нам казалось, что он понапрасну теряет дни золотой юности... В его возрасте Шеба и Соломон мелькали по всему дому как светлячки. Но мы не могли обеспечить ему общество ровесника, пока наша верная старушка оставалась с нами. Сиамские кошки непредсказуемы. Оказавшись оттесненной на второй план, она могла решить, что никому не нужна, и умереть.

И эту последнюю зиму мы по-прежнему окружали ее всяческим вниманием. Выпускали, когда бы она ни потребовала, а это очень поддерживало в ней сознание собственной важности. Старость не старость, а ей все так же нравилось показывать Сили, кто тут главный. Поздно вечером после прогулки с Чарльзом по саду и краткого выхода за калитку она возвращалась освеженная, садилась, мурлыча у огня, и бросала на изнывающего Сили взгляд старшей сестры. Он еще ребенок. Только ей можно гулять после темноты.

Право первенства оставалось за ней, и когда подходило время пить молоко. Точно в десять часов вечера она взбиралась ко мне на колени, похлопывала меня по щеке мягкой, но требовательной лапкой и, обеспечив себе мое внимание, смотрела на меня взглядом, говорившим: молоко, в кухне, сейчас же. При этом она не выпускала ни звука, иначе, как мы обе знали, Сили тут же громогласно потребовал бы: И Мне Сию же Минуту! Безмолвно я уходила на кухню. Безмолвно Шеба сопровождала меня. Садилась на табурет, вылизывала два блюдечка сливок, снятых с верха бутылки, и только тогда Сили, который к этому моменту уже вопил во весь голос, потому что мы Исчезли, а Он Знает, чем мы Занимаемся, только тогда

ему чуть ли не в слезах позволялось присоединиться к ней за третьим.

Вот так мы показывали ей, что она нам нужна. И Сили, когда дело не касалось еды, тоже показывал, как она нужна ему. Вернувшись с прогулки, тут же ее разыскивал... «Мрр-мрр-мррр» — где же она? Он же столько времени ее не видел! А Шеба в хорошие дни ободряюще мурлыкала ему в ответ. Он умывал ее, когда испытывал потребность сделать что-то хорошее — хотя, как умывание, это многого не стоило, ибо Сили, подобно Соломону до него, не слишком обожал это занятие. Лизнет разок-другой у нее за ушами, прогуляется по затылку, чуть не придавив ее к полу... «А ведь хороша, правда?» — вопрошал он, усаживаясь рядом с ней с гордым видом художника, рисующего на тротуаре. А Шеба, довольная таким вниманием, жмурилась и мурлыкала.

По ночам он спал с ней, днем часами просиживал с ней у огня или на кушетке — потому что любил ее, а к тому же, надо признаться, потому что ему нравилась грелка, которая теперь была неизменной принадлежностью ее постели, о чем рассказ особый, поскольку до сих пор мы пользовались алюминиевыми грелками, которые нельзя разбить вдребезги, как керамические, или продырявить когтями, как резиновые.

Однако и им не идет на пользу, если их роняют. Из года в год наши нервы не выдерживали, когда кошки прыгали нам на спину, пока мы наливали грелки, или внезапно затевали наверху что-то вроде Великой французской революции, если судить по шуму, и мы губили грелку за грелкой. И как-то вечером, когда в одно ухо мне орал Сили, требуя ужина, а из кастрюли с его крольчатиной мне в другое ударила струя пара, я уронила последнюю металлическую грелку в последний же сокрушающий раз. Вот так! А когда я хотела купить замену, мне сказали, что таких грелок больше не выпускают — большинство людей пользуются электрическими одеялами.

Большинству-то людей почему бы ими и не пользоваться, но не кошкам с сиамскими когтями. Мы не хотели, чтобы ночью их убило электрическим током, пусть и по их собственной инициативе. Довольно долго я рыскала в поисках лавочки, где под прилавком отыскалась бы старомодная алюминиевая грелка, но без толку. И в конце концов я приобрела резиновую.

Шеба не станет запускать в нее когти, завершила я Чарльза, отнесшегося к моей покупке с сомнением. Она для этого уже слишком стара. А если мы прикроем грелку вдвое сложенным пледом, то и Сили вряд ли ее продырявит. Ну а если такое и произойдет, они оба тут же с нее спрыгнут. Ни одна нормальная кошка не станет сидеть на текущей грелке.

С этими словами я ее налила и положила внутрь их постели перед камином, в которой они спали по ночам. Сили опасно приблизился к ней и заявил, что вообще сидеть на ней не станет.

Она пахнет, сказал он, и понюхал, подозрительно вытянув шею. Она Неустойчивая, подытожил он, встав на нее передними лапами, и демонстративно задрожал всем телом. Она Опасна, вынес он окончательный приговор и, будучи Сили Бесстрашным, сорвал плед, чтобы рассмотреть грелку получше. Предположительно на случай, если она перейдет в нападение.

Словно в доме появился маниакальный миноискатель. Только я накрою грелку пледом, как Сили, воинственно распушив усы, снова ее обнажает. В конце концов мы с Чарльзом подумали, что он сдастся, если оставить его в темноте, и легли спать.

Как мы могли допустить такую промашку! Сили уж если заберет себе что-нибудь в голову, ни за что не отступит. Ночью он опять занялся демонтажом, и на этот раз, чтобы никто не мог сесть на нее по неведению, он оттащил плед и разбросал по всей комнате свитера, из которых складывается их постель, и оставил грелку лежать в унылом одиночестве на каминном коврике.

Вот какую картину мы увидели утром. И увидели Шебу, печально съжившуюся в пустом камине — всю ночь глаз сомкнуть не могла, жаловалась она. А Сили по-прежнему бдительно восседал на столе. Эта штука не взорвалась исключительно благодаря ему, сказал он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошло порядочно времени, прежде чем он начал доверять этой грелке. И, чтобы Шеба могла спокойно спать на ней, мы ночь за ночью брали его к себе в постель. Раскинувшись под одеялом во всю длину, крепко зажав глаза от полного блаженства, он вряд ли тревожился за безопасность своей подружки. В голове у него явно было место лишь для одной мысли: ах, если бы это длилось Вечно!

Но в конце концов он свыкся с грелкой и вновь свертывался на ней по ночам, а днем важно восседал на ней рядом с Шебой. Он был необыкновенно привязан к нашей старушке, в чем я особенно убедилась во время происшествий с его вольерой. Той, которую мы временно построили на лужайке летом, после того как его укусила гадюка. Он провел в ней с Шебой много утренних часов без риска прыгнуть на какую-нибудь извивающуюся тварь, и мы могли спокойно заниматься своей работой.

Собственно, это вошло в его распорядок дня. Прогулка по лесной тропе, пока солнце еще не поднялось, короткий визит на пастбище Аннабели понюхать, не появилось ли там чего-нибудь интересного, вылазка в лес, возможно, чтобы заглянуть в одну-две норки... Тут я его звала, потому что становилось жарче и гадюки могли вылезти погреться на солнце, и он являлся завтракать — по какой-то неведомой сиамской причине непременно в вольере. К концу утра он уже завывал на всю Долину на тему, Как Долго он Тут Сидит, Забыли мы о нем, что ли, выпустите его Немедленно, у него уже судороги начались... А когда мы его выпускали, он демонстративно потягивался, словно все это время просидел в спичечном коробке, а не в вольере площадью с небольшую комнату. Но вот для летних завтраков это было самое «то».

Чарльз решил, что за этим кроется какое-то табу. Наверное, Сили верит, будто у него выпадут усы, если он будет завтракать где-то еще. Я же полагала, что подсознательно он возвращался к тем дням, когда его предки обитали в диких джунглях. Во всяком случае, в вольере он допускал странности, каких в доме за ним не замечалось. Например, съев завтрак, он непременно маскировал свою миску мхом, листьями и землей, нагребая их когтями. Если он съедал не все, то остатки маскировал точно таким же способом. Как-то раз, получив там как особое лакомство кусок курицы, он так лихорадочно его засыпал, даже не попробовав, что я забеспокоилась, уж не заболел ли он. Однако, по-видимому, в вольерах просто не принято есть куриное мясо. Некоторое время спустя голод возобладал над правилами этикета, и он, смахнув мох и листья, накинулся на курицу и ни кусочка не оставил, будто полмесяца не ел.

Наследственная память о том, что следует делать с добычей? И тот факт, что в вольере спать он всегда забирался под плед, тоже свидетельствовал о дальнейшем инстинктивном возвращении к предкам? В доме, в оранжерее, в машине Сили спал, доверчиво раскинувшись, так

что все могли его видеть. Однако в вольере, когда Шеба спала нормально на пледе, только бугор под пледом свидетельствовал, что Сили тоже там. И забирался он под плед не от ветра — бугор возникал в любую жару.

Конечно, так было только летом. Зимой гадюки ему не угрожали, и потому он уходил и приходил, как ему вздумается, а Шеба спала у огня. Но теперь наступил апрель, а с ним снова гадючья пора, но у Чарльза все еще руки не доходили до постоянной вольеры (Рим не один день строился, не уставал напоминать он мне), и вот в одно погожее воскресное утро, когда было бы жестоко держать его в доме, Сили вместе с пледом отправился в свое временное прибежище.

Шебу я оставила в оранжерее, подумав, что проводить время под открытым небом ей пока еще не следует. Моя ошибка! Будь Шеба в вольере с Сили, он с удовольствием провел бы там с ней все утро, но в одиночестве, решив, что упускает что-то интересное, он приложил все усилия, чтобы вырваться на волю. Прошлым летом он умудрялся находить лазейки у всех четырех углов по очереди — потому-то мы и решили соорудить более надежную постоянную вольеру. Но человек предполагает, а Бог располагает, как всегда повторяет Чарльз. А так как Чарльз отправился привезти тетушку Этель на обед и надзирать за котом не мог, то Сили и отправился во временную вольеру, пока я возилась на кухне.

Сказать, что он протестовал, значит ничего не сказать. Никаких нежных «уоу» и «мрр-мрр». Старик Адамс, возвращавшийся вниз по склону после воскресной утренней пинты, сообщил, что его слышно даже в «Розе и короне».

— Он в вольере в первый раз в этом году! — завопила я, перекрикивая разбушевавшегося Сили. — Попривыкнет, и все наладится.

И действительно, вскоре наступила тишина. Спит под пледом, решила я и не вышла посмотреть, не сомневаясь, что увижу символический бугор, а вот мое появление могло его вновь взбудоражить. И потому, когда я все-таки

вышла, то увидела пустую вольеру... и ход под сеткой, который он прокопал, точно собака. И я даже не знала, сколько времени прошло.

Но вот о том, чем он занимается сейчас, у меня было десятка два догадок. Как раз сейчас прицеливается прыгнуть на гадюку в плодовом саду... и как раз сейчас за ним гонится по дороге пес какого-нибудь любителя утренних воскресных прогулок... если он не выбрался на шоссе под колеса мчащихся автомобилей или же (расстояние определяется тем, как давно он устроил подкоп) во столько-то милях отсюда бежит через луга к морскому побережью и Сиаму.

На самом же деле он просто был по ту сторону лужайки. Где, возможно, находился все то время, пока я, сразу же впад в панику, реактивным самолетом носилась вверх по дороге, вниз по дороге и испускала отчаянные вопли «сиилиниуиллии-уиллии» у ворот лесной тропы, а с деревьев, треща крыльями, испуганно взлетали голуби. Мне даже в голову не пришло, что он совсем рядом.

Сам он, разумеется, не поставил меня в известность об этом, наслаждаясь на манер всех сиамов зрелищем того, как люди мечутся в отчаянии, разыскивая их — а они-то близко-близко! И только когда я, задыхаясь, бежала от задней калитки к лужайке, мой взгляд случайно упал на дверь оранжереи, где он сидел, точно в раме — эдакая Мона Лиза! — и, широко открыв глаза, смотрел на меня невинным взглядом, хорошо известным всем владельцам сиамских кошек.

Где-то пожар? И кого это я звала? Неужели я не поняла, куда он пошел? Ему просто хотелось побыть с Шебой. Вот что выражал этот взгляд.

После этого мы махнули рукой на постоянную вольеру. Шебе было уютнее в оранжерее, а раз Сили так искал ее общества, достаточно было сделать дверь из проволочной сетки и такие же ставни на окнах, чтобы их можно было открывать в жаркую погоду. И там под сводом виноградных листьев, будто в джунглях, оба они прекрасно себя чувствовали и в самый знойный день.

А в это лето знойных дней хватало. Часто выпускать Сили можно было только после шести, когда солнце уже не пекло, но и тогда я сначала обследовала склон, чтобы надежно его обезопасить.

То есть это я так считала. Как-то вечером я приняла обычные меры — била клюшкой по кустам и во весь голос беседовала с Аннабелью (последнее для того, чтобы гадюки уловили вибрации моего голоса. Мои действия были более логичными, чем могло показаться со стороны). Затем я выпустила Сили из оранжереи, и, следуя своему девизу никогда не оставаться в саду, если оттуда можно удрать, он, точно газель, помчался вверх по склону... и несколько секунд спустя уже мчался вниз, держа во рту нечто длинное, тонкое и извивающееся.

Это оказалась слепозмейка. Не то я не дала бы за его жизнь и дырявого пенни — так ее голова изгибалась около его морды. Да и за свою дала бы немногим больше, учитывая, что он любовно сложил ее к моим ногам. Какой он молодец, а? Вопросив так, он принялся тыкать в нее лапой, чтобы она еще поизвивалась, и был явно обескуражен, когда я подцепила ее на клюшку, с которой она соскользнула, а я снова ее подцепила, а она снова соскользнула, а я снова подцепила — и так, пока я не водворила ее под ежевику.

Вечером на следующий день он опять отправился туда и поймал еще одну. Но так как я, казалось, не ценила его подарков, он не отнес ее мне, а принялся играть с ней прямо на склоне. Поскольку с такого расстояния нам не было видно, действительно ли это слепозмейка, Чарльз тут же кинулся к нему, вооружившись тяпкой и крича во все горло, чтобы отпугнуть его.

Последствия не замедлили себя ждать.

— Он чего, в индейцев играет? — осведомился старик Адамс, вырастая как из-под земли. — Этот ваш котик со змеями справляется? — заметил он, когда я объяснила ситуацию, и добавил, приложив ладонь козырьком над глазами: — Твой хозяин шлепнется, как коровья лепеш-

ка, если не убавит прыти. Вот увидишь! — пророчески заключил он.

Нет, Чарльз не шлепнулся, что было к лучшему, так как в это лето он не единожды повторял свою пробежку, а Сили со змеями справляться не умел. Прошлогодний укус гадюки его ничему не научил. Той же укушенной лапой он продолжал тыкать любую извивающуюся тварь, хватал ее поперек живота, а не за шею сзади и, увидев, что мы бежим к нему, скрывался с ней под кустом.

Притом он обладал поразительным талантом обнаруживать их... Как бы я ни обыскивала склон, он не успевал подняться туда, как уже откуда-то выуживал нечто извивающееся. И хотя в такой поздний час гадюкам там ползать не полагалось, полной уверенности у нас не было, и мы всякий раз кидались туда бегом. Нам казалось, что интерес Соломона к змеям был несколько избыточен, но Сили сделал их целью своей жизни.

Правда, гадюки ему не попадались, так как днем мы его не выпускали, а затем запас слепозмеек исчерпался, и он прозаически перешел на полевок. Ну, их он хотя притаскивал только на лужайку. Мертвых мы оставляли ему, живых утаскивали... и в один прекрасный день увидели то, чего никогда больше не думали увидеть: Шеба играла с мышкой!

Последнюю она поймала много лет назад. И даже оставалась равнодушной, когда Сили притаскивал полевку, и только отворачивала голову, если он начинал слишком уж бахвалиться. Однако последнее время в ней пробудился интерес к тому, что происходило вокруг. И явно она замечала, как мы гонялись за ним по склону, когда он ловил слепозмеек. Во всяком случае, как-то под вечер, когда мы выпустили их обоих из оранжереи, она не вернулась чинно в дом, как обычно, чтобы поужинать, а исчезла, страшно нас напугав. Не обнаружив ее ни в коттедже, ни в саду, мы с ужасом предположили, что она тихонько ушла, чтобы умереть в каком-нибудь укромном уголке. Ведь она была очень старой, больной, а кошки порой предпочитают умирать не дома.

Но не Шеба. Обшарив все возможные места, Чарльз, цепляясь за последнюю надежду, поднялся на склон. И увидел, что она сидит на пастбище Аннабели и греется в лучах вечернего солнца. Она уже много лет не забиралась туда, и мы своим глазам не верили. Шеба безмятежно поглядела на нас. Сили все бегал сюда, и мы так вокруг него хлопотали! А вот теперь и она здесь, сообщила наша старушка.

И она начала сидеть на дороге у ворот лесной тропы, чего тоже не делала уже многие годы. Взобраться на столб ей было не по силам, и она устраивалась у его основания, так что нам приходилось постоянно забирать ее оттуда — ведь на нее могла напасть собака. Тем не менее мы были ошеломлены такой переменной. Но изумились даже еще больше, когда, завтракая, поглядели в окно и увидели, что там, где секунду назад Сили подбрасывал на лужайке мышку, теперь ее с интересом обнюхивала Шеба.

И прямо у нас на глазах взяла в рот. Должна с сожалением добавить, что тут же мы стали свидетелями того, как Сили примчался назад и, забыв о своем обычном рыцарском отношении к старым дамам, тут же забрал у нее мышку. Впрочем, без мышки она не осталась. Дня через два он притащил в дом еще одну, и я ее конфисковала, пока он не смотрел. Недоуменно поискав там и сям, он вновь отправился в свои охотничьи угодья, а я тайком отдала мышку Шебе.

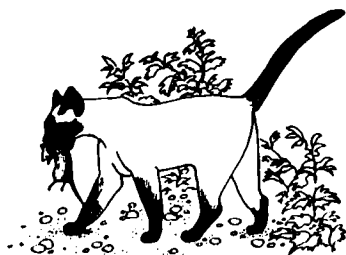
Вдруг помолодев, она схватила мышку, осторожно огляделась и с торжеством унесла ее в оранжерею. И там она, давным-давно питавшаяся только жидкой пищей, причем почти всегда мы кормили ее с ложечки, съела мышку в один присест, точно умирала с голоду.

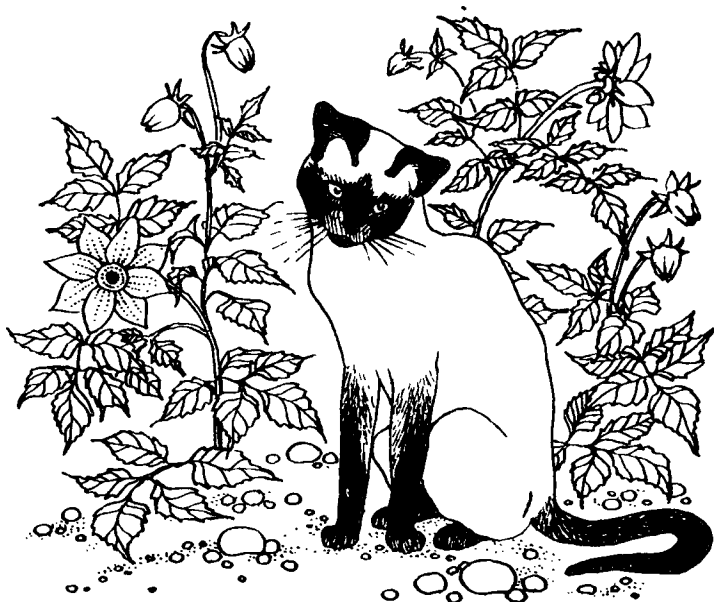
Но вопреки нашим надеждам, силы и здоровье не вернулись к Шебе. Каким-то образом она знала, что ее конец близок. И словно прощалась с тем, что особенно любила — охотиться на мышей, сидеть летними вечерами на пастбище Аннабели, смотреть на Долину со столба калитки.

Неделю спустя после эпизода с мышкой она вышла на свою обычную прогулку с Чарльзом и попросила, чтобы он посадил ее на капот машины. И вдруг начала отчаянно ласкаться к Чарльзу, которого всегда особенно любила, — терлась об него, мурлыкала, совала голову ему в рукав. Вела себя как сущий котенок, сказал он, принеся ее домой.

Это была ее последняя прогулка. Когда утром мы спустились вниз, она зашаталась, стараясь встать нам навстречу. Мы ничем не могли ей помочь. Она уже несколько лет страдала почками. Весь день она мирно пролежала, свернувшись на своем пледе. Вечером мы по очереди ухаживали за ней. Странно, сказал Чарльз, ведь только вчера вечером... Наверное, она знала и прощалась с ним...

На следующий день она умерла так же мирно, как жила с нами. Прошло шестнадцать лет с того дня, когда они с Соломоном родились наверху в нашей спальне. Теперь, когда не стало обоих, словно кончилась целая эпоха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мы уже давно решили, что, потеряв Шебу, возьмем еще одного котенка блюпойнт, и как можно скорее. Нет, это не было черствостью. Наоборот, объяснение было в том, что мы ее очень любили. Дом утратил бы что-то без кошечки блюпойнт. Когда умер Соломон, лучшим лекарством от нашего горя оказался Сили. Да и Сили истоскуется, оставшись один, когда некому будет мурлыкать о своих подвигах и не с кем спать рядышком... Так мы рассуждали, и если иногда мне в голову закрадывалась мысль, что, материализовавшись, наша новая кошечка может оказаться совсем непохожей на нашу спокойную домоседку Шебу, я тут же решительно ее отгоняла.

Так не бывает, твердо сказала я себе. Сколько я ни знала людей с двумя кошками, одна непременно была тихонькой. Черныш и Синька дальше по дороге. Харди и Уиллис, когда-то жившие у священника. Даже Конфетка и Помадка, две сиамские близняшки, принадлежавшие

двум сестрам-учительницам... Если Помадка была неисправимой хулиганкой с мефистофельским складом характера, то Конфетка не доставляла им ни малейших тревог.

И раз Сили не успевал выпутаться из одной тяжелой ситуации, как его с неизбежностью, присущей сериалам, посвященным Джеймсу Бонду, уже подстерегала новая, следовательно, кошечка обязательно будет похожа на Шебу. Да, обязательно, не то мы с Чарльзом не выживем.

Сили недавно чуть не свел нас с ума, скушав резинового паука. Кто-то прислал ему паука в подарок на Рождество, и много месяцев паук этот свисал с ручки двери, вгоняя в дрожь наших впечатлительных гостей, и оставался любимой игрушкой Сили. Он часами играл с ним. Взлетал к нему пружинистыми сиамскими прыжками, отгоняя нас от него зловещим сиамским ворчанием, стремительно бежал с ним по комнате, насколько растягивалась резинка, а затем выпускал его, и паук, точно им выстрелили из рогатки, с громким хлопком ударялся о дверь.

Затем как-то вечером я отменила его обычное угощение на сон грядущий, так как он обжирался весь день. Он совсем разжирел, сообщила я ему с упреком. Не хочет же он, чтобы его прозвали Пузаном, правда? По-видимому, именно этого он и хотел, потому что, спустившись утром вниз, я обнаружила, что он восполнил урезанную порцию пауком. На каминном коврикe остался жалкий кусок его туловища. Остальное — ножки, жуткая голова, половина дряблого черного туловища и около ярда резинки с колечком на конце — явно покоилось в желудке Сили.

При этой мысли я чуть не хлопнулась в обморок. Я уже видела, как его оперируют... Я же знала, что даже небольшой кусок этой резины может вызвать непроходимость с самыми роковыми последствиями. Далее мне представилось, как ветеринару не удастся обнаружить один из обрывков — ножки у паука были такими длинными и мохнатыми, а он, конечно, разжевал их в фарш. Меня

терзало горькое раскаяние: не лиши я его этих кошачьих галет, его желудочек теперь не был бы набит резиной.

Дрожа как осиновый лист, я бросилась к двери позвать Чарльза. И все еще дрожала, когда заметила у косяка какую-то странную кучку и нагнулась, чтобы разглядеть ее получше. Тут у меня подкосились ноги от облегчения: все недостающие части паука, аккуратно извергнутые. Сверху покоились колечко и резинка, предположительно извлекшие все прочее. И, глядя на них, я возблагодарила судьбу за это. Проскочи колечко в глотку Сили, извлечь его удалось бы только хирургическим путем.

После того как Чарльз проверил куски — все ли они тут (чего только ему не приходится делать в этом доме, сказал он. Хорошо еще, что он не слишком брезглив!), — мы добавили еще один пункт к нашим правилам сямской безопасности. Никогда не оставлять Сили наедине с резиновым предметом, который поддается разжеванию, и обязательно убирать все его игрушки на ночь в ящик.

Тем не менее у него оставалось еще много способов старить нас раньше положенного нам времени. На следующий же день он свалился в цистерну для дождевой воды. Утро было солнечное, и мы завтракали с открытыми окнами, а потому услышали какой-то рокот, словно дальние погромыхивания грома.

— Мисс Уэллингтон с садовым катком, — сказала я Чарльзу.

А затем, пока мы дебатировали, зачем бы ей волочить свой каток по дороге... Конечно, за ней водятся чудачества, но с какой бы стати?.. И тут я снова услышала тот же звук.

— Сили в цистерне! — вскрикнула я с внезапным озарением. И мы рванулись с места, как два грейхаунда. Пусть мы неспособны долго поддерживать скорость, но после стольких лет жизни с сиамами далеко не все олимпийские бегуны сумели бы опередить нас на старте. И вот мы во дворе, и на бегу я прикидываю в лихорадочной спешке, как нам вытащить его оттуда. Я нашла только

один способ: Чарльз держит меня за щиколотки и спускает в цистерну головой вниз... Ведь цистерна наглухо прикреплена к стене, высота ее восемь футов, уровень воды в летнее время очень низок, и Сили на самом дне, словно в лвином рву, бедняжка, никакими силами выпрыгнуть из нее не сумеет.

Вот что мы думали, а обогнув угол, увидели, что он шагает по лужайке.

— Значит, в цистерне был не он, — сказала я и тут же увидела, что он весь в мокрой грязи и выражение у него самое несчастное.

Вероятно, он выслеживал птиц на крыше гаража. Мы несколько раз замечали его там в засаде за веткой сливы. Предположительно, он прыгнул на добычу и шлепнулся на металлическую сетку, закрывающую цистерну для безопасности. Под его весом сетка прогнулась и макнула его в застойную воду на дне глубиной около фута. Затем, карабкаясь по сетке, он использовал ее как трамплин, чтобы выпрыгнуть наружу. Ему еще очень повезло, что сетка спружинила. Что произошло бы, будь цистерна полна хотя бы наполовину и не было бы сетки... Мы похолодели при этой мысли.

Но тут же взяли себя в руки. С сиамскими кошками иначе нельзя. Чарльз принес несколько досок, чтобы накрыть цистерну, хотя бы временно, а я забрала нашего искателя приключений в дом и отчистила от грязи, насколько могла. А пять минут спустя, когда мне позвонили и я рассказывала, что произошло («Да как вы оба еще не сошли с ума!» — воскликнула моя собеседница, а я ответила: «Ничего, справляемся!» — с веселой небрежностью, как я уповала), Сили заключил, что настало время для впечатляющего финала. Выйдя в прихожую, чтобы я ничего не упустила, он уныло доплелся до лестницы, сел и судорожно поднатужился. Поскольку я не могла бросить трубку, а и могла бы, так все равно не успела бы, мне оставалось только сидеть, пытаясь сохранять весело-небрежный тон, и смотреть, как его вытошнило тинной на

индийский коврик. Единственный белый во всем нашем доме, и почему этот жуткий кот его выбрал...

А для того, чтобы мы поняли, что Ему Пришлось Вытерпеть, сказал Сили, томно сидя возле доказательства. Он Погрузился в Тину! Люди, которые заводят Сиамских Котов, должны Тщательно о них Заботиться. Мы позволили ему съесть паука, а теперь допустили, чтобы он упал в цистерну.

Еще один спектакль ожидал нас на другой день после смерти Шебы. Последние месяцы она была такой пассивной в общении с ним, что, по-моему, он ее еще не хватился. Тем более что на ночь мы взяли его к себе, чтобы ему не пришлось спать в одиночестве. И, безусловно, было чистым совпадением, что утром он ушел и пропал на несколько часов.

Однако миссис Перси истолковала его поведение совсем по-иному. Она и мистер Перси жили теперь в бунгало на вершине холма, а на ферме остались их сын с женой и маленькой дочкой. И вот когда она выглянула в окно и увидела, что Сили сидит на клумбе, жалостно поглядывая на нее, сердце ее ну просто кровью облилось от жалости.

Она позвонила нам. Ведь, конечно, сказала она, ему не следует уходить так далеко от дома, и, конечно, мы тревожимся, где он. Я поблагодарила ее, сказала, что сейчас же приду, но не могу понять, почему он туда отправился... Может, тоскует без Шебы, предположила она, вот и пришел побыть с ее кошечкой.

Вряд ли! Бесспорно, он мог пойти следом за Виски из леса, но привлекла его возможность понаблюдать через окно, чем кто занимается внутри комнаты. Сили просто отдался своей страсти совать нос в чужие дела.

Но когда я явилась за ним, то поняла, почему она так решила. Съежился в комок под георгином, боясь выбраться оттуда, раз его заметили, а на морде такое выражение, что как было не принять его за кота в трауре!

Понятия не имеет, как он очутился здесь, заверил он меня жалобно, спускаясь на моем плече с холма. Просто прогуливался, и вот... А эта дама стелила постель Внизу, заметил он с большей уверенностью в голосе, когда мы приближались к коттеджу. Я когда-нибудь видела, чтобы постели стелили внизу? Я ведь люблю его, правда? Он потерся головой о мою щеку. Спорим, я перепугалась, когда подумала, что позволила ему заблудиться...

Что так, то так. Я, пыхтя, металась по всем тропкам, а они ведут из Долины вверх... С надеждой сбегала вниз в коттедж проверить, не вернулся ли он, и снова взбиралась по склону... И все время меня сверлила мысль, что не могли же мы потерять его... как раз тогда, когда остались без Шебы... Не могла же судьба быть такой жестокой...

И не могла. И не была. Тем не менее, войдя с ним в дом и сбросив его на кухонный стол, где он тут же принялся жаловаться Чарльзу, что о нем никто не заботится и что он не завтракал... Тем не менее я сказала:

— Надо как можно быстрее найти кошечку. Она, станем надеяться, будет удерживать его возле дома. И лучше, чтобы их было две, на случай...

И мы начали поиски приемницы Шебы. Но не обязательно похожей на нее, как было с Соломоном. Найти его копию казалось возможным. Он же был силпойнтом и к тому же типично красивым. Мы несколько месяцев разыскивали его двойника — и нашли Сили, который был вылитый Соломон вплоть до пятнистых усов. А блюпойнтов было заметно меньше, и к тому же Шеба не обладала типичной внешностью: хорошенькая, но с простенькой круглой мордочкой. Ни на одной выставке она никакого приза не получила бы. Найти котенка, похожего на нее, шансов у нас не было никаких, и мы не стали тратить время на заведомо бесплодные попытки.

Хотя и готовы были ждать нашу новую девочку недели, а то и месяцы, поскольку блюпойнты встречаются не часто, а уж если они понадобились нам, то, конечно, и

вовсе исчезнут. Каково же было наше изумление, когда не прошло и недели, как мы ее нашли!

Моя тетя Луиза следила ради нас за газетными объявлениями и вдруг позвонила нам в величайшем волнении — таком, что куда-то задевала очки, не могла толком разобрать номер телефона и продиктовала нам несколько комбинаций, одна из которых, конечно, окажется правильной. Но тут нам улыбнулась удача. С первым же звонком мы попали в десятку.

И удача опять нам улыбнулась. Мы уже звонили по одному объявлению, но единственная кошечка оказалась проданной. Остальные милые малютки, сказала их владелица (тут наш разговор на минуту прервался — судя по звукам, она избавлялась от одного милого малютки, который, усевшись у нее на голове, сам выкрикивал в трубку данные о себе)... так все остальные милые малютки — все пятеро — мальчики. А я уверена, что не предпочту мальчика? В голосе ее прозвучала тоскливая надежда. Мальчик у нас есть, ответила я сочувственно. Мы ищем ему подружку, чтобы он сидел дома.

Однако там, куда я позвонила с подачи тети Луизы, оказалось три девочки. Три девочки и мальчик, сказала их хозяйка. Мы позвонили первые, так что можем выбирать. Их отец и дед оба были Чемпионами среди Чемпионов... Будьте спокойны, сказала я. Мы выезжаем.

Час спустя мы были там. И именно в той атмосфере, на которую надеялись. Исполненную любви, так благотворно воздействующей на характер сиамов (заведомых эгоистов, разумеется, но нельзя же иметь все!). Мамочка была любимицей семьи, так что котята подрастали в доме... да и котят они ей позволяют иметь не ради продажи, но потому, что ей это психологически полезно. А забеременев, она получала только самый лучший корм... хорошо сбалансированный... ведь хозяйка — медицинская сестра... И внезапно нам был предъявлен результат всего этого — миссис Хинкс открыла дверь, и в комнату хлынули котята.

Сама я поклонница силпойнтов. Где бы я ни увидела мордочку в темной маске, я прирастаю к месту от восхищения. Но и в блюпойнтах что-то есть. Какая-то эфирность Снежной Королевы в их красоте... ощущение лунного света, одевающего серебряным инеем дальние горы... А когда в комнату их ворвалось четыре, я была покорена, совсем как Чарльз.

Вот опять. Древняя сиамская магия. Раскосые сапфировые глаза. Круглые, словно подстриженные ежиком головки. Стоящие торчком хвостишки-спички. Вопли радости, когда они принялись резвиться на креслах и стульях, намереваясь извлечь как можно больше из неожиданного праздника.

Это и был праздник, объяснила миссис Хинкс. Обычно их в гостиную не пускают. Им же обязательно надо лазить по занавескам, а это плохо на них сказывается.

А они тем временем уже карабкались по занавескам. Двое были у самого верха, третий настигал их, а четвертый (мальчик, сообщила миссис Хинкс) раскачивался на полпути вниз головой. И тут же он разжал когти и быстрым прыжком влоборота очутился на спинке дивана. Вот потому-то она и знает, что он мальчик, сказала миссис Хинкс. Он один не умеет лазить.

И пока мы смотрели, третий котенок прицельно хлопнулся ему на спину, а верхние два соскользнули с высоты вниз точно на лифте. И секунду спустя они уничтожали уже не занавески, а белоснежный льняной чехол дивана.

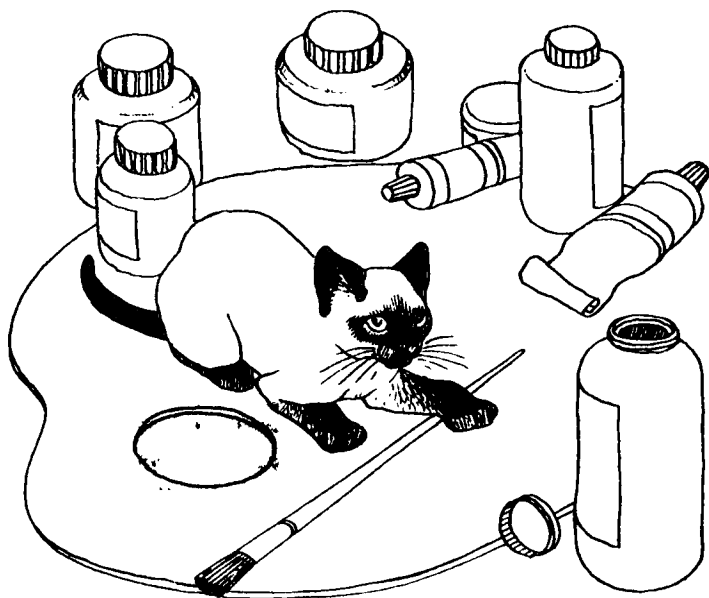
Владельцы сиамов, естественно, привыкают к подобному. За годы мы лишились двух комплектов широких льняных чехлов, а теперь обнаруживали недостатки — в той мере, в какой это касалось сиамов, — и эластичных тканей. Но тут это были первые котята, и как их хозяйка мужественно ни старалась справляться со своими чувствами, каждая из выдергиваемых ниток, вероятно, ранила ее в самое сердце.

— Что же, — сказала я, забирая парочку со спинки дивана, чтобы поддержать ее, — котята очаровательные, и мы непременно возьмем одного. Только вот какого?

Задача, как всегда, оказалось тяжелой. Для начала мальчика приходилось то и дело извлекать из общей кучи, задирать ему хвостик и тут же, к большому его негодованию, отвергать. Даже когда миссис Хинкс выставила его за дверь, это мало чему помогло. Он принялся орать в шелку, вопрошая: Чем Нехороши Мальчики? А его сестрички заглядывали под дверь с нашей стороны, дружно стараясь разглядеть его в шелку. Правда, с дивана они убрались, но как нам было выбрать котенка по задней его части?

А потому его пустили в гостиную, и балет возобновился. Сильфиды, подумала я, замороженная сказочными оттенками их шерстки. И тут я заметила, что одна из сильфид вдруг на несколько секунд садится напротив нас и заглядывает нам в душу всеобъемлющим сиамским взглядом. Так давным-давно Саджи, первая сиамочка блюпойнт в нашей жизни, выбрала нас. А теперь другая пришла к выводу, что нам требуется именно она.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сперва мы делали вид, будто это не так. Сравнили котят по величине. Все оказались одинаковыми. Проверили широколобость (Шеба была широколобой). Догадитесь, чья голова оказалась самую чуточку шире? Мы брали их по очереди на руки, стараясь оценить, насколько они умны. Догадитесь, кто отвечал нам самым серьезным взглядом, явно оценивая наш ум?

Ну, мы и забрали ее с собой, тревожась — без тревог тут никак не обойтись, — что ей всего восемь недель и прививки ей еще не сделали.

Прежде котята получали прививки после шести недель. Теперь они обходятся одной прививкой после десяти недель и обычно, пока они еще остаются с матерью. Сиамы — порода наиболее восприимчивая к кошачьему гастроэнтериту — крайне редко продаются без справки о прививке.

Да, она об этом думала, сказала миссис Хинкс, когда мы коснулись этого вопроса. Но котята у нее впервые,

и она не знала, как ей поступить. И кто-то сказал ей, что люди предпочитают брать восьминедельных котят, чтобы получить от них удовольствие сполна, а ждать остается всего две недели, и ведь котятя, подобно младенцам, еще сохраняют иммунитет, полученный от матери...

Так ей подсказывал ее опыт медицинской сестры. Но вот подчиняются ли этому закону сиамские кошки? Особенной уверенности у нас не было. Когда им требуется, они считают себя людьми, а если нет, никто с такой быстротой не способен перевоплотиться в нежный вянувший цветочек.

И это, могу я добавить, отнюдь не просто мнение обожающей сиамовладелицы. Некоторые кошачьи питомники отказываются принимать сиамских кошек ввиду их склонности чахнуть от тоски и восприимчивости к инфекции. Ветеринары тоже с опаской относятся к складу их характера. Возьмите, к примеру, кошачий грипп — нет, не гастроэнтерит, иногда неправильно так называемый, — но настоящий насморочно-легочный. Другие кошки, сказал он, почихают, посопят пару деньков и снова выглядят как огурчики. Но стоит заболеть гриппом сиамской кошке, так она не только будет чувствовать себя очень скверно, но, если на нее найдет что-то, может просто утратить волю к жизни, и тогда уже ее ничто не спасет.

Я поведала этот скорбный факт миссис Хинкс. Так, может быть, мы хотим пока оставить нашего котенка у нее? Она с радостью продержит его еще две недели, и прививку сделает ее ветеринар.

Но тут мне пришло в голову еще одно соображение. Мы первые осматривали котят. И если заберем ее домой сейчас же, то будем знать, что никакая инфекция ее не коснулась. Ну а если мы будем выжидать две недели, а за это время какой-нибудь посетитель занесет в дом тот или иной вирус?

И мы приняли решение, тем более что, поглядев на них, уже не мыслили вернуться домой без нашей кошечки — ведь Сили необходима подружка, объяснили мы, хотя, конечно, нужна она была нам.

Миссис Хинкс для верности позвонила своему ветеринару. С такими здоровыми котятами, как у них, абсолютно безопасно, сказал он... при условии, что через две недели прививка ей будет сделана без проволочек. Для еще большей верности мы позвонили своему ветеринару. Совершенно безопасно, подтвердил он. Если мы хотим, он сейчас же нас и запишет на прививку через две недели.

И вот мы привезли ее домой. Все еще опасаясь, что она не сумеет протянуть эти две недели без каких-либо напастей. И опасения эти еще возросли, когда мы увидели, какой малюсенькой она выглядит в своей корзинке. И только в одном мы не сомневались: стоит Сили ее увидеть, и счастливей его сияма в мире не будет.

Что лишний раз показывает, как мы умеем попадать пальцем в небо. Ибо, когда мы вошли с ней в коттедж, впустили Сили в гостиную и открыли корзину в светлом уповании, что увидим сейчас что-то вроде сцены на балконе из «Ромео и Джульетты», Ромео тотчас прижал уши и сказал, что она Отвратительна, а Джульетта, негодуя всеми пятью дюймами своего роста, распушила хвост, скосила глаза и заявила, что он сам уж такой Отвратительный!!

Он ее Съест, если она не уберется, взвыл Ромео. Пусть-ка Попробует, отпарировала Джульетта в позе борца, готового положить противника на обе лопатки. На чем наша попытка подружить их нынче же вечером и завершилась полным фиаско.

Вместо этого мы забрали Сили к себе в спальню, а новоприбывшую устроили внизу на кушетке с пледом и грелкой. Она засемила за нами к двери, и просто сердце надрывалось, когда мы закрывали эту дверь перед ее носишком, но что нам оставалось в подобных обстоятельствах? Оставить Сили внизу воображать, будто он нам больше не нужен, мы никак не могли.

Как, по-моему, она догадается вернуться в постель, спросил Чарльз, лежа в темноте без сна и тревожась за нее. Ну, конечно, сказала я, не то она уже плакала бы.

Меня больше беспокоило, что она пока останется без прививки.

Но на кушетку она не вернулась. На нижней полке стеллажа у самой двери гостиной лежала полистироловая плитка, которую Чарльз, любитель писать маслом, приспособил под легкую галитру. И вот на ней, свернувшись клубочком между баночками с красками, она крепко спала, когда мы пришли к ней утром.

Даже если бы она вышла в бушующую вьюгу, кутаясь в старенький бабушкин платок, ей не удалось бы столь бесповоротно завоевать сердце Чарльза. Черт, вот храбрая малютка, сказал он. Устроилась как могла ближе к нам. И даже ни разу не заплакала. Что доказывает, какая она мужественная. А поняла ли я, до какой степени она умна? Сообразила, что на полистироле лежать теплее, чем на деревянной полке!

Я возвела глаза к небу и пошла готовить завтрак, а Сили, держа хвост под углом, ясно выразившим то же чувство, отправился на прогулку. Кушайте ее на здоровье, сказал он.

Несколько следующих дней прошли относительно гладко, так как еще не кончилось лето, и Сили придерживался оранжерейного распорядка дня. Рыкнув на нее, точно бенгальский тигр, с утра пораньше, когда проходил через гостиную — просто, чтобы показать ей, кто тут есть кто, — он до конца дня забывал про нее. Гулял, завтракал в оранжерее, отдыхал под виноградными лозами, как прежде с Шебой. А когда я попозже выпускала его, он не мчался подозрительно в дом проверить, там ли она еще, а отправлялся в плодовый сад побеседовать с Чарльзом или заманивал меня на склон поиграть — залихватски ныряя в кустики засохшей травы и вспрыгивая на одно дерево за другим, будто котят на свете вообще не было. Только когда наступал вечер и он возвращался в коттедж, ее присутствие там омрачало его настроение, будто черная туча. «Тшааах!» — шипел он, точно тормоза тяжелого фургона, и с отвращением усаживался на столе.

Он просидел так четыре вечера подряд, словно моряк на плоту в океане среди кишения акул. Точно посередине, чтобы не свалиться, для пущей надежности забаррикадировавшись за транзисторным приемником и деревянным канделябром. Эти оборонительные сооружения обеспечивала ему я, чтобы пробудить в нем уверенность в себе, и там он отсиживался, как белый поселенец, осажденный индейцами, иногда выглядывая поверх частокола, чтобы посмотреть, чем занят враг.

Возможно, было бы легче, если бы враг в свою очередь интересовался им — следовал бы за ним с той же настойчивостью, с какой он ходил за Шебой, когда был котенком. Но эта киска была слеплена из другого теста. Когда она перехватывала его взгляд, то лишь выгибала спину на манер пяденицы и даже не снисходила зашипеть на него. Когда она проделывала это в безмолвии, он явно пугался куда больше. Она играла, резвилась и ела на уровне пола, словно его вовсе не существовало.

Ела... именно это в конце концов положило начало сближению. Мы считали, что Сили обладает достаточно большим аппетитом, но Шебалу, как мы решили назвать ее — Шеба, в память о былом, и Лу в честь тети Луизы, которая нашла ее для нас... Так Шебалу при всей своей благовоспитанности ела, как изголодавшийся Оливер Твист. «Нммм-нммм-нммм-нммм» — тихонько гудела она, поглощая свою пищу, и Сили, на второй вечер осторожно подкравшийся к краю стола (поскольку враг еще не атаковал), не мог поверить своим глазам.

Это же никак в ней уместиться не может, недоуменно возопил он и тут же торопливо отступил за транзистор, когда она оторвалась от миски и поглядела на него. Однако не только все в ней уместилось, но, закончив, она отправилась на кухню и вернулась оттуда с мочалкой для мытья посуды, так сказать, на десерт.

Открыла она ее для себя днем. Я уже не один десяток раз забирала у нее мочалку и уносила на место, так что зрелище того, как она решительно волочет ее назад, успе-

ло стать привычной картиной. Но не для Сили, который пребывал в оранжерее, и, когда она появилась, спотыкаясь, с ручкой мочалки между лапами, словно верхом на миниатюрной деревянной лошадке, он в ошеломлении даже спрыгнул со стола, чтобы понаблюдать поближе. Вытянув шею, округлив глаза, он смотрел из-за кресла, как она уселась и принялась грызть мочалку. Затем я мочалку отобрала, и он снова забрался на свой плот.

Однако начало было положено. Он все чаще и чаще рисковал подходить к краю стола. А в течение третьего вечера так дважды спрыгивал на пол и взирал на нее из-за угольного совка. И все-таки все шло куда медленнее, чем у него с Шебой, и на четвертый вечер, раздраженная этим вечным подглядыванием из-за кресел, будто бесенята покушались на его когти, я решила взять дело в свои руки.

И построила ему из газет убежище — Сили, обожавший воображать, будто он невидим, никогда не мог устоять против такого соблазна. Не устоял он и теперь. Забрался внутрь, припал к полу и повел наблюдение, считая себя невидимкой. Секунда — и Шебалу, приблизившись вприпрыжку, всунула внутрь любопытную голубую лапку. И после длительной паузы, во время которой можно было бы обдумать десяток шахматных ходов, наружу осторожно показалась очень крупная черная лапа. Едва Шебалу прикоснулась к ней, как он, разумеется, взвился, точно его ужалили. Но это была чисто нервная реакция, и уже через минуту они по очереди прятались под газетками, и оставшийся снаружи в страшном возбуждении увертывался и угрожал.

Испытай мы этот способ в первый же вечер, ничего не получилось бы. Вероятно, даже теперь все получилось потому, что они играли, так сказать, анонимно, практически не видя друг друга. А потом позабыли прятаться, и в конце концов Сили лизнул Шебалу... очень пристыженно. Совершенно очевидно, это было ниже его достоинства, но он закрыл глаза и притворился, будто это не он... Вот так. Задание выполнено.

Конечно, нам все еще надо было соблюдать осторожность. Не ласкать ее в его присутствии, чтобы он не взревновал. Не позволять им есть вместе — не то она в два счета очищала свою миску и принималась за его порцию. Самое странное, что он ей позволял. До смерти Шебы экстравертом был он — молодым, кипящим энергией, жадным, хватающим все съедобное, что попадалось ему на глаза, не думая о Шебе. И вот через какую-то одну неделю он сидел с родительским терпением, пока котенок уписывал его крольчатину.

Она же Маленькая, сказал он мне, закрыв глаза, когда я объяснила ему, что он ведет себя глупо. Мы должны Заботиться о ней, добавил он и попятился, чтобы ей легче было добраться до его миски. Ну, и чтобы поддерживать равновесие, мы начали кормить их раздельно. Ее в прихожей, его в гостиной, но и тогда, стоило ей, облизав миску, завопить под дверью, и он оставлял свой кусок, совершенно очевидно, для нее.

Бесспорно, он стал другим котом. На следующий день после их совместной игры Чарльз вернулся домой доложить, что видел, как Сили прыскал! На лесной тропе у папоротника и с очень решительным выражением на морде, сказал Чарльз. И чуть ли не в тот же день мы увидели, как он гнал кота по дороге — не дружески трусил за ним, как прежде, но, высмотрев его из сада, совершенно явно отражал нашествие врагов.

— Осознал, что у него есть подружка, — сказал Чарльз.

Хотя, увидев, как он играет с ней, вы вряд ли бы подумали, что она его подружка, так как он прижимал уши, выгибал спину, свирепо прыгал. Однако при более внимательном наблюдении вы обнаружили бы, что, прыгая, он всегда промахивается, а когда они сцепляются словно бы в смертельной схватке и он раздирает ее в клочья, на самом деле держит он ее очень нежно, а лапами усердно бьет по воздуху. И что на самом-то деле нападает Шебалу, которая с решимостью борца дзюдо, обладателя черного пояса, вновь и вновь кидается на его могучую черную спину и массивную голову.

Дружба их развивалась в геометрической прогрессии. Все сиамы индивидуальны, и вскоре эти двое придумали игру, какой мы прежде не наблюдали ни у одной знакомой нам кошки. Как-то вечером я замороженно оторвалась от книги и сделала знак Чарльзу поглядеть на них. А они, ничего не замечая вокруг, безмолвно исполняли оригинальный танец мордами друг к другу перед креслом в желтом чехле, служившим им задником. Сили, прижимая уши и не спуская глаз с Шебалу, попятился на несколько шагов и остановился. Шебалу, чьи ушки прилегли к голове совсем плоско, прошла, точно балерина, вперед на соответствующие пять шагов и тоже остановилась. Затем — мы не отрывали от них глаз — она начала отступать, а Сили грациозно, гибко пошел к ней. Разумеется, это был вариант их постоянных буйных, но притворных потасовок — один угрожает, другая отступает, а затем прямо наоборот, но было так похоже на танго, исполняемое профессионалами, что нам даже почудилась музыка. А они продолжали свой танец довольно долго. И повторили его на следующий вечер.

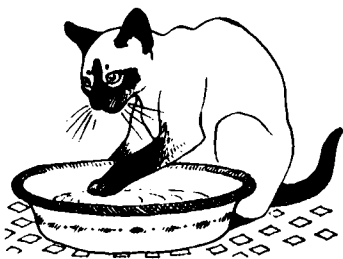
Ну, сказала я, теперь, пожалуй, можно спокойно оставлять их вдвоем. И на следующий день, когда Сили позавтракал в оранжерее, мы пустили к нему Шебалу посмотреть, что из этого выйдет. Конечно, мы присматривали за ней. Она вылизала его миску, выглянула по очереди из всех окон и съела паука, которого обнаружила в углу, после чего ее тут же вытошнило. А затем забралась к нему на кресло, и, когда я снова заглянула в окно, он возлежал на боку, а она сидела на нем. Крохотная, точно воробышек на одном из каменных львов, украшающих памятник на Трафальгарской площади, она трудолюбиво мыла ему уши.

Сомнений в том, кто тут главный, быть не могло. Через минуту-другую Сили надоели ее заботы, и он наклонил голову, пытаясь увернуться. И тут же лапка, величинной с ложечку в солонке, твердо водворила его голову в прежнее положение, совсем как делала ее мамочка в та-

ких случаях, и умывание продолжалось. А Сили больше не пробовал увертываться, но закрыл глаза и покорно ей подчинился.

Ну, и в эту ночь мы оставили их спать вдвоем. И Сили не принялся жаловаться. Не вопил, что хочет спать с нами, не прыгал с грохотом по комнате, чтобы заставить нас спуститься. А когда в три часа утра, несколько напуганные полной тишиной внизу, мы пошли проверить, как они там, оба уютно свернулись рядышком на диване. Ромео и Джульетта, совсем как нам мечталось, — совсем как Соломон и Шеба все годы, прожитые ими вместе. Конечно, Сили не спал и следил за нами, как поступил бы всякий полный сил юный сиам, охраняя покой такой девочки.

Мы радостно вернулись в спальню и заснули праведным сном победителей. К сожалению, несколько преждевременно. Наутро Сили ушел из дому.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он пропадад шесть часов. Впервые в жизни так долго. Как будто этой тревоги нам было мало, именно во время его отсутствия булочник обрушил нашу садовую стену, и когда молодой человек уехал, рассыпаясь в извинениях, объясняя, что фургон новый, он еще не привык к тормозам, не рассчитал, что поворот такой крутой — еще хорошо, что стенка его притормозила, ведь верно? — только тогда нам обоим пришла в голову одна и та же мысль, и мы принялись разбирать груды кирпичей в лихорадочной спешке, будто бригада спасателей после землетрясения. А вдруг Сили погребен под ней? Потом я звонила в пекарню проверить, не уехал ли он в фургоне — и еще раз по настоянию Чарльза с просьбой заглянуть под фургон, не лежит ли его трупик на оси?

Нет, не лежит. И на этой счастливой ноте, оставив Чарльза в убеждении, что трупик свалился с оси где-то в пути, я отправилась на обычные свои поиски

его в Долине и тем положила начало новой цепи событий.

Случилось это в среду, и Эрн Биггс работал в саду Алкоттов. Собственно, Эрн проживал в соседней деревне, но примерно за полгода до этого наш сосед Билл Трэмел разговорился с ним в трактире, и рассказ Билла о том, какой он замечательный садовник, так его заворожил, что он тут же пригласил его два раза в неделю работать у него в саду. Чем крайне оскорбил старика Адамса, который вопреки тому, что это сверх его возможностей, тем не менее считает, что на любые работы в садах приглашать обязаны его. Но это между прочим. Водворившись со своей лопатой у нас, Эрн вскоре был засыпан таким количеством просьб заняться этим садом, и тем, и тем, что он предложил услуги своего брата Берта, так что теперь они оба трудились в наших местах с тяжеловесным упорством битюгов, приостанавливаясь, чтобы из-под полей фетровой шляпы смерить взглядом старика Адамса, когда бы он ни появлялся на их горизонте.

Одним людям они нравились, другим нет, но все соглашались в том, что в разговорчивости братьям Биггс никак не откажешь. У нас у самих был опыт с Эрном. Нет, его услугами мы не пользовались. Чарльз предпочитал делать все сам, пусть на это уходили даже годы, но это не мешало Эрну, когда он возвращался от Трэммелов, останавливаться у нашей калитки и давать советы, как перестроить конюшню Аннабели, чем опрыскать плодовые деревья и что бы он на нашем месте сделал с огородом. Все это иллюстрировалось примерами советов, которые он давал другим людям в подобных же обстоятельствах, — и все они теперь считают Эрна непререкаемым авторитетом. Времени его разглагольствования занимали столько, что теперь, едва завидев его в отдалении, мы укрывались в гараже. Тем более что он от кого-то услышал про мои домашние вина и прозрачно намекал, что не прочь бы продегустировать.

А потому, когда я, пыхтя, взбиралась по тропе над рощей и выкрикала «Сили-уили-уили» вся в поту, так как Чарльз только что сообщил, что в этом же направлении трусил ретривер, с которым Сили вовсе незачем было встречаться, мне нисколько не стало легче при виде Эрна, методично выравнивающего живую изгородь Апкоттов.

Спасти меня могло только одно — его близорукость. Я и сама близорука, но не настолько. А потому я остановилась, неопределенно огляделась и сделала вид, будто дальше я идти и не собиралась.

— Собаку ищешь? — окликнул меня Эрн.

— Нет! — крикнула я в ответ. — Кота.

— Тут черный пес пробежал. Не твой?

— Нет, — сказала я. — Он живет дальше по дороге.

— А ты-то где живешь? — Эрн близоруко на меня прищурился.

— В Долине, — ответила я.

— Ты не миссис Трэмел будешь?

— Нет. — Я опять поглядела по сторонам. — Ну, я пойду. Тут его нет.

В бессильной досаде — ведь Сили вполне мог прятаться где-то дальше по тропе, но попытка пройти мимо Эрна задержала бы меня до конца утра — я вернулась сказать Чарльзу, что попробую зайти с другого конца. То есть пройду вверх по склону через деревню, поднимусь мимо трактира на другой склон и назад, описав полный круг, на дорогу, где трудился Эрн, но уже дальше него.

Уж конечно ему понадобилось торчать там, думала я свирепо, беря первый склон как призовая лошадь, раздумывая над тем, что я могла бы успеть сделать за это время. И все для того, чтобы, добравшись до вершины, увидеть впереди фигуру с секатором в руке для подравнивания живых изгородей — Эрна! С отчаянием я узнала фетровую шляпу, мешок, который он всегда носил, и дробный перестук его огромных сапог с железными носками. Но каким образом он очутился тут так быстро? И куда идет? Через луга, напрашивался первый ответ, и в

трактир, напрашивался второй, хотя открывался трактир позже, а Эрн обычно работал до второй половины дня.

Впрочем, думать следовало о том, как бы ненароком его не нагнать. Тревога за Сили начинала сводить меня с ума: где он может быть? Но если мне придется вступить в беседу с Эрном, я пропала. И я начала мешкать. Не такая уж легкая задача в деревне, где тебя все знают. И если замедлить шаг, внимательно разглядывая столбы ворот, приговор будет единодушен: совсем спятила! А Эрн то и дело останавливался и посматривал через плечо, стараясь установить, кто идет за ним. Тогда я тоже останавливалась и с интересом взирала на небеса. Тут он поравнялся с «Розой и короной», но, черт побери, не зашел туда, а повернул влево и затрусил вверх по склону.

А этот склон заметно круче. И он останавливался и оглядывался, ну а для того, чтобы мешкать, имелись только одни ворота, так что я махнула рукой на тактичность и открыто укрылась за ними, косясь на него из-за столба, пока он не скрылся из виду. Тогда я вышла из моего убежища, только теперь обнаружив, что Фред Ферри с интересом наблюдал за мной через живую изгородь — будет что ему порассказать в трактире! — и припустила вверх по склону, вновь окликаая Сили.

Нигде никаких его признаков. Однако, когда я дошла до места, где дорога начинает спускаться в Долину, далеко снизу до меня донесся свист. Свистел Чарльз.

— Вернулся? — завопила я во весь голос.

Ответа не донеслось. Наверное, Чарльз меня не услышал. Но в полной уверенности, что Сили уже дома, я позволила сделать несколько балетных па. День чудесный. Сили дома целый и невредимый. Эрн ушел восвояси. А трава тут была такой мягкой и упругой, а вокруг царила тишина — высоко-высоко над всем остальным миром.

— Да-а... дида... дида-а, — напевала я и, широко раскинув руки, порхнула за поворот. И там, утрюмо глядя на меня с того самого места, где я видела его раньше, стоял

Эрн и тем же самым секатором выравнивал живую изгородь.

— А я знаю, кто ты такая, — сказал он.

Еще бы не знал, когда я кузнечиком выпрыгнула прямо на него! А я знала, кто поднимался по склону впереди меня. Его брат Бретт, который возвращался домой, закончив какую-то работу в другом конце деревни. Он ведь тоже ходил в фетровой шляпе и носил за плечом мешок, так что издали я его спутала с братом.

— Собаку-то нашла? — спросил Эрн.

— Кота, — сказала я. — Да, он вернулся домой.

— Так чего ты тут-то делаешь?

— Иду назад в Долину, — ответила я. (Уж тут-то я его надежно осаждала, подумала я.) Но где мне было тягаться с Эрном! Четыре быстрых хода — вопрос, как пройти к трактиру, хотя хитрый тра-та-та знал это не хуже меня; вопрос, в каком часу он открывается, хотя это ему наверняка было известно лучше, чем мне; сообщение, что ему до смерти пить хочется... а я ведь вроде бы вино делаю? — четыре хода, и мне шах и мат.

— Загляните, когда пойдете домой, выпейте стаканчик, — сказала я и поспешила в коттедж, зная, что еще минимум час поучительной беседы не миновать, а все по милости этого проклятого кота...

Который, как я услышала еще с порога, домой пока не вернулся. Чарльз сказал, что свистнул он, чтобы узнать, не отыскала ли я его. Так что удовольствие потчевать Эрн на бузинным вином досталось Чарльзу, а я отправилась на новые поиски и за свое радушие была вознаграждена диалогом, который услышала — звуки по Долине разносятся очень далеко, — когда карабкалась еще по одному склону, призывая Сили.

— Чего это она орет?

— Совет кота, — сказал Чарльз.

— Так я думал, она его нашла.

— Нет, не нашла, — сказал Чарльз.

— А я ее видел там на дороге. Пляску затеяла. — Доверительный тон Эрна показывал, как он это истолковал.

— Она часто так, — сказал Чарльз, чем отнюдь дела не поправил.

Под утро была подведена черта: обрушившаяся стена, Сили по-прежнему в нетях, Фред Ферри и братья Бигтсы убеждены, что я свихнулась. Но это был еще далеко не конец.

Чарльз, избавившись от Эрна, сказал, что только сейчас сообразил... Трэммелы что-то делали перед своим коттеджем, а багажник их машины был открыт. Но ведь они, наверное, не могли захлопнуть в нем Сили?

Догадайтесь, на кого была возложена миссия пойти к ним и попросить, чтобы они открыли багажник своей машины? Трэммелы поселились здесь совсем недавно. Меня они знали только как особу, которая вечно звала кошку, бегая по Долине взад и вперед — то есть когда я не барабанила по эмалированному тазику, чтобы приманить ослицу с холма вниз. Вопрос, не сидит ли у них в багажнике наш сиамский кот, был не самым лучшим началом для знакомства, но Чарльз настаивал, и я этот вопрос задала.

Естественно, его там не оказалось. Они вынули из багажника коврик и встряхнули его, чтобы окончательно меня убедить. А где он был, мы так и не узнали. Просто он вернулся в два часа дня, уйдя из дома в восемь утра, с небрежной беззаботностью, словно выходил в сад поразмяться пять минут. Нам оставалось только думать, что всю ночь он не спал, следя за Шебалу — из опасения, как бы она его не съела, а вовсе не оберегая ее. А потом, измученный, пристроился где-то всхрапнуть и чертовски хорошо выспался.

Несколько дней после этого мы внимательно следили за ним, не желая, чтобы он повторил свой фокус с исчезновением. Естественно, мы могли бы не затрудняться. Следовало бы учесть его новую привычку гонять кота, жившего ниже по дороге. Как-то утром я возилась в саду,

а он сидел возле прудика, когда мимо калитки прошел тот кот. Взвыв, Сили одним прыжком проскочил между прутьями и погнался за ним вверх по склону. Я вззыкнула ему вслед. И даже, наверное, поймала бы — я так кричала, опасаясь, как бы он снова не исчез, что на мгновение он заколебался, оглянулся... И тут кто-то выстрелил из ружья. Я подпрыгнула ярда на два, а коты метнулись в лес и взлетели на тополь.

Нет, на нас никто не покушался. Просто еще один новый наш сосед упражнялся в стрельбе по консервным банкам. Я и с ним была не очень хорошо знакома — во всяком случае не настолько, чтобы попросить его не стрелять пока, так как наш кот залез на дерево. И потому я замерла на месте. А вдруг снайпер заметит, что ветки колышутся, и примет котов за голубей? Когда выстрелы стихали, я отчаянно звала Сили, и на развилке надо мной появлялась испуганная мордочка, но тут снова раздавался выстрел, и Сили тотчас прятался.

Мы бы и сейчас там оставались, если бы Чарльз не сообразил, что происходит, и не поднялся бы по склону, пошатываясь под тяжестью раздвижной лестницы. И мы все еще тшились бы продвинуть ее между сучьями, если бы на дороге не появился один наш друг и не увидел бы, как мы мучаемся. Он как раз шел к нам, неся в подарок лично им выращенный огурец. Теперь он положил его у обочины, взобрался по откосу и помог нам совладать с лестницей.

К этому времени стрельба по консервным банкам завершилась. Снайпера гораздо больше заинтересовали наши маневры, и он увлеченно следил за нами со своего плато. А мы тем временем столкнулись с новой трудностью: Сили появлялся на развилке и глядел вниз на нас, но за ним появлялся второй кот, Сили тут же кидался прогонять его на конец сука, и все начиналось сначала.

И как раз в этот момент, когда мы втроем вздымали лестницу и напряженно смотрели вверх, словно ожидая,

когда же по ней спустится Иаков¹, мимо протопал Эрн Биггс по пути домой от Трэммелов.

— Чего это они? — осведомился он у снайпера.

— А черт их знает, — последовал ответ.

— Их там, что ли, рвать собрались? — сказал Эрн, узрев огурец на обочине, и... (я знала, знала, что без этого не обойдется!) добавил доверительнейшим своим тоном: — Она тут на дороге отплясывала, сам видел.

Сили мы все-таки спасли. Чарльз влез на лестницу, заманил Сили к себе на плечо и спустился так, чтобы я могла его забрать. Первой из леса появилась я — съехала по откосу на мягком месте, перекинув Сили через плечо и держа его за хвост. А когда достигла дороги, встала на ноги со всем имевшимся в моем распоряжении достоинством и промаршировала вниз к коттеджу. Затем появился второй кот. Едва Сили забрали, он спустился по собственной инициативе. В заключение, очень смахивая на цирковых клоунов, по откосу пробалансировали с лестницей Чарльз и наш самоотверженный друг и забрали огурец.

— Ну и народ тут! — донесся до нас раздумчивый голос Эрна. — Чего только не насмотришься!

Мы же только порадовались, что пока вынуждены гоняться лишь за одним членом кошачьего племени. До прививки мы не выпускали Шебалу из дома. И отгоняли от себя мысль о том, что начнется, когда и она обретет свободу передвижения. Как мы убеждались ежедневно, она совсем не была похожа на Шебу.

¹ В Библии рассказывается, что патриарх Иаков увидел во сне лестницу, по которой поднимались и спускались ангелы (Быт. 28. 12). — *Примеч. пер.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шеба была пай-девочкой. Скромной, пожалуй, чуточку чопорной и никогда не доставляла нам никаких хлопот. Правда, на склоне лет она стала несколько деспотичной, но это ведь свойственно старости. Шеба уподобилась королеве Виктории на восьмом десятке, и одно мы знали твердо: никогда, даже в самые легкомысленные свои деньки, Шеба не пила воду, оставшуюся от мытья посуды.

А Шебалу пила. Кроме того, она вылизывала мойку, а когда я пользовалась грилем, непременно оказывалась возле и, стоило мне уйти, начинала полировать решетку шершавым язычком. Манеры у нее были помоечной кошки, а не дочери Чемпиона Чемпионов.

Ужас, что такое, ведь правда, вопрошал Сили, который с ее появлением словно за ночь стал взрослым и подолгу заботливо сидел рядом с ней, точно мохнатый филин, полный родительской любви.

Но почему я позволяю ей добираться до грязной воды в мойке? — осведомлялся Чарльз, тревожась, как бы у нее не началось расстройство желудка.

Но как я могла ей помешать? Большинство людей, помыв посуду, сливают воду в мойку, но если это пробовали делать мы, она закупоривала трубы. Кажется, у них наклон был неправильный, что, говорил старик Адамс, было совсем даже неудивительно при таком-то подрядчике. Как бы то ни было, по сложившемуся обычаю я выплескивала жирную воду либо в ручей, либо в огород. Я предпочитала проделывать это без свидетелей (меня считали странной и без того, чтобы к моим чудачествам добавилась еще и мания выплескивать воду), а потому я сначала выглядывала в дверную щель, нет ли кого-нибудь поблизости, и, если кто-то обнаруживался, оставляла тазик в мойке до более удобного момента. Вот тогда Шебалу и кидалась к нему.

Во избежание этого я начала выскакивать с тазиком наружу куда стремительнее, и — поскольку мои мысли были больше заняты тем, как избавиться от грязной воды, чем мытьем, — начался период, когда я то и дело выплескивала с водой чайные ложки. Со мной и прежде это случалось в минуты стресса. Из года в год старик Адамс не раз и не два являлся с нашей чайной ложкой, говоря, что выудил ее из ручья и из-за чего это я сцепилась со своим благоверным на этот раз? Теперь же ложки летели с водой через стену стаями. Конечно, вода была такой мутной, что в тазике я их не обнаруживала. Но несколько раз неведомые добрые самаритяне клали их на столб калитки. А старик Адамс, принося очередную, теперь вручал ее с видом покорности судьбе и без единого слова. Ну, и неизбежно в надлежащий срок Эрн Биггс протопал по дорожке, важно держа в руке трофей.

— Нашел, значит, в ручье, когда шел домой от мистера Трэммела, — сказал он.

— А... Большое спасибо, — сказал Чарльз. — Моя жена бросает их через стену. Когда расстраивается из-за кошек, — добавил он поспешно.

— Она, значит, — сказал Эрн.

Чудилось ли мне или действительно прохожих в Долине с этого дня появилось куда больше, чем прежде? Посетители «Розы и короны» — спасибо Эрну! — проходили мимо в надежде увидеть, как я швыряю чайные ложки?

Если так, то их ждало разочарование. После эпизода с Эрном я перестала выплескивать воду из тазика с таким самозабвением. Так как Шебалу дома не покидала, стать причиной неприятных происшествий она не могла. И некоторое время единственным примечательным событием оставалось исчезновение мячей для гольфа, с которыми играл Сили, о чем случайный прохожий проведать никак не мог.

Да я и сама заметила их исчезновение не сразу. Когда в первый раз я не нашла мяча там, где, как мне помнилось, я его оставила — у лунки для мини-гольфа на лужайке, — я решила, что просто забыла. Наверное, унесла его с собой на кухню, подумала я и пошла взять другой. Следующий я не забыла, а, наоборот, твердо помнила, что оставила его возле лунки. Удар по нему, нанесенный вовремя, мог помешать Сили отправиться в лес, когда ему приходила охота побродяжничать, но мяч должен был лежать наготове — бежать за ним на кухню было бы бесполезно.

Я посмотрела в лунку. Мяча в ней не было. Сороки? Для них он тяжеловат. Я посмотрела на Сили, он округлил глаза. Нет. Конечно, он крупный кот, но даже ему не удалось бы проглотить мяч.

Так я рассуждала, бдительно поглядывая на компанию проходивших мимо детей, когда увидела Неро, черного ретривера, который шастал по саду. Вышла прогнать его, он выскользнул в пролом, оставленный фургоном булочника (очевидно, через него же он и проник внутрь), остановился на дороге и залаял на меня. Вызывающе, расставив прямые, как палки, ноги, подняв голову. Потом на

мгновение прервал свою тираду, и я заметила на его щеке что-то вроде шишки, которая тут же переместилась.

— Он забрал мяч Сили, — сказала я.

— Не может быть, — возразил Чарльз. — Мяч помешал бы ему лаять.

Не помешал! Хотя, осознав свою ошибку, он больше его за щекой не перекачивал. У него дома под подстилкой обнаружился целый склад наших мячей. Она понять не могла, откуда он их берет, сказала его хозяйка, когда я его обличила; она ведь не знала, что мы играем в мини-гольф. Переехала сюда она недавно и действительно могла не знать. Как и то, что играл, собственно, наш сиамский кот. Когда я ей об этом сказала, она несколько старомодно подняла брови.

Как бы то ни было, Сили получил назад свои мячи, брешь в садовой стене была заложена, а Неро, чтобы выразить все, что он думает о таких ябедниках, начинал лаять, едва завидя нас. Чем так досаждал Сили, что в один прекрасный день он (видимо, решили мы, полностью войдя в образ могучего рыцаря, каким начал видеть себя с появлением Шебалу) проскочил сквозь прутья калитки и грозно двинулся вперед. Это был день вывоза мусора, и встретились они у мусорных баков на углу.

Кем это, спросил Сили, вытягивая шею и шагая на прямых ногах что твой техасский бандит с пистолетом, кем себя воображает Штаны с Махрами? Чего это он расшумелся на всю округу?

— Ррр-ав! — сказал Неро и подпрыгнул, расставив лапы, запугивая Сили.

— Дать раза? — спросил Сили и принял боевую стойку. Для чего опустил голову так низко, что почти встал на нее, распушил хвост и начал надвигаться на врага боком, точно краб. На кота дальше по дороге это всегда действовало неотразимо. Не думаю, что это так уж подействовало на Неро. Думаю, на него скорее подействовала я, выскочив из калитки и размахивая метлой, которую захватила из угольного сарая. Но когда Неро обратился в бегство, а

Сили погнался за ним, в Долине рѳдилась еще одна легенда. И Сили, и прохожие, наблюдавшие за ним, решили, что он — гроза собак.

— Хорошо еще, что Шебалу в этом не участвует, — заметил Чарльз, когда дня два спустя мы уволокли Сили, когда он в энный раз прицелился триумфально прошествовать мимо дома Неро.

И он был абсолютно прав. Выпускай мы Шебалу из дома, не только она триумфально шествовала бы с ним, но и шествовала бы впереди.

Никаких сомнений в том, кто в этой компании будет задавать тон, быть не могло. Она прожила у нас меньше недели и уже для начала научилась открывать все двери. С апломбом опытного медвежатника она решительно толкала те, которые требовалось толкать, и тянула те, которые требовалось тянуть, напрягая крохотную лапку, пока не открывалась щель, достаточная, чтобы она могла в нее проскользнуть. И неизменно за ней небрежной походкой следовал Сили в убеждении, что девочки для этого и существуют. Ведь Шеба всегда открывала для него двери.

Куда больше он взволновался, когда обнаружил, что Шебалу отлично лазает. Однажды мы заглянули в окно оранжереи проверить, как они там, и увидели, что Сили со стула взирает вверх, где под самым потолком Шебалу прогуливается по виноградной лозе, точно канатоходец. Да улети она на Луну, в глазах у него было бы меньше растерянности. Ей ведь нельзя забираться туда? — пожаловался Сили. А он глупый трусишка, беззаботно сказала Шебалу.

Сили, как до него Соломон, оказался заядлым непокорителем высот. Три фута вверх по стволу елки, он срывается и воображает, что взял Эверест. Пока высшим его достижением было ворваться в ванную, кое-как забраться на верх двери по висевшему на ней халату и висеть там в ожидании, когда его снимут. Совсем как Соломон, с тем лишь отличием, что Соломон хотя бы умел забраться на

дверь, после чего тут же начинал звать на помощь. А о подвиге Сили нас извещали только топоток, постукивания по двери, а затем зловещая тишина — и мы мчались в ванную как сумасшедшие, зная, что сейчас он висит, цепляясь когтями за верхний край двери, над которым высывается его нос. Перепугавшись так, что не в силах издать ни звука, а глаза у него от дурных предчувствий круглые, как у совы. В среднем он проделывал это по разу в день, и когда мы спасали его раз и навсегда заведенным порядком — я отрывала его передние лапы от двери, Чарльз приподнимал задние, и таким манером мы опускали его вниз боком к филенке, — он выходил из ванной с таким видом, будто его только что объявили спортсменом года.

После прогулки Шебалу по виноградной лозе ему, казалось бы, следовало предать свои попытки восхождений полному забвению. Но нет! Убеденный — как-никак он родился под знаком Льва, — что он самый-самый замечательный, в чем ему необходимо убеждать всех и каждого, он теперь принялся хвастать своими достижениями пуще прежнего. Днем он взбирался на виноградную лозу, вечером он покорял дверь ванной... Както, когда у нас были гости, он брал эту высоту четырежды. Стук-стук-стук! Мы взмetyваемся, как испуганные фазаны из куста, и мчимся на помощь. Наши гости ничего не знали о сиамских кошках. И поинтересовались, зачем он так упорно забирается туда, если не может спуститься сам. Когда мы ответили, что таким образом он укрепляет свое «эго», они посмотрели на нас как на помешанных.

Однако, если Сили родился под знаком Льва, знаком Шебалу был Телец, а в просторечии Бык, как мы раз за разом убеждались на опыте, когда утром перед завтраком, пока Сили гулял, запирали ее в прихожей, чтобы спокойно поесть.

Но, поскольку Сили с ней не было, она воображала, что он должен быть с нами. И предается чревоугодию!

При одной мысли об этом она принималась завывать, реветь и биться о дверь, сотрясая ее, хотя дверь была тяжелая. Билась ли она об нее головой или лапами, мы не знали. Нам было известно только, что никто из наших котят прежде ничем подобным не занимался (Сили в подобных обстоятельствах ограничивался тем, что отдирал внизу прокладку от сквозняков), что звуковой эффект напоминал увертюру «Тангейзера» и что затем грохот сменится паузой. Все ли с ней в порядке? — спрашивали себя мы, затем топоток вверх по ступенькам оповещал, что все в полном порядке, после чего из спальни доносился новый грохот — Телец (он же Бык) атаковал все, что попадалось ему на глаза, несомненно воображая, что перед ним мы.

Мы же снисходительно посмеивались, радуясь такой энергии, такой живости... пока в один прекрасный день, поднявшись по лестнице, я не обнаружила, что Телец (он же Бык) в свободной комнате прыгает со шкафа на пачечки наглицериненных буковых листьев, которые я приготовила для благотворительного базара. Глицерином меня снабдил благотворительный комитет. Я отвечала за обеспечение буковыми листьями соответствующего киоска. И увидеть, как эта жуткая кошечка нарочно прыгает прямо на них... потом на шкаф и снова на них. Господи, сказала я. И отчаялась.

И отчаялась еще больше, когда увидела, сколько их помято, а то и в круглых дырочках, оставленных зубами. Она явно приземлялась на них не один день. После этого я хранила их на чердаке. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Но вот насколько лучше? Когда настало время выставить их на прилавке киоска, вид у них был несколько подержанный... Может быть, я рвала их позже, чем следовало, предположила одна старушка. Видимо, до них добрались гусеницы... И в довершение всего Шебалу приобрела вкус к растительной пище.

Я глазам своим не поверила, когда обнаружила, что взлелеянный мной отводок ломоноса был ощипан до са-

мого корня. Я было погрешила на слизней, но некоторое время спустя увидела, что она, закрыв глаза, сидит на подоконнике и доедает остатки стебля с таким изяществом, словно это была спаржа. Не поверила я им, и когда увидела, что отводок розмарина валяется выкорчеванным возле своего горшка. Но пришлось поверить, когда я водворила его обратно, а потом она снова его выдернула, не стесняясь моего присутствия.

Чарльз сказал, что, возможно, она нуждается в свежей травке. Когда бы так! Я принесла большой пучок и поставила в вазу — специально для нее. Ноль внимания. И не подумает даже посмотреть, сказала она, когда я попыталась показать ей вкусную травку. Было совершенно очевидно, что поедание комнатных растений станет таким же личным развлечением Шебалу, каким для Соломона было раздирание ковровой дорожки на лестнице, свежевание продавленного кресла в прихожей для Шебы и верчение на спине в глубинах другого кресла для Сили. Что он совмещал с восхождением на дверь ванной.

Все пройдет, когда она начнет гулять в саду, защищал ее Чарльз. А пока можно было подумать, что наши комнатные растения подверглись нападению саранчи, молчалка для мытья посуды навсегда водворилась на каминном коврике в гостиной, а водворивший ее котенок весело резвился по всему коттеджу, явно выдавая себя за Санта-Клауса.

Самой любимой своей игрушкой она выбрала моток мягкой белой шерсти, снабженный колокольчиком и прежде принадлежавший Сили. Она, как мы убеждались с каждым днем, никогда ничего не делала наполовину. Сили было довольно иной раз поиграть мотком, как мячиком, и уж совсем редко — пройтись с ним во рту через комнату, когда он был Львом, Несущим Свою Добычу, но к ней моток будто неотрывно приклеивался.

Она тащила его к входной двери встречать молочника. И в ванную (если дверь была открыта) поболтать

с Чарльзом, пока он брился. Всех посетителей она приветствовала с мотком во рту, а в тех случаях, когда запаздывала, появлялась с ним в тот момент, когда, как подсказывала ей врожденная способность сиамов показывать товар лицом, можно было произвести наибольший эффект.

— Ах, какая прелесть! — восклицали гости, когда, задрав хвост и гипнотизирующе скосив глаза, она шествовала к ним по ковру (причем путь выбирала наиболее длинный), покачивая белой пушистой бородой.

Да, безусловно. Однако к мотку был привязан колокольчик. И хотя, пока дело ограничивалось гостевыми дозами, звенел он очень приятно — как миленькие японские колокольчики под ветром, ностальгически вздыхала мисс Уэллингтон, — для обитателей дома звон этот превращался в китайскую пытку.

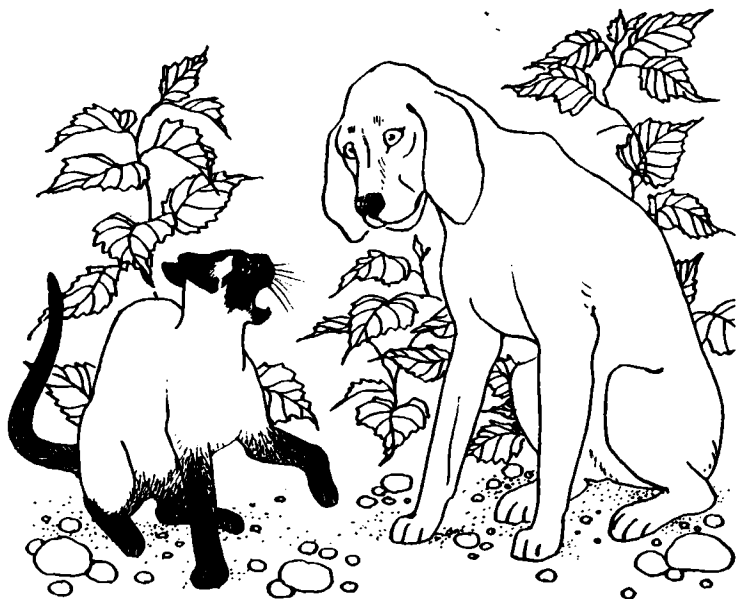
Колокольчик позвякивал с утра до ночи. Иногда еле слышно, иногда очень громко — в зависимости от того, где именно Шебалу находилась в доме. Небольшая передышка, пока она ела или спала, и снова: звяк-звяк-звяк... Под это звяканье она отправилась к ветеринару, когда через две недели храбро согласилась сделать прививку. Под это звяканье мы вскоре повезли ее в Лоу-Нэпп, где ей с Сили предстояло пожить у доктора и миссис Фрэнсис, пока мы не вернемся из Корнуэлла.

Сама эта поездка обернулась пророчеством на будущее. Мы посадили ее в дорожную корзину Сили с проволочной сеткой спереди. Это поможет ей чувствовать себя увереннее, сказали мы. Она же еще никогда так далеко не ездила. Однако морально поддерживала Сили она, а не наоборот. Он съезжился на дне корзины, словно это была повозка, обслуживающая гильотину, а Шебалу весело сидела рядом с ним, словно была кучером. Пока он жалобно хныкал, что У Него Автомобильная Болезнь, стоило нам оглянуться на него через плечо, она смотрела в окно как замороженная. Когда же мы наконец прибыли в Лоу-Нэпп, Сили, который уже бывал там с Шебой, заявил,

что кот в соседней вольере на него поглядывает, так, может, мы увезем его домой? Но Шербалу, которой исполнилось четырнадцать недель, вышла из корзины с видом принцессы, оглядела свою будущую резиденцию, вернулась в корзину за мотком, который забрала с собой и положила в углу.

Можете уезжать, если хотите, сказала она нам. За Сили она присмотрит.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Впрочем, ее услуги не понадобились. Он скоро припомнил, где находится. Когда мы вечером позвонили узнать, как и что, он как раз кончал ужинать, а Шебалу — она уже очистила свою мисочку, сказала миссис Фрэнсис, — весело играла со своим колокольчиком.

Когда мы приехали за ними через месяц, сиам в соседней вольере венчал, точно статуя Свободы, чурбак для оттачивания когтей, а Сили вызывающе сидел на своем чурбаке — и заметно выше, сказал он. А Шебалу, игнорируя обоих, все еще играла со своим колокольчиком. Наши кошки вели себя замечательно, сказал доктор Фрэнсис, и им их будет недоставать, но этот проклятуший колокольчик...

Мы прекрасно его поняли. Трезвон стоял всю дорогу домой. Впрочем, после четырех недель без них он казался нам небесной музыкой.

Однако время отдыха миновало, и настал момент истины. Шебалу стукнуло восемнадцать недель, она рвалась

в широкие просторы, и запирать ее дома мы больше не могли. И, сказал Чарльз, следить за ней придется орлиным взором, учитывая число любителей пострелять среди наших соседей.

Конечно, никто не станет выбирать ее в мишени, но выше по дороге снайпер палит по консервным банкам, наш сосед ниже по холму любит поужинать голубем, тушенным в кастрюльке, а Джон Хейзел на вершине холма время от времени проверял свою малокалиберную винтовку. И если мы не станем следить за ней со всей бдительностью, белый котенок примется лазить по всем деревьям, с пятнадцати шагов ни дать ни взять жирненький голубь.

При одной мысли о подобном я холодела. В начале лета я и сама только чудом уцелела. Мы собирались на пикник. Чарльз выводил машину, а я несла корзину с припасами, и только обогнула угол коттеджа, как в крышу над моей головой вмазал заряд дроби. Упали куски черепицы, пара скворцов, ругаясь, упорхнула в более безопасное место, а я...

— Что происходит! — завопила я в негодовании, прикидывая, не укрыться ли мне за стеной. Предстояли пере-выборы в приходский совет, я была одной из кандидаток. Неужели какая-то соперница...

Решив, что скорее это кто-то охотится на голубей, и все-таки оглядываясь на случай, если кто-то вздумал поиграть в ковбоев и бандитов, я громко окликнула Чарльза и направилась к лесной тропе. Никого! Только сонная летняя тишина да тихая пыльная дорога. Когда я рискнула ступить на тропу, сверху, точно снежные хлопья, спланировали два-три перышка. Но стрелка нигде не видно... как и голубей, если на то пошло.

— Старик Сэм с того конца, — сказал Чарльз.

Сэм, владелец Неро, энтузиаст-охотник, выросший в Австралии и еще не привыкший к английским сильно урезанным просторам. Намереваясь хорошенько его отчитать, я с корзиной в руках мстительно промаршировала

вниз по склону к дому Сэма... только и там его не оказалось. Лишь полнейшая глубочайшая тишина. Дом дремал в утреннем солнечном сиянии. Над кустом лаванды кружили две желтые бабочки. И никаких признаков Неро, что уже говорило о многом. Он всегда вылетал, как пушечный из рогатки, готовый бурно оборонять свой дом.

Чарльз, потребовав, чтобы я закрылась в коттедже, обыскал все соседние проулки. И там никого. В полном недоумении мы отправились на пикник.

И зря недоумевали. Месяца два спустя Сэм признался, что стрелял он. Из окна спальни — отличное место, чтобы ждать в засаде голубей. И отличное убежище, как он убедился, услышав мои крики, — естественно, он сразу понял, что я не пострадала, поспешил он меня заверить. Тогда он еще был с нами почти незнаком, а потому запер окно, запретил Неро лаять и притаился. Так он прощен? — спросил он.

Да, конечно, хотя он и задал нам загадку. Ну, прямо, сказал старик Адамс, выслушав эту историю, как когда он мальцом был... Жили-то они тогда в Белтоне. А в соседнем селенье — Уитл оно называлось — была каменоломня, так рабочие тамошние держали голубей и по воскресеньям гоняли их. И сколько же это раз вспоминал старик Адамс свое давнее детство, и глаза его туманились, сколько же это раз велено было ему сторожить, когда появятся голуби, и тут же звать отца.

— Так он же не... не... — сказала я растерянно.

— Да еще как! — сказал старик Адамс. — Белтоновцы ребят в Уитле на дух не переносили. Много воскресных обедов пополняли они таким манером. Стояли на крылечках и били дробью, когда пролетали уитлевские птички. А когда пыхтя являлся фараон по поводу нарушения порядка в день воскресный, все ружья давно были засунуты в печные трубы, а хозяева их знай свои огороды вскапывали...

Нам оставалось только надеяться, что эти воспоминания ни на что его не вдохновят; для полного счастья нам

не хватало только, чтобы и старик Адамс принялся палить из окна своей спальни. И как-то вечером мы уже решили, что он все-таки соблазнился... Мы ужинали, на дороге грохнул выстрел. Кошки были дома, Аннабель у себя в конюшне... и после краткой паузы, когда наши вилки застыли на пути ко рту, мы перевели дух и продолжали есть. Минут десять спустя выстрел грохнул снова, и на этот раз я опрокинула чашку с кофе. А попозже, когда я мыла посуду — настолько позже, что я уже перестала ждать новых выстрелов, бах! бах! — вновь грянуло ружье, и я чуть не пробила макушкой потолок.

— Старый идиот! — сказал Чарльз, собираясь пойти и сообщить старику Адамсу, что он о нем думает. Мы знали, что это не Сэм — он уехал по делам. И в этот момент, чтобы совсем уж допечь мои нервы, затрезвонил телефон. Пронзительно, как будильник.

Звонил Джон Хейзел, живший выше по дороге. Мы слышали выстрелы? — яростно спросил он. И, не дожидаясь ответа (Джон, если его вывести из себя, сильно смахивает на хайлендского быка, кидающегося в атаку), сообщил, что чертовы идиоты братья Биггс стреляют по голубям у Трэммелов. То и дело будят младенца и пугают Дженет. С него хватит, сейчас он тоже постреляет!

— Но, Джон, послушайте... — начал Чарльз в сильном волнении.

— Да не в них! — сказал Джон сочным шотландским басом. — Буду стрелять в старую печь для обжига извести. Пусть-ка сами попробуют, каково это... Только решил вас предупредить, не то подумали бы, что война началась.

Нет, он правильно сделал, что предупредил нас. Бах! — грянул через минуту дробовик братьев Биггс, будя эхо. Уииии! — ответила малокалиберка Джона, точно птица просвистела крыльями. И трррр! (этого мы не ждали) — прогрохотал вверх по дороге автомобиль — за рулем беды как мел Берт Биггс, а рядом скорчился Эрн.

Остановившись в «Розе и короне», чтобы оправиться от потрясения, мокрые от испарины, они поведали свою

историю старику Адамсу, упоенно их слушавшему. Мистера Трэммела голуби совсем допекли, сообщил Берт. Всю его брюссельскую капусту расклевали, это уж точно, подтвердил Эрн. Ну, Берт и прихватил ружьишко... Мистер Трэммел сказал, что можно... Ну, они себе тихо-мирно стреляли с дороги, и тут по ним как начали палить!

— Убийца свихнутый, не иначе, — сказал Эрн, и кружка у него в руке ходуном заходила.

— Самую чуточку по мне промазал, — сказал Берт, что было прямой ложью, но сельские жители без приукрашивания не могут.

— Да, не повезло, — двусмысленно сказал старик Адамс, невинно возведя очи горе.

Больше братья Бигтс ружьишка с собой не захватывали. И все же, когда вокруг появилось столько новых соседей, а стрельба по чему попало словно бы превратилась в поветрие, благоразумие требовало не спускать глаз с Шебалу. Уж конечно она, решили мы, будет устремляться на стрельбище при всякой возможности.

На самом же деле не только недели и недели после того, как мы начали ее выпускать, она, очень довольная, оставалась на лужайке, но и, к нашему вящему изумлению, Сили заботливо оставался с ней. Мы могли оставлять их на несколько минут, а когда возвращались... вот она, заметная, точно подснежник в зимнем саду. Обгрызает листья мышиного гиацинта или деловито изничтожает лаванду, но всегда тут у нас перед глазами. А рядом с ней, исполненный снисходительного обожания, — Сили. Или если он все-таки отлучился (сочтя, как и мы, что ее на минутку можно оставить одну), то не дальше огорода, откуда, услышав наши голоса, тут же прибежал, полный тревоги и бормоча «мрр-мрр-мрр», заверяя себя, что все хорошо.

Только один раз он увел ее на дорогу. Видимо, познакомиться с Аннабелью, потому что, когда я стремглав кинулась на поиски, они по ту сторону дороги заглядывали в щели конюшни.

— Домой! — приказала я сурово, и Сили, усвоивший эту команду еще в детстве, виновато проскочил через дорогу и перемахнул через стену.

— Домой! — приказала я Шебалу, и она в желании делать все, что делал Сили, тоже перебежала через дорогу, взвилась в воздух, явно понятия не имея, зачем он это сделал, но не желая от него отставать, — и плюхнулась прямо в ручей. Пустяки, сказала она, выбираясь из воды как ни в чем не бывало. Но Сили, правда, иногда выделяет непонятно что...

Видимо, там было удобно перебираться через ручей. На следующий вечер мы отправлялись в гости. Я сидела в машине с включенными фарами, а Чарльз закрывал ворота, как вдруг через дорогу перед машиной перебежала полевка с быстротой арабского скакуна. Видимо, она разделила с Аннабелью ее ужин, а теперь опаздывала на важное свидание. Точно на том месте, откуда прыгнули кошки, она тоже совершила гигантский прыжок. Вверх, через ручей, блеснув серебряным брюшком в лучах фар, и точно, как метко брошенный дротик, в маленькую дырочку в стене. А ширина канавы там добрых три фута. Рекордный прыжок для мышки! Надеюсь, сказала я, что кошки там ее не обнаружат. Он уверен, что нет, сказал Чарльз. Мышь, у которой хватило смекалки выбрать жилище, окруженное рвом, любую кошку проведет.

Вот так! Мы вернулись, отдохнув, сезон змей приближался к концу. Шебалу как будто никуда из сада не тянуло, а Сили (нам даже не верилось!) был счастлив оставаться с ней там. И вот в этот-то мирный период нашей жизни мисс Уэллингтон заметила даму с собаками.

Мы не знали, как ее зовут. Просто иногда она проходила мимо коттеджа с четырьмя-пятью собаками. Она казалась очень симпатичной, а собаки — послушными. Иногда они были на поводках, иногда трусили свободно, предположительно подчиняясь сигналам свистка, висевшего у нее на шее, хотя мы ни разу не видели, чтобы она им пользовалась. Бесспорно, они у нее вышколены, ска-

зал Чарльз. А выводить их на прогулку всех вместе — большая экономия времени. Та же мысль, несомненно, пришла в голову и мисс Уэллингтон, потому что очень скоро и она прошествовала мимо с самыми разными собаками на поводках.

Нет, они были не ее. Мисс Уэллингтон холила и лелеяла большого черного кота, который ничего подобного не потерпел бы. Но она любила всех животных. Именно мисс Уэллингтон много лет назад в совершенно ложном убеждении, будто он мало разминается, привела в Долину соседского мастифа и спустила его с поводка. Он выглядел так печально, сказала она, словно обремененный цепями пленник на римском Форуме. А он с места в карьер погнался за Соломоном через огородный парник, так что Соломону пришлось наложить на раненую ногу двенадцать швов.

После этого мисс Уэллингтон сосредоточилась на Аннабели. К счастью, не настолько, чтобы водить ее гулять, но она постоянно приходила покормить ее. И обязательно поджаривала предназначенный для нее хлеб. Как-то раз она объяснила мне почему. Она всегда срезает с хлеба все корки, сказала она. Ведь неизвестно, куда заезжал с ним булочник. А пока я искала, что бы такое ответить на это признание, она добавила, что потому-то и поджаривает все корки, прежде чем принести их Аннабели. Она ни за что не угостит милочку хлебом с микробами.

В результате, хотя Аннабель от всех брала обычный хлеб, вместе со всеми микробами, от мисс Уэллингтон по причинам, известным только ей, непременно требовала поджаренного. Единственный раз, когда мисс Уэллингтон принесла ей половину нарезанного батона, который поджаривать не стала, сказала она, так как его упаковала машина, Аннабель оскорбленно фыркнула и швырнула в воздух все ломти. На мисс Уэллингтон это произвело глубокое впечатление. «Что доказывает», — объявила она.

На этот раз она принесла тосты в сопровождении четырех-пяти разнообразных собак, которых, объяснила

она, буквально повисая на поводках, она прогуливает для разных людей, живущих в новых домах.

Идея весьма похвальная, поскольку они принадлежали либо пенсионерам, либо жили в семьях с маленькими детьми, где некому было гулять с ними по будням. Но мисс Уэллингтон была мисс Уэллингтон и вскоре уже принялась спускать с поводков и их, так как ей казалось, что они похожи на обремененных цепями пленных.

И вот как-то утром они, счастливые обладатели собачьих свобод, кружили у ворот Аннабели, которую мисс Уэллингтон потчевала гигиеническими тостами, как вдруг одна заметила Сили, возвращавшегося с утренней прогулки. Обычно он шел по лесу и успел бы увидеть их, оставаясь невидимым. Но волей судеб на этот раз он спускался прямо по тропе и вышел из-за поворота, как ведущий актер из-за кулис.

И все было бы хорошо, шмыгни он назад. Но воспоминание о том, как совсем недавно ему (по его мнению) довелось расправиться с Неро, было еще свежо, и он остановился, выгнул спину и угрожающе начал спускаться по тропе. И когда одна из собак кинулась на него, остальные последовали ее примеру.

Разыгралась потрясающая сцена. Мисс Уэллингтон засвистела в свисток, но, в отличие от собак дамы со свистком, эти понятия не имели о таких командах и даже ухом не повели... Я, беседовавшая с мисс Уэллингтон через калитку, выскочила наружу и с воплями помчалась за собаками. Чарльз слетел по склону из плодового сада, точно Меркурий в резиновых сапогах. А Аннабель подхватила сумку, которую уронила мисс Уэллингтон, и тосты градом посыпались на землю.

Мы могли бы точно предсказать, что произойдет затем, и не ошиблись. Из-за угла, точно по сигналу, появился старик Адамс с лопатой.

— Чего это тут? — осведомился он с интересом, опершись на нее. — Никак лисью травлю затеяла? А лиса-то где?

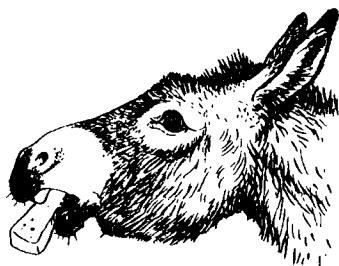
Это уязвило мисс Уэллингтон. А я еще подлила масла в огонь (Сили благополучно забрался на дерево, но опасность, которой он подвергся, совсем меня доконала), сказав, что ей следовало бы держать этих собак на поводке или не ходить гулять с ними.

С ледяным выражением (я поняла, что некоторое время она не будет со мной разговаривать) мисс Уэллингтон пристегнула поводки к их ошейникам. С ледяным выражением в следующие дни она проходила мимо, ведя их тесным строем. Вот здорово, сказал Сили, глядя на них с Шебалу из безопасного приюта на подоконнике. Но мне было грустно. Я испытывала самое теплое чувство к старенькой мисс Уэллингтон.

Через некоторое время, вновь подражая даме с собаками, она появилась, ведя собак и велосипед. С высоким седлом и корзиной, который, вероятно, простоял у нее где-то много лет. Свернув на лесную тропу, она спустила собак с поводков, села на велосипед, завертела педалями и, высоко подняв голову, покатила вверх по склону. Собаки припустили за ней, и она выглядела точь-в-точь как участница лисьей травли, но только на колесах, а не верхом.

— Она долго злиться не будет, — сказал Чарльз. — И, во всяком случае, на тропе она и собаки вряд ли кому-нибудь помешают.

Что доказывает, насколько можно ошибиться. Она сумела напугать лошадей, да еще как!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В том числе и мою. Как-то утром я с друзьями отправилась на верховую прогулку, взяв лошадей в прокатной конюшне. Мы беззаботно ехали легкой рысцой по лесной тропе, как вдруг увидели впереди фигуру на велосипеде.

Я сразу поняла, кто это. Больше никто по лесу на велосипеде не ездит. Что за удовольствие трястись по камням и рытвинам, преодолевать крутизну? Но только мисс Уэллингтон могла докопаться до факта, который нам оставался неведомым: закон предназначал лесные тропы для всадников, пешеходов... и велосипедистов.

Во всяком случае, это была мисс Уэллингтон. Вела свой велосипед в сопровождении собак. Пыль на пропеченной летней жарой тропе они поднимали почище, чем караван в Сахаре. Мы тут же перешли на шаг, но все равно ее нагнали. Лошади ступали длинными ногами мерно, как верблюды.

— Мисс Уэллингтон, здравствуйте, — сказала я, проезжая мимо, но мисс Уэллингтон будто не услышала.

Я оставила ее позади с грустным чувством, очень жалея, что мы по-прежнему не разговариваем. То есть я полагаю, что мы оставили ее позади. Внезапно я обнаружила, что мисс Уэллингтон взгромоздилась на велосипед и теперь яростно крутит педали, подпрыгивая на рытвинах и корнях. Нет, не потому, что одумалась и решила помириться, а потому, что твердо решила не дать себя обогнать.

Мы еще придержали лошадей. Ни людей, ни собак или других животных на рысях не обгоняют. Тем не менее пыль мы поднимали, и мисс Уэллингтон становилась белее с каждой секундой. И она непрерывно жала на звонок. У самых лошадиных хвостов. А тут еще залаяли собаки, и нашим лошадям при всей их выучке это не понравилось. Прижимая уши, вздергивая головы, они нервно прибавили шагу, и, естественно, облака пыли стали гуще.

— Дайте дорогу! — властно приказала мисс Уэллингтон. — Вы слышите? Вы совсем меня запылили. Будьте любезны дать мне дорогу!

Но мы не могли при всем желании. Разве что специально натренированная полицейская лошадь смогла бы послушно остановиться, не обращая внимания на эту дикую какофонию. Мы перешли на рысцу. Мисс Уэллингтон, все еще нажимая на звонок, закрутила педали быстрее. Тесной группой мы мчались по тропе, точно имитируя начало кавалерийской атаки под Омдураманом (естественно, исключая велосипед), в вихрях пыли вылетели наконец на поляну, браво проманеврировали по траве и ускакали по другой тропе, прежде чем мисс Уэллингтон разобралась в нашем маневре.

Лошади, удаляясь от велосипедного звонка и тявкающих собак, понеслись по новой тропе карьером.

— Старая дура! — сказал кто-то. — Не будь эти лошадки глухи даже к бомбам...

Не очень-то они были глухи. Пепе, мой конь, всегда начинал рысь с прыжка, а после концерта, устроенного мисс Уэллингтон, он взмыл в воздух, как Пегас. Джаспер, могучий чистокровный вороной, понес бы, если бы не ладнокровие и искусство его всадника.

— Старая дура! — сказал Чарльз, выслушав мой рассказ. — Вот-вот сядет в лужу, помани мое слово.

Так и вышло. Хотя, к счастью, с велосипеда она в нее не свалилась. Как-то утром она спустила собак с поводков в лесу, одна из них заметила кролика — большая редкость после эпидемии миксаматоза, хотя кролики опять начали размножаться. Три собаки вернулись к ней после погони, а четвертая бесследно исчезла. Я видела, как она с собаками свернула в лес, но не возвращалась она так долго, что я было подумала, не вернулась ли она домой кружным путем, как вдруг она возникла на дороге в сбившейся на ухо шляпке, крепко держа поводки трех оставшихся собак и велосипед.

И она полностью забыла, что мы не разговариваем.

— Я потеряла малютку Мейбел, — сообщила она мне со слезами в голосе. — Не знаю, что мне делать... Она такая старенькая... Что скажет миссис Уорленд?

Видимо, миссис Уорленд была хозяйкой Мейбел, а та, как подсказал мне быстрый взгляд на остальных собак, видимо, была злобным пуделем с торчащими зубами, который первым бросился на Сили. Но ведь Мейбел была чьей-то собакой и могла застрять в кроличьей норе.

Может, она отведет домой остальных собак, сказала я мисс Уэллингтон, а мы с Чарльзом поищем в лесу. Далеко идти нам не пришлось. Позвав Чарльза из плодового сада, сунув в холодильник тесто для пирога и надев сапоги, я была готова искать сколько понадобится. Но не успели мы свернуть на тропу, как навстречу нам, пыхтя, вылетел мышинового цвета клубок. Щеря торчащие зубы, отчаянно работая ногами в штанишках, как у всех пуделей, Мейбел во всю прыть мчалась домой. Она не задержалась ради нас, не остановилась даже ради нашей калитки, где обыч-

но скапливаются заблудившиеся собаки и лошади, а устремилась вверх по дороге и скрылась за калиткой мисс Уэллингтон. Видимо, ее желудок прозвонил к обеду.

Ни малейшей нашей заслуги в этом не было, но мисс Уэллингтон считала иначе. Когда бы она ни проходила мимо с собаками, Мейбел на надежно пристегнутом поводке получала распоряжение Поздороваться с Добрыми Друзьями, которые Ее Спасли. Мейбел, прекрасно зная, что это чистейшее вранье, вздергивала мышиноного цвета губу и рычала на нас. Если же поблизости оказывались наши кошки, мисс Уэллингтон, мужественно пренебрегая грозившей ей опасностью, поднимала Мейбел на уровень плеча, чтобы и она их увидела и поговорила с Милыми Кисоньками. И Мейбел не заставляла просить себя дважды. После чего Сили, вовремя схваченный, проводил следующие полчаса в доме, порывивая на верх двери. А то, как мисс Уэллингтон умудрялась опустить Мейбел на землю, не лишившись при этом носа, только подтверждало любимое присловие старика Адамса: «Дурака Бог бережет».

Как бы то ни было, она снова с нами разговаривала, так что худа без добра не бывает. А вскоре она решила больше не гулять с чужими собаками. Слишком уж большая ответственность, сказала она. И ведь после прогулки она впускала собак к себе на кухню, и зимой они все там так пачкали! Так что кризис миновал и все вернулось на круги своя. Только дама с собаками продолжала прогуливать всю свою свору разом, но они у нее были дисциплинированны, как псы самой Дианы-охотницы. Мисс Уэллингтон опять занялась всякими добрыми делами в деревне, а наши кошки — нам даже не верилось — все еще вели себя безупречно...

Время, пока Сили был котенком, кануло в Лету. Тогда ему не с кем было играть, и он все время отправлялся в одинокие экспедиции. Например, в те дни, когда мы трепетали при мысли о лисьих норах. Мы взяли его с собой, когда пошли осмотреть деревья на верхнем склоне наше-

го леса, заслонявшие солнце от коттеджа по вечерам. Могучие тополя, которые, по словам Чарльза, не только застили солнце, но и угрожали существованию его фруктовых деревьев. Окапывая яблоню в добрых двадцати ярдах от них, он наткнулся на тополиные корни, оплетавшие яблоневого. Ведь он поливал и удобрял землю в своем саду, вот они и пробрались туда. С одной стороны, это же просто чудо, что корни способны сами искать воду и питательные вещества... продвигаясь под землей, точно кроны, покрыв двадцать ярдов чтобы добраться до цели... Но, с другой стороны, они обездоливали яблони, а потому тополя следовало срубить.

Так мы стояли, обсуждая, каким образом сделать это, чтобы они не рухнули на яблони, а Сили, все еще толстый котенок, разгуливал рядом, и вдруг (решив, что мы достаточно поглощены разговором) метнулся через нашу пограничную тропку и скрылся в соседском лесу. Совершенно запущенном. Непроходимый подлесок из кустов терна и низкого папоротника, и Сили исчез там, словно в джунглях.

Я сразу же упала на четвереньки и кинулась следом за ним в ужасе, что такая кроха бродит в одиночестве в краю лисиц. А когда, вся исцарапанная и в нитках, выдернутых из свитера, я его обнаружила, мой ужас при мысли о лисицах удесят�ерился. Сили, такой маленький, такой беспомощный на вид, особенно дорогой мне в эту грозную минуту, стоял внутри входа в лисью нору. В огромной темной зияющей дыре в склоне, которая, судя по еще свежей земле вокруг, была, несомненно, обитаемой и, возможно, выкопанной совсем недавно. И прямо у меня на глазах он скрылся в ней... а едва я закричала, зовя Чарльза, он выпрыгнул из нее. Но ко мне не подошел. Этот участок леса просто изобиловал лисьими норами. А Сили кружил по нему почти на расстоянии вытянутой руки, но только почти! А затем, словно дразнясь, нырнул в другую.

Зная его любопытство, я страшилась, что он отправится исследовать один из ходов. А где-то в конце таится ли-

са. Возможно, самка с лисятами. Если Сили с ней встретится, ему конец. И вот так, боясь сделать шаг вперед, чтобы он не забрался глубже, я умоляюще звала его, а он каждые несколько секунд выскакивал из очередной норы, вопил мне: Вот же Он, а игра — Лучше не Придумать, верно? И нырял в следующую.

На этот раз нам удалось избежать трагедии, потому что Чарльз, тоже на четвереньках, пробрался сквозь чашобу и притаился за норой, куда скрылся наш неслух. Я с расстояния позвала: «Сили-уили-уили», он снова выскочил подразнить меня и был молниеносно схвачен, прежде чем успел обнаружить присутствие Чарльза.

Пробираться с ним между тернами мы не могли. Он протестовал, свисая у меня со спины, я крепко сжимала его ноги, Чарльз, насколько получалось, раздвигал перед мной ветки, и таким манером мы перебрались с ним через забор на вершине, прошли через луг к воротам и вернулись домой по дороге.

Мы Его Подло Обманули! — вопил Сили, делясь своим негодованием со всей Долиной. Он Сейчас же Туда Вернется! — орал он и начал вырываться как бешеный, когда мы поравнялись с местом, откуда он отправился в лес. Да, вернется, как только Сможет, пообещал он мне, пока, не ослабляя железной хватки, как он ни извивался, я несла его назад в коттедж.

Вот почему я была так довольна, когда мы его выпустили на следующее утро, а он не бросился стремглав в чашобу к лисьим норам, а с невинным видом пошел вразвалочку по лесной тропе. После завтрака я на всякий случай вышла и позвала его. Он возник словно по волшебству, и я не успела заметить, откуда именно. Мне показалось странным, что ноги у него остались сухими, хотя трава была вся в росе, но я тут же об этом забыла. Если анализировать все, что преподносят сиамские кошки, недолго и свихнуться. Главное, он оказался примерно там, где мы его оставили, и, против обыкновения, не отправился странствовать...

Так я решила. Когда днем я, отправив несколько писем, возвращалась с почты, владелица самого импозантного дома в округе (испано-кубистский стиль, и в самой верхней точке деревни) осведомилась, пришел ли он домой. Он навестил ее утром, объяснила она. Сидел у входа в патио, будто жил тут. Однако едва она протянула к нему руку, как он встал и удалился. По дороге через деревню — вот почему ноги у него остались сухими.

Она понять не могла, почему он навестил ее, сказала она. Зато я могла. Ее дом был гораздо внушительнее нашего, и Сили явно нравилось делать вид, будто он обитает там. Точно так же Соломон много лет назад облюбовал новый дом дальше по дороге. Более того, вопреки всем мерам предосторожности, на следующее утро Сили снова пропал. Это, сказал Чарльз, когда мы без толку доползли до лисьих нор и тщетно заглядывали через стенку, окружающую испанское патио, это уже чересчур. Какой дом, во имя всего святого, этот чертов кот примеривает на себя сегодня?

Оказалось, что Сэма и Дины ниже по дороге. Когда я его отыскала, он сидел там в патио, прикидывая, как он сошлется на таком фоне.

С таким прошлым было просто чудом всякий раз находить его в саду с Шебалу. Даже Аннабель была заинтригована. Она часами следила за ними со своего пастбища на склоне за коттеджем. Губы вытянуты, уши наклонены точно в их сторону, большой белый нос, смахивающий на дверной молоток, придает ей прямо-таки совиною солидность.

А затем в свою очередь Аннабель заинтриговала меня. Сили и Шебалу обосновались на широкой рабатке под самым склоном — Сили разглядывал что-то под дельфиниумом, а Шебалу важно наблюдала, сидя рядом с ним. За рабаткой поднималась высокая каменная стенка, через которую Аннабель обычно заглянуть не может — опорная стена, удерживающая склон, часть которого была срезана, чтобы разбить сад. Однако в этот момент Аннабель

смотрела через нее, высоко поднимая голову, точно гунтер шестнадцати ладоней в холке. Я было решила, что грежу, но потом обнаружила, что передние ноги она поставила на муравейник.

Большая находчивость, сказал Чарльз. Кто придумал, будто ослы — безмозглые создания? И ведь сама сообразила, подхватила я. Одно казалось несомненным — мы всегда сможем устроить ее артисткой в цирк.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Все шло словно бы гладко. Конечно, от мелких тревог мы избавлены не были. Иногда сдвоенных, как, например, в тот раз, когда Чарльз вернулся из сада и сказал, что у пионов какая-то тварь выкопала нору, сдается ему, что лиса... а на закуску добавил, что Сили в оранжерее взобрался на Шебалу, так мне кажется, это ничего?

Разобраться и с тем и с другим было просто. Яма, сказала я, моя работа: вечером, когда стемнело, я не нашла торфа, ну и накопила земли для ящиков. А если Сили взобрался на Шебалу, значит, пора ее оперировать. Тем более, сказала я, когда Чарльз сказал, что ей как будто это нравится. Надо сегодня же позвонить ветеринару.

Или тревог ночью, когда мы услышали, лежа в кровати, что Сили ворчит, а затем раздалось таинственное дребезжание. Чарльз, всегда готовый изгнать взломщика, мгновенно вскочил и схватил трость. Но я осталась лежать. По моему мнению, Сили просто разговаривал сам

с собой, как прежде Соломон, а разбуженная Шебалу гоняет свою миску, давая выход досаде. Нет, лучше пойти проверить, сказал Чарльз. Он хочет, чтобы они кинулись наверх и забрались под кровать? Не давали бы нам спать всю ночь?

Поскольку не пустила его я, то исключительно по моей вине мы час за часом, вместо того чтобы спать, убеждали друг друга, что это действительно звякает миска, а не взломщик копается в замке. И только утром мы обнаружили причину всех тревог. Кошки спали на кушетке в гостиной на пледе, под который подкладывалась грелка, а второй плед укладывался валиком, чтобы оберегать их от сквозняков. Я устраивала их постель, Чарльз наливал грелку и бросал ее на кушетку, а я подкладывала ее под плед. То есть обычно. Но накануне меня что-то отвлекло, и грелка всю ночь лежала на их постели. Такая горячая, что на нее не ляжешь, занимая место, которое предназначалось для них... Потому-то Сили ворчал, а Шебалу громыхала миской. Она гоняла ее по всей длине гостиной, потом придвинула к двери в прихожую, откуда до нас было ближе всего, и принялась греметь ею там. То ли чтобы привлечь наше внимание, то ли из чистого злоехидства: раз уж ей не придется уснуть, так уже она позаботится, чтобы и мы глаз не сомкнули.

Глядя, какая она маленькая, беленькая, женственная, трудно было подумать, что она способна лелеять подобные замыслы. Во всех, включая Сили, она вызывала желание ограждать ее от опасностей жестокого мира и казалась такой эфирной, что одно сердитое слово — и она вознесется в сонм ангелов. На самом же деле она оставляла Сили далеко за флагом, когда требовалось подумать. Потому что она появилась на свет в городской обстановке, объяснял Чарльз. Сили, сказал он, ближе к сельскому джентльмену.

Что до эфирности... ни один котенок не попадал в столько передрыг и тут же бодро начинал все сначала, как она. У нее была привычка выскакивать из засады и нес-

тись галопом рядом с нашими ступнями. Об нее спотыкались, на нее наступали, а порой она даже получала пинка. А, Пустяки! — заверяла она нас, вскакивая на ноги и устремляясь вперед. И через секунду-другую с неумолимостью Рока все повторялось.

Иногда мы гадали, не этим ли объясняется ее косоглазие. Сотрясение мозга на второй-третьей неделе, сказал Чарльз подобающе скорбным голосом. Естественно, первопричиной это не было. Косые глаза — наследственная особенность многих сиамских кошек. Но бесспорно, она после столкновения с нашими ногами или другими предметами косила заметно больше. Иногда мы серьезно тревожились.

Однако постепенно мы убедились, что это сопутствует любому стрессу. Она косила, когда сердилась, косила, когда сосредоточивалась на чем-то, косила, когда хотела, чтобы мы достали из ящика ее моток с колокольчиком... Сили всегда смотрел на нас удивительно прямым взглядом, но стоило Шебалу задуматься, и с ней не потягалась бы никакая китайская красавица.

Но как она ни косила, мы уже нежно ее любили, и, когда настал день ее стерилизации, дом словно окутался мраком. Страдала Шебалу, не получив завтрака, страдал Сили, которому пришлось пойти в сад без нее, страдали мы, так как знали, что ей предстоит. Однако сделать операцию было необходимо. Нужна она была нам не ради котят, а как подруга Сили. А стоит сиамским кошкам войти в охоту, то выбор невелик: либо случить их, либо терпеть их безумства, либо стерилизация. Однако, как не обычна эта операция, всегда есть риск, а сиамы особенно чувствительны к анестезии. Много лет назад наша первая кошка Саджи не выдержала операции.

Мрак окутывал коттедж все утро.

— Позвоните в три, — сказал ветеринар, когда мы оставили ее в операционной. — К этому времени она должна очнуться, и мы скажем, когда ее можно будет забрать.

В час мы перекусили. Кофе, сухарики и сыр. Да и их проглотили с трудом. В два часа, изнывая от ожидания, мы сверили часы. Нет, они вроде бы не остановились. Но Чарльз на всякий случай проверил свои еще раз. Ровно в три...

— Звони ты, — сказала я Чарльзу. У меня подгибались ноги, и до телефона я бы не дошла.

С ней все в порядке, сказал ветеринар. Конечно, еще не совсем пришла в себя после наркоза. Можем забрать ее в шесть часов.

— Как есть хочется! — воскликнула я, когда Чарльз сообщил мне все это, а он сказал, что умирает с голода.

Теперь к ветеринару мы мчались совсем в ином настроении, шурша между живыми изгородями, отливавшими красной медью. Ведь наступила осень, и листья начинали опадать. Солнце, опускающееся к дальней границе луга, дымок, лениво вьющийся над трубой коттеджа, — какая была в них прелесть! Все вокруг дышало миром и спокойствием, и они же царили в душе у нас теперь, когда мы знали, что с нашей девочкой все хорошо.

И она, когда мы ее увидели, выглядела даже лучше, чем мы надеялись. Сидела в корзине и смотрела на нас безмятежными миндалевидными глазами. Все прошло прекрасно, сказал мистер Хорлер. Но все-таки посоветовал нам оставить ее в корзине на ночь. Не следует ее выпускать, как бы она ни просила. Впрочем, вряд ли ей захочется выйти, она же еще очень слаба...

И мы остороженько отвезли ее домой, поставили корзину у огня, впустили в гостиную Сили в роли посетителя послеоперационной палаты. А он вместо того, чтобы опасливо ее обнюхать — мы не сомневались, что запахи наркоза и антисептических средств его насторожат, — тут же просунул большую черную лапу между прутьями и дал ей пару хороших тычков. Мы кинулись оттащить его, а из корзины высунулась во всю длину голубая лапка, чтобы отплатить ему тем же. Ну Так Вылезай же, нежно мрр-мрр-мыкнул Сили, маняще опрокидываясь на спину. Да Если

бы она Могла, уоуоукнула его голубая подружка, тоже опрокидываясь на спину.

Нет, мы думали позвонить Хорлеру. Он, зная нас и нашу способность создавать критические ситуации, скорее всего сидел дома в ожидании нашего звонка. Но вдруг он сказал бы, что выпускать ее из корзины никак нельзя? Тогда она наверняка сорвала бы все свои швы.

— Выпускаем! — решил Чарльз. — Если придется позвонить ему позже, так позвоним.

И мы открыли дверцу корзины. Она, пошатываясь, вышла наружу и — видимо, она только этого и хотела — весь вечер пролежала у огня в царственной позе, словно ее библейская тезка (конечно, без добавочного «Лу»).

Мы разговаривали с ней. Сили ее умыл. Он никак не мог понять, куда она делась, озабоченно промрр-мррмыкал он. И неизвестно, сколько дней пройдет, прежде чем она будет пахнуть как полагается. Блики огня ложились на ее шерсть, а когда мы смотрели на нее, она удовлетворенно скашивала глаза. Приятно вернуться домой, сказала она.

Все было прекрасно, пока не пришло время ложиться спать. А тогда, решив, что ей будет лучше спать одной — как-никак официально ей полагалось находиться в корзине, — мы устроили ей постель на каминном коврике, рядом поставили воду и ящик с землей, подхватили на руки Сили, который просто не мог поверить своей удаче, и направились к двери. Шебалу тут же встала и, шатаясь, побрела за нами. Без единого звука, но с решимостью, от которой сердце шемило, преодолеть долгий тяжкий путь через всю длину комнаты. Мы уже подстраивали такое: в Первый ее Вечер Здесь, упрекнула она Чарльза, когда он бросился подхватить ее на руки. Почему мы ее бросаем? Мы ее не любим? В чем она провинилась, что мы хотим оставить ее здесь совсем одну?

Взять ее к себе в таком состоянии мы не могли. А что, если ей вздумается спрыгнуть с кровати? А потому нам пришлось оставить с ней Сили служить ей утешением.

Ночью мы дважды спускались удостовериться, не вздумал ли он утешать ее, затеяв борцовский поединок или брыкая ее в живот. Именно так Чарльз истолковывал царившую внизу тишину. Но оба раза они лежали у огня: спинкой она прижималась к его животу, головой — к его шее, и к нам оборачивались две мордочки, точно два покрытых шерстью ангельских лица. Сили зажмурил глаза, обнаружив нас. Он же о ней заботится, сказал он. Утром она будет как новенькая.

И он не ошибся. Она встала к завтраку и принялась за еду с волчьим аппетитом. И только мы решили, что можем передохнуть, как обнаружили, что крыша протекла. По вине скворцов, которые несколько лет назад сменили галок, обитавших в трубе камина свободной комнаты. Труба бездействовала — камин под ней заложили давным-давно. А мы чувствовали себя польщенными, оказывая гостеприимство галкам. Эта парочка вывела в трубе не одно поколение птенцов и, несомненно, считала нас друзьями. Когда же в одну прекрасную весну их сменили скворцы, я испытала разочарование. Когда я в детстве жила в городе, скворцы мелькали повсюду, а вот галки были редкостью. И в Долине наша пара была единственной. Куда они подевались, мы так и не узнали. Возможно, нашли трубу, которая показалась им солиднее, сказал Чарльз. Ну, как Сили влекут чужие патио. Как бы то ни было, на их место водворилась пара скворцов, больших собственников, и мало-помалу вокруг них образовалась преуспевающая колония, так как птенцы, вырастая, не покидали родительских владений и просто заселяли нашу крышу, когда в трубе стало тесновато.

Все это сильно напоминало полотно Брейгеля, изображающее деревню, только со скворцами вместо людей. Птицы вылетают из трубы (исходная пара предположительно все еще жила в скворечьей штаб-квартире); птицы выпархивают из-под скатов крыши; а некоторые так и из желобов. Эти последние появлялись из таких маленьких отверстий, что протискивались в них на животе. Просто

страх брал смотреть, как они напрягаются и цепляются лапками, а в дни витья гнезд, когда они носили туда строительные материалы, у них, наверное, никаких сил не оставалось. То одна птица, то другая роняла свой груз прутьев, пытаясь пропихнуть их в отверстие, и постоянно из желоба на нас посматривал кто-то со взъерошенными перьями, только что выбравшийся наружу и, судя по наклону его головы, возмущенный тем, что мы не обеспечили отверстий пошире.

Судя по стуку, не умолкавшему под крышей, жильцы с запросами занимались улучшением своих жилищных условий, и я только диву давалась, почему они сами не расширяют входные отверстия. Это, сказал Чарльз, показывает, насколько они сообразительны. Они ведь знают, что у нас водятся кошки, а потому нарочно довольствуются маленькими отверстиями. Они не хотят, чтобы сиамские кошки добирались до них сквозь желоба.

А ведь тогда им нечего было тревожиться. Тогда еще была жива Шеба, и, хотя в дни юности ей ничего не стоило взобраться на крышу (сколько раз она вскарабкалась туда с задней стороны, распушив хвост, шествовала к трубе и начинала тереться об ее угол), теперь она состарилась, и дни альпинизма миновали. Ну а Сили с его-то отношением к высотам помышлял забраться на нашу крышу не больше, чем на стозэтажный небоскреб. Иногда, проходя под желобом, он поглядывал вверх, и кто-нибудь пялил на него глаза-бусины и спешил обругать. А один раз (мы спрашивали себя, не нарочно ли?!) на него уронили прутьи, вместо того чтобы вить из них гнездо. А Сили сделал вид, будто ничего не произошло. Вроде бы дождь пошел, сказал он.

Чарльз сказал, что скворцы ему нравятся. Отдаю ли я себе отчет в том, спросил он, что они принадлежат к наиболее умным птицам в мире? Что они одни из немногих птиц обладают двумя полушариями мозга — особенностью, которую делят с человеком? Что в отличие от подавляющего большинства мелких птиц они ходят, а не

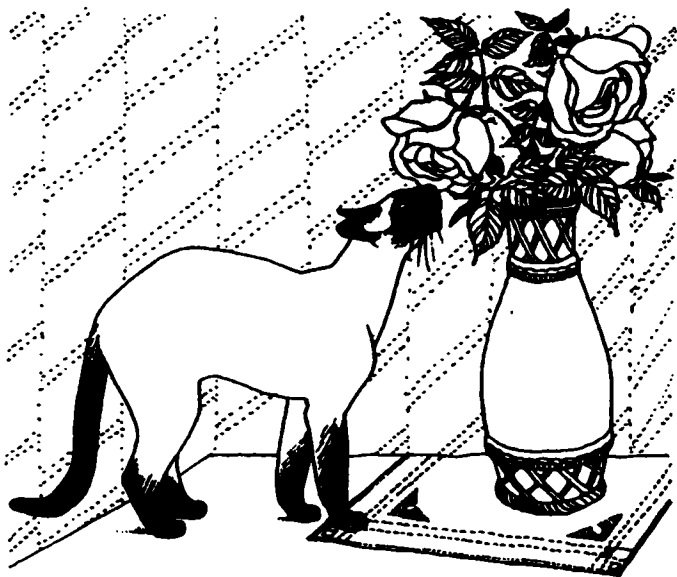
прыгают? Нам представляется чудесная возможность, если только мы ею воспользуемся, изучать их с близкого расстояния.

Да уж! Они будили меня по утрам, демонстрируя свою способность ходить на чердаке над нашей спальней. Одного из них, видимо, снедало честолюбие: он часами семенил взад-вперед, взад-вперед. А тот, который вздумал расширить свое жилище, тоже усердствовал — стучал, стучал, стучал, совсем как человек с молотком.

Вероятно, выклевывал куски старой штукатурки, чтобы сделать углубление для гнезда, сказал Чарльз. Там ее еще, наверное, много осталось. Он не мог понять, почему я волнуюсь. Ведь обрушить крышу они никак не могут.

Зато следующая по трудности задача оказалась им вполне по силам. Получив полную свободу действий, поскольку поселились под кровлей любителя птиц, перестраивая то да се по своему усмотрению, они в конце концов пробили себе вход у основания трубы, о чем мы узнали, только когда зарядил дождь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вообще-то самым простым способом, выковыряв две черепицы. При обычных обстоятельствах мы, конечно, сразу бы заметили пятно сырости на потолке, вернули бы черепицы на место, чем все и закончилось бы. Да только дождь не просто пошел, он хлынул так, будто разверзлись хляби небесные. Проснувшись утром, мы обнаружили, что ручей вышел из берегов и по дороге несся бурный поток, грозя смыть ее покрытие.

Мы так захлопотались с этим, стоя по колена в ледяной воде, прочищая дренажные трубы, убирая завалы из канав, чтобы вернуть ручей в его законное русло, что прошло несколько часов, прежде чем я (все еще не позавтракав) поднялась в спальню переодеться во что-нибудь сухое, услышала плеск в свободной комнате и обнаружила, что дождь ворвался в дом.

С потолка текло, вода сползала по шнуру люстры и капала на сиденье кресла. Чарльза вовсе не обрадовала не-

обходимость лезть на крышу, все ещё не позавтракав, и укладывать черепицы на место. Тем более что пока он сидел верхом на коньке, одной рукой обнимая трубу в уповании, что она не обрушится, мимо прошла мисс Уэллингтон и крикнула ему:

— С крышей что-то случилось?

— Нет, — донесся до меня ответ Чарльза. — Любуюсь видом.

Он совершил большую глупость, как я не замедлила ему сказать, когда он слез с крыши. Ведь мисс Уэллингтон ему, конечно, поверила и поспешит сообщить об этом всей деревне.

Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается, как устало сказала я некоторое время спустя. Мы только что поели, и я затопила камин, а в прихожей зажгла керогаз, чтобы и там все подсушить. Чарльз сказал, что пока лучше электричеством не пользоваться, ведь проводка могла отсыреть и произошло бы короткое замыкание. Вот мы и сидели — Чарльз в своем кресле, я на каминном коврикe, прислоняя голову к кушетке. Сили устроился у меня на коленях, Шебалу прижималась к моим ногам, и все мы блаженно расслабились.

Разумеется, мы заснули. После трудов в ручье и на крыше тепло от огня убаюкивало. Потом я открыла глаза и подумала: «Странно! Камин дымит. Но ведь ветра почти нет». Ничего, сейчас перестанет, решила я и закрыла глаза снова. Помочь я ничем не могла, а все тело у меня ныло от усталости.

Попозже я снова открыла глаза. Комнату словно затягивал сизый туман. Я с трудом различила шкаф по ту сторону комнаты, а Шебалу у моей ноги, всегда такая белоснежная, выглядела совсем серой. Она тоже приподняла голову и недоуменно нюхала воздух. Видимо, пока мы спали, камин дымил, как нефтеналивной танкер. «Нефтеналивной танкер!» — подумала я и в ужасе вскочила, наконец сообразив, в чем дело.

Я не проверяла прихожую после того, как зажгла керогаз, и он коптил почти два часа. Прихожая и лестница полностью закоптились, паутина свисала черными кружевами, гостиную покрывала сажа, как и спальни наверху. Шебалу оставалась серой еще много дней, как мы ни чистили щеткой ее шерсть. Как здорово, что на нем ничего не видно, заметил Сили, с интересом наблюдая за этой процедурой.

Зато на всем остальном копоть была очень даже заметна. На коврах, занавесках, покрывалах. Я же смахивала на актера, загримированного под Отелло. Естественно, со временем я все отчистила, но, как обычно, никакого урока из случившегося не извлекла. Произошло это почти сразу после операции Шебалу, и как-то утром мне позвонила приятельница узнать, как она там.

— Прекрасно, — отрапортовала я радостно. После чего мы обсудили грозовые ливни, и я поведала ей историю сажепада, и обе мы булькали от смеха, как водопроводные трубы. Она сказала, что вот и у нее был точно такой же случай, и теперь мы посмеялись над ее злоключениями.

— Ну, слава Богу, теперь все хорошо, — сказала я на прощание и положила трубку, чтобы снова заняться приготовлением завтрака.

Я не раз повторяла, что из уроков никакой пользы не извлекаю. Помнится, после болезни Соломона кто-то позвонил и справился, как он поживает. «Теперь прекрасно», — ответила я вот так же радостно и, положив трубку, вошла в гостиную как раз вовремя, чтобы увидеть, как Соломон приветственно задрал хвост возле самого электрокамина. К счастью, на камине была предохранительная решетка, но через пять секунд после того, как я сказала, что все хорошо, по комнате разливался смрад паленой шерсти, а хвост Соломона приобрел тигриные полосы, которые исчезли только через несколько месяцев.

И вот теперь, когда я опять прошла через ту же дверь, меня вновь обдало запахом гари — в кухне на сковородке, так и стоявшей на огне все это время, чернели обугленные остатки яичницы из двух яиц, а вокруг стоял густой чад. И это на кухне, которая единственная оставалась чистой, когда неделю назад керогаз прокоптил весь дом.

Я выключила горелку, открыла заднюю дверь, чтобы выпустить дым, — и тотчас в ней, будто ошарашенный джинн, возник Чарльз и объявил, что Шебалу избавилась от швов. Не от всех, как я убедилась, кинувшись к ней. Она сняла крайние, но средний все еще стягивал разрез. Пока мы ее осматривали на кухонном столе, она выглядела чрезвычайно довольной собой. Мы решили, что раз до официального снятия швов осталось всего два дня, то с ней ничего не должно случиться, если мы будем оберегать ее от волнений и не давать ей лазить по деревьям.

Мы строго-настрого ее предупредили, опустили на пол... и Шебалу стрелой вылетела в открытую дверь вместе с дымом, взбежала по склону холма и, без сомнения, наслаждаясь тем, что швы уже не стесняют ее движений, тут же забралась на сосну. Ближе к вечеру она свалилась с роля. Но удача была на нашей стороне — оставшийся шов выдержал.

Так был преодолен еще один барьер, и мы предвкушали период тихой домашней жизни — мы вернулись после отдыха, Шебалу благополучно стерилизована, в саду пока практически нечего делать, а впереди уютные зимние вечера у камина с соседями и друзьями. Летом у нас просто не хватало времени для гостей, и как приятно будет вновь приглашать их!

С двумя кошками и Чарльзом, когда надо готовиться к приему? Хм-хм! Помню день, когда должны были приехать гости, и я достала пылесос для наведения окончательного глянца, а в его вилке не оказалось одного стержня. Так вот что это была за длинная медная штучка, кото-

рую я накануне утром подобрала на лестничной площадке! Но куда же я ее положила? На полку в спальне? Я даже ясно увидела, как кладу ее туда. Но ее там не оказалось. Ну да, конечно! На шкафчик в свободной комнате! Но когда я пошла за ней туда, то и там она не лежала. Ни на серванте в гостиной, ни на комодке в прихожей. А потому, имея в запасе час, я принялась ползать по полу с ручным пылесосом. В сопровождении двух изнывающих от любопытства кошек, которые держали носы низко-низко, точно ищейки.

Что я ищу? Мышь, которую он потерял? — спросил Сили. До чего же интересно, сказала Шебалу с увлечением. Неужели же я не помню, что я сделала со стержнем? Это сказал Чарльз. При порядках в этом доме, сказала я, нет и нет. Еще чудо, что иной раз я хотя бы знаю, где нахожусь сама!

В конце концов я все-таки кончила уборку гостиной, ужин был приготовлен, блюда расставлены на шкафах и в холодильнике... Когда в доме два Шерлока Холмса, лучше не рисковать. И во время ужина не забыть выставить их в прихожую, подумала я. Меньше всего нам нужно повторение того, что произошло в прошлый раз, когда у нас были гости.

Тогда Сили добровольно уединился в прихожей, следя за существами, которые мелькали в лунном свете на дорожке, и мы позволили Шебалу остаться с нами, пока мы пили кофе с легкими закусками. Явно гордая оказанной ей честью, она тихо сидела перед огнем, подобрав под себя лапки с видом Совсем Взрослой Кошки, размышляющей о важных вещах.

То есть пока мы не поставили столик над ней.

— Пожалуйста, не тревожьте ее, — попросили наши гости. — Такая милочка... Нам она нисколько не мешает.

Несколько минут спустя милочку застучали за кражей масла. Стояла на задних лапках, а на носу у нее красовался его комочек.

— Право, не надо! — рыцарственно запротестовали наши друзья, когда я взяла масленку, чтобы сменить масло, но не оставлять же кусок весь в узорах, нанесенных зубами котенка!

Значит, не забыть... Ванную я довела до блеска, фаянс сияет чистотой, на полу ни пятнышка, на вешалке чистые полотенца... И естественно, тут же возник Чарльз, будто я открыла сюрпризную коробочку. Он все закончил в саду и теперь готов принять ванну.

Ни в коем случае, заявила я. Ведь Аллинсоны будут здесь через полчаса. Ну и он без спора просто умылся, и мне надо было всего лишь отмыть раковину, сменить полотенца, подобрать комья земли, упавшие с его сапог, заново отдраить пол, и все было прекрасно. Вот только когда я вешала чистые полотенца, в ванную влетели кошки, устроив гонки под лозунгом «К нам едут гости!». Сили без передышки вскарабкался на меня, и я уронила полотенце в унитаз.

Ладно, подумала я, доставая новые полотенца и не желая сдаваться, самое время заняться керосином для керогаса в прихожей. Теперь он работал безупречно, а вечер выдался очень прохладный. Но сходить за керосином в гараж надо самой. Чарльз переодевается, и его не следует отвлекать.

Ну, я и пошла. В гараж я заглядываю редко — представления Чарльза о том, куда и как следует размещать хранимое там, приводят меня в отчаяние. И на этот раз я вернулась даже в еще большем отчаянии, чем обычно, хотя умудрилась отыскать керосин.

— Это там что, ловушки для грабителей? — сказала я.

— Какие еще ловушки? — спросил Чарльз, которому гараж рисуется эдаким гибридом операционной и машинного отделения океанского лайнера.

— Да кирпич прямо против боковой двери, — сказала я. — Так что входящий наступает на него и чуть не вывихивает лодыжку.

— Этим кирпичом, — с достоинством объяснил Чарльз, — подпирается дверь, когда нужно держать ее открытой.

— А доски, сложенные за кирпичом, через которые надо перелезть, словно через баррикаду, чтобы попасть внутрь?

Они, объяснил Чарльз, предназначены для строительства новой конюшни Аннабелли. Привезены готовыми со склада, чтобы были под рукой, когда они ему понадобятся.

— А ручка от метлы, на которую наступаешь, перебравшись через доски?

Она, с праведным упреком в голосе заявил Чарльз, приготовлена, чтобы унести ее и сжечь. Он производит уборку в гараже. Ведь я вечно жалуясь на беспорядок там.

Онемев, я наполнила керогаз, сняла чехольчики, которые мы обычно надеваем на ручки кресел, чтобы предохранить их от кошачьих когтей, поставила на сервировочный столик... нет, не блюда с угощением — они по-прежнему оставались на шкафах, — но чайную посуду, ножи, вилки, ложки и кувшинчик для сливок из граненого стекла. И тут (так я и знала!) вновь появились кошки.

Только посмотрите, что Она нашла, сказала Шебалу. Симпатичные желтенькие ручки кресел, которые еще не пробовали когтей. Только посмотрите, что нашел Он, донесся знакомый голос из коридора. С сервировочного столика убрали все книги, и можно скакать по его полкам... будем цирковыми кошками!

Ну и конечно, еще одни гонки. Через ручки кресел, сквозь сервировочный столик, а заодно через посуду. Но, к счастью, ничего не разбилось. Собрав их в единый большой блюпойнтский и силпойнтский клубок, я заперла их в прихожей. И тут же Чарльз отправился наверх и выпустил их.

Вот что, сказала я, хватая Шебалу и снова утаскивая ее в прихожую и водворяя на комод. Я занята. Неужели она не может вести себя прилично? Или она хочет угодить в приют для плохих кошек?

Как? Она? — спросила Шебалу, кокетливо почесываясь о вазу с цветами. Чашки опрокинул Сили! А она — Хорошая Девочка, она Паинька, добавила она и вновь почесалась о вазу для счастья.

Оставалось только пожалеть, что ей вздумалось продемонстрировать свою непричастность ни к чему дурному возле моего букета. Он отнял у меня целую вечность, настолько я не способна к подобным вещам. Несколько буковых веточек с листьями, оставшиеся после приготовлений к благотворительному базару, несколько огромных экзотических бумажных маков... два-три стебля ворсянки с шишками и несколько засушенных ахилей... И выглядел он очень неплохо, пусть это говорю я сама... пока Шебалу, усердно демонстрируя, какая она хорошая девочка, не обошла вазу, так что задранный хвост нежно поглаживал стебли — и весь букет, очень легкий, развернулся следом за ней на сто восемьдесят градусов.

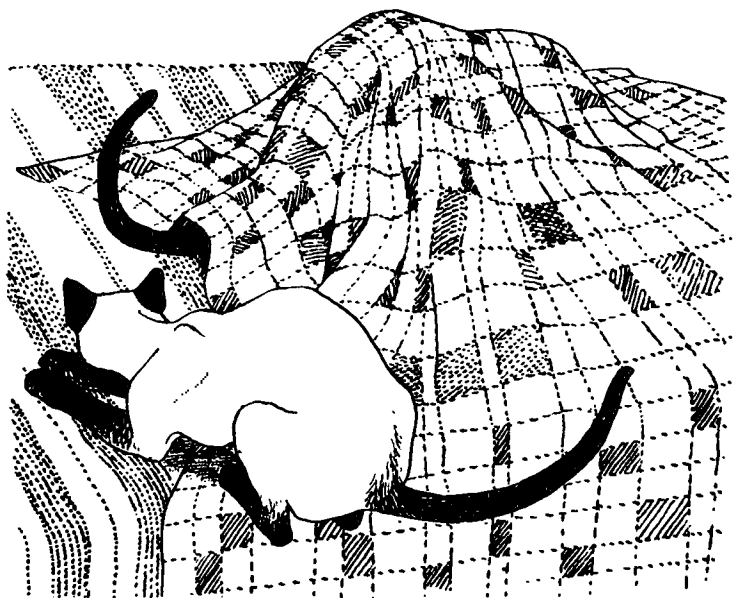
Но и это был еще не конец. Быстро подправив букет — хотя, конечно, он выглядел уже далеко не так, как прежде, — я успела к сроку, приехали наши друзья, кошки были закрыты в прихожей, пока мы ужинали, как и полагалось по плану.

Нет, через некоторое время я услышала глухой удар, но, поскольку тут же раздался топоток, я решила, что ничего страшного не случилось. Может быть, Шебалу опять слетела с рояля. Или Сили Отрабатывал прыжки с кровати.

На самом же деле Шебалу окончательно расправилась с моим букетом. После ужина наша гостья вышла за своей сумочкой, а вернувшись, сказала, что на полу в прихожей что-то валяется. Я пошла посмотреть. Обрывки листьев и опрокинутая ваза. А букет упал за комод... Или его туда столкнули?

Но как это могло случиться? — невинно сказала Шибалу, спускаясь по лестнице, пока мы смотрели на следы погрома. Искусственные цветы такие легкие, в этом вся беда. Затем она в сопровождении Сили вошла в гостиную. Тут ведь все их заждались, сказали они.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

И все-таки именно этого мы и хотели. Настояния Сили, чтобы завтрак ему подавали в оранжерею, хотя лето уже кончилось... возня Шебалу с мочалкой для мытья посуды, и с ежиком для чистки кастрюль, и (ее последнее увлечение) с яичными скорлупками, которые она умыкала, прежде чем я успевала выкинуть их в мусорное ведро, а затем расхаживала, сжимая их в зубах — Зловещая Белая Кошка Джунглей с добычей в пасти, — после чего, решив, что мы перестаем ею любоваться, брезгливо заталкивала их под кресло в доказательство, какая она женственная и аккуратная... вот ради этих проявлений индивидуальности мы и обзавелись сиаемскими кошками. Правда, иногда нам хотелось, чтобы индивидуальность эта была не столь уж яркой... Вот, например, держа миску высоко, словно официант — бутылку марочного вина, я на каждом шагу во весь голос провозглашаю «завтрак для Сили», ибо это входило в ритуал, иначе он не пошел

бы впереди меня, вопя во всю мочь, что это его, его Завтрак; и вот маленькая процессия из крупного сиамского кота и меня огибает угол по пути к оранжерее навстречу бешеному ветру или ливню, а на дороге кто-то сидит в машине и смотрит... Какая неловкость меня охватывала! Как и в тот момент, когда наши гости отодвигали кресла, вставая, и — как тщательно я там ни подметала — обязательно открывалась сиротливая яичная скорлупка.

Зато выпадали минуты, когда они выражали свою любовь к нам. Чарльз читает, Шебалу примостилась у него на плече, притворяется, будто читает вместе с ним, а глаза у нее до невозможности скошены от полного блаженства.

Или Сили отыскивает меня в припадке нежности (одно из проявлений его индивидуальности), вскакивает на спинку кресла или на стол, чтобы оказаться повыше, встает на задние лапы, а передние кладет мне на плечи. Потом замуривает глаза и принимается тереться головой о мое лицо — мягонько-мягонько вниз по одной щеке, потом по другой. И так — то по одной щеке, то по другой, — и так, меняя щеки, долго-долго. Генерал де Силь, окрестил его Чарльз. И правда, это походило на церемониальный поцелуй.

И они были так привязаны друг к другу! Разговаривали, звали, когда оказывались в разных местах, лежали рядышком у камина, переплетя вытянутые лапы. Впрочем, теперь Сили иногда спал и в доме под пледом — что прежде случалось только в вольере. Может быть, он готовится к холодной зиме, гадали мы. Или хочет немножко отдохнуть от Шебалу, которая, если не спит сама, никогда не оставляет его в покое.

Он делал вид, будто его сердят ее приставания — прижимал уши, прыгал на нее, яростно отвечал укусом на укус. Просто немыслимо, Что Себе Позволяют Дети, жаловался он удрученно. И тут же ушел бы в трактир, но только он не употреблял алкогольных напитков.

Все это происходило, когда мы были поблизости. Если же он полагал, что мы его не видим, из-под пледа высо-

вывался хвост и начинал заманчиво раскачиваться, точно маятник, и Шебалу в восторге прыгала и гонялась за ним. Ни о каких трактирах и речи не было. Зато, чуть только Шебалу начинала терять интерес к игре, наружу высовывалась черная лапа и провокационно тыкалась в нее.

Вот так мы и жили в приближении зимы. И если прохожих изумляло то, как я торжественно вела Сили под дождем и ветром завтракать в оранжерее, еще больше должен был интриговать их Чарльз, переселявший своих рыбок. Выкапывая пруд, он сделал середину глубокой и обложил ее камнями, а по другую сторону этого барьера расположилась кольцевая канавка шестидюймовой ширины. Обычно пруд был наполнен по края, и рыбки могли пользоваться им всем. Что они и делали: не жились под листьями кувшинок, изящно проскальзывали над каменным барьером. Возбужденно гонялись друг за другом по кругу с внешней стороны. Однако, когда (и если) они метали икру, чему мы всячески способствовали, располагая водоросли на мелководье, уровень воды в прудике понижался, взрослые рыбы оставались внутри каменного барьера, а за ним на мелководье икре, а затем и малькам их покушения не угрожали. То есть в теории. На практике же, поскольку рыбы нерестятся главным образом после весенних и летних дождей, которые обогащают воду кислородом и вообще вносят оживление в рыбью жизнь, нам никогда не удавалось понизить уровень воды на достаточное время. Дождь тут же вновь его повышал, и рыбы перебирались через барьер, извиваясь на боку или на животе, что отнюдь не шло им на пользу. Затем либо следовало каннибальское пиршество, либо, если мы успевали их опередить, икра вычерпывалась чайной ложкой и дальнейшее ее развитие происходило в банках.

Собственно, на мелководье они только устраивали гонки, метали икру и — зимой — вмерзали там в лед. Как мы ни вычерпывали воду, стараясь, чтобы зимой они оставались внутри каменного барьера на глубине, вскоре вновь начинался дождь, вода поднималась выше барьера, рыбы

перебирались за него, а ночью ударял мороз, и они оказывались в ледовом плену. Мы их спасали, отогревали в чуть теплой воде и возвращали к их более мудрым сородичам в середине прудика. Но слишком часто лед или камни повреждали защитный слой слизи, и с потеплением на этих местах развивался грибок, так что рыбы погибали.

Чарльз питал нежную привязанность к своим рыбам, выращивая их от дюймовых мальков до прекрасных, жирных, королевских размеров карпов, и твердо решил, что в эту зиму не потеряет ни единой. Он заберет их в дом, заявил он. Куда? — спросила я, уже видя, как всю зиму они плещутся в ванне. Что-нибудь придумаю, сказал он. И конечно, придумал.

Если прохожие (а садовая стена была невысока, и все, чем мы занимались снаружи коттеджа, публика могла наблюдать, точно актеров на сцене театра шекспировских времен)... если прохожие недоумевали, почему с крыши нашего угольного сарая свисает рыболовный сачок (рыбки эти похитрей форели, говорил Чарльз, и поймать их можно только врасплох)... если они удивленно разевали рот при виде Чарльза, когда он, изловив одну, мчался через сад с сачком наперевес... если все это их ошеломляло, так они были уже совсем ошарашены, если бы могли заглянуть в оранжерею, где красовался очередной плод вдохновения, посетившего Чарльза, — рыбы кружили в бочке из-под сидра. Весной он купил их четыре — огромные, стянутые железными обручами, высотой почти шесть футов и до небес разящие местным сидром. Распиленные пополам по его просьбе, они, как считал Чарльз, великолепно подходили для выращивания черники. Почва у нас известковая, а черника нуждается в торфе, так что все это было крайне логично. Но только, как обычно, прохожие об этом не знали, и появление у наших ворот восьми внушительных полубочек из-под сидра породило всяческие предположения.

— Так для чего же это они? — спросил старик Адамс. И даже он утратил дар речи, когда я объяснила. Эрн Биггс

нашел объяснение сам и растолковывал людям, что они предназначаются для моего домашнего вина. Лошади, рысившие мимо, артачились, люди приходили поглазеть, и версия Эрн Биггса словно бы подтверждалась тем фактом, что наш сад, казалось, был окутан спиртными парами, и я из-за них готова была сквозь землю провалиться. Даже когда Чарльз ценой больших усилий перекатил семь в плодовый сад, люди все равно приходили и строили догадки.

— Думаешь, они и вправду в них вино делают? — услышала я как-то.

— А может, в них виноград давят, — донесся раздумчивый ответ.

В конце концов, стало очевидно, что Чарльз что-то в них выращивает. Естественно, всем захотелось выяснить, а что именно, и, проходя, все старались заглянуть в плодовый сад.

— Голубика с холмов, — заключил Эрн, понятия не имевший о культурных сортах черники.

Ну, они покачивали головами и лишний раз записывали нас в помешанные. Кто же это станет выращивать тутошные кустики в бочках из-под сидра? И конечно, оставалась еще восьмая, зияющая пустотой у дорожки. Она оставалась там все лето и осень, ожидая, когда же Чарльз заберет ее. Забрать-то он ее забрал, но теперь ее было видно в окно оранжереи.

Эрн был возбужден сверх всяких пределов.

— Значит, винцом занялись? А каким? Из пастернака? — осведомился он, вытягивая шею над калиткой.

Я предпочла скрыть от него, что мы держим в ней рыб. Только Богу известно, что он насочинял бы тогда! Но теперь они обитали там, и... возможно, мне просто чудилось, но плавали они вроде зигзагами.

Во всяком случае, от капризов погоды они были защищены. А Сили, завтракая там, их не замечал, Шебалу же оранжерея зимой не интересовала. Если не считать коротенькой утренней прогулки, она все время проводила в

доме. Сводя нас с ума трезвоном колокольчика на мотке, который она постоянно таскала во рту, если только не буксировала мочалку на ручке или не прятала яичные скорлупки под креслами. Ну, точно девочка с любимой тряпичной куклой.

А моток был теперь другой. Первый хотя бы бросался в глаза. А этот, старый, принадлежал Сили, раньше же им владел Соломон, и она сама его отыскала в каком-то забытом уголке. До того маленький и жалкий, что разобрать, во рту он у нее или нет, было невозможно. Только звякал колокольчик.

Чем он превосходил остальные ее игрушки, мы не могли вообразить. Ну, разве тот факт, что она сама его нашла; или что он такой маленький и просто напрашивается, чтобы его поносили во рту; или что его прежде любили другие кошки. Как бы то ни было, теперь он стал любимой игрушкой Шебалу. Днем она таскала его, вечером требовала, чтобы мы его кидали, а она за ним бегала. Из нее вышел бы отличный ретривер, говорил Чарльз. Хоть на охоту с ней иди!

Возможно, возможно. Но только охотничьи собаки, насколько мне известно, не рассовывают подстреленную дичь под мебель. А потом не садятся и не вопят, потому что не помнят, куда ее девали.

А Шебалу только этим и занималась. И не потому что уставала играть с бывшим мотком — этого вообще не случилось. Но когда мне надоедало бросать моток, она некоторое время носила его во рту, а затем, точно яичную скорлупку, подсовывала под кресло, чтобы напиться или поболтать с Сили. Через несколько минут она спохватывалась, и вот тут начинались вопли. Либо она засовывала его так глубоко, что теперь не могла дотянуться, либо — и вот тут поднимался настоящий содом — она успевала забить, где его оставила.

Мой Моток! — вопила она и, распластавшись на животе, с надеждой заглядывала под кушетку. Он же антикварный! Она не хочет его потерять. И спрашивала у

Чарльза, не видел ли он ее моток? Трогала его лапой за колени, смотрела на него взволнованными голубыми глазами. Затем еще вопли, и вот уже мы все ищем ее моток — даже Сили вместе со мной внимательно заглядывал под кресла. А когда моток находился, она хватала его, как потерянное и вновь обретенное дитя. Сначала слегка фыркала, показывая ему, как она на него рассердилась, а затем, если я все-таки не соглашалась бросать его, тут же снова засовывала свой драгоценный моток под какую-нибудь мебель.

Как-то раз он пропал на несколько дней, и такой унылый у нее был вид, когда она сидела, ожидая его появления, на середине ковра, что я практически устроила генеральную уборку, все время соображая, куда бы он мог попасть, и безотлагательно начиная поиски.

Однако я думала, что он уже не отыщется. За несколько дней до пропажи она играла с ним, пока я чистила ванну, и бросила его в унитаз. Встала на задние ноги, держа моток во рту, поглядела вниз и нарочно уронила моток туда. Ну, я его выудила, зная, как он ей дорог, и вымыла его. И теперь я была убеждена, что она опять его туда бросила и кто-то спустил воду.

Когда она его отыскала, у нас сидели гости. Шебалу прицеливалась на бутерброды, и Чарльз выставил ее в прихожую. Странно, сказал он, вернувшись. Он посадил ее в кресло, и она не соскочила, не попыталась раньше его проскочить в дверь гостиной. Кажется, ее заинтересовало что-то за подушкой. Остается надеяться, что там не припрятана мышь.

Собственно говоря, Шебалу пока еще не видела ни единой мыши, но при словах Чарльза, что в недрах наших кресел могут покоиться дохлые мыши, выражение на лицах наших гостей (они редко встречались с сиамскими кошками) могло сравниться лишь с тем, что на них выразилось, когда секунду спустя зазвенел колокольчик и я, кидаясь открыть дверь, сказала:

— Она его нашла! Благодарение небу!

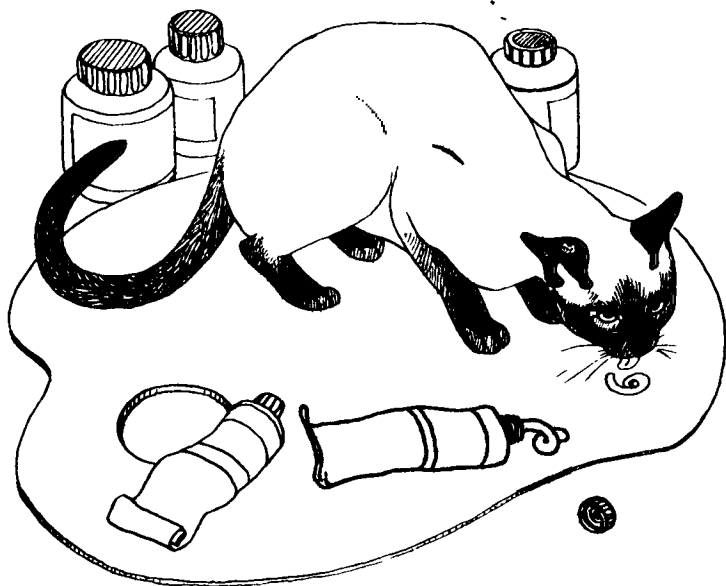
Да, нашла. Практически в единственном месте, куда я не заглянула, поскольку еще ни разу не видела, чтобы она забиралась туда с мотком. Теперь она гордо прошеествовала через гостиную и положила его на каминный коврик. Чарльз сказал ей, какая она умница, я заверила ее, что моток очень красивый, а Сили подошел и взыскательно понюхал.

Разлохмаченные шерстяные нитки с колокольчиком. Наши гости изумленно его разглядывали.

— Мне показалось, это по меньшей мере фамильная драгоценность, — сказал кто-то из них после паузы.

— В этом доме так оно и есть, — сказала я, подбирая моток, и для верности заперла его в бюро.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мы стали куда осторожнее и выдавали ей моток, только когда были поблизости, чтобы увидеть, куда она его спрячет. Как она ни выла, в ее распоряжение он поступал только в строго определенное время. Например, в девять вечера.

Она быстро выучила расписание. До этого момента она могла заниматься чем угодно — блаженно лежать на спине, греть животик у огня. Помогать Чарльзу с его кистями, мучить Сили... Но чуть начинало бить девять, Шебалу (как прежде Шеба с ее молоком) уже была на бюро, требуя свой моток. Она имеет Право получить его Сейчас же. Согласно ее Сиамской Хартии.

Эта ее хартия имела много статей. Так, Сили не дозволялось храпеть. Едва он допускал подобное, Шебалу — лежал ли он у меня на коленях или под своим пледом — немедленно подходила и сурово тыкала его лапой. Зрелище было на редкость комичное. Сили смущенно приот-

крывает один глаз, и храп обрывается. Сили! Которому ничего не стоило бы расплющить ее ударом лапы. Но он прямо-таки надышаться на нее не мог и демонстрировал это самыми разными способами. Иногда я пыталась втянуть его в игру с мотком. Ведь это была его игрушка, и почему им не пользоваться ею вместе? Но он только слегка прикасался к мотку лапой и глядел на Шебалу, которой второго приглашения не требовалось. И она тут же его забирала. И даже еще более поразительно: несколько раз, когда я его бросала ему на кушетку, он подбирал моток в рот и аккуратно ронял его с края. Где внизу уже поджидала его косоглазая подружка.

Теперь не она ему подражала, а Сили ее копировал. Если она сидела на столе, наблюдая, как Чарльз пишет картину, и Сили сидел там же, не сводя глаз с картины. Если она отпивала из чашки для мытья кистей, что случалось часто, так как от болтовни у нее пересыхало в горле, то и Сили надо было напиться. Однажды, когда она решила напиться из банки с совсем уж ядовитым раствором красок, Чарльз пошел сменить воду, а вернувшись с чистой, увидел, что Сили, не желая отставать, съел все краски с его палитры. Берлинская лазурь, сиена, гуммигут. Сили чувствовал себя великолепно, но у Чарльза разыгралась язва, и он всю ночь не мог уснуть, тревожась из-за всей этой краски в желудке Сили.

Сили даже двигался с одной скоростью с ней. Шебалу не ходила, а бегала и с лестницы слетала как пушинка. А рядом с ней всегда был Сили. Повернув голову к ней, он выбрасывал длинные ноги наподобие лошади-качалки, приспособиваясь к ее походке. Ну, прямо тренер рядом с бегуном. Так легко было представить его в полосатой майке. Но только бегун был маленьким, решительным, с властными голубыми глазами, и в конце концов ему всегда дозволялось выиграть.

Это было таким мирным временем после горечи потери Соломона и Шебы, словно мы вошли в гавань после бури. Вот что, сказал Чарльз однажды вечером, когда мы

сидели у камина — Сили у меня на коленях, Шебалу у него, а Аннабель довольно жует сено у себя в конюшне, — все у нас идет так хорошо, что он подумал, не пора ли приступить к перестройке коттеджа.

Собственно, мы планировали это уже давно. Некогда наш коттедж был типичным коттеджем западных краев: маленький, беленый, крытый красной черепицей с двумя комнатами наверху, двумя внизу и сзади — сарай для повозки. Предыдущие владельцы превратили две нижние комнаты в одну, а на месте сарая пристроили кухню и ванную. А мы добавили прихожую, чтобы не входить с улицы прямо в гостиную, а еще теплицу, оранжерею, гараж в конце сада и конюшню для Аннабели по ту сторону дороги. Сверх этого нам особенно много места не надо, сказали мы. Хотя, конечно, неплохо бы обзавестись ванной комнатой наверху, чтобы гостям не надо было проходить через гостиную в халатах. А тогда можно будет старую ванную и коридор присоединить к гостиной, сделать альков для столовой, который тоже будет очень полезен. А уж если мы будем строить ванную наверху над теперешней, так можно построить комнату над кухней... нет, нам нужен кабинет, правда, нужен.

Безусловно! Ведь наша маленькая свободная комната уже не вмещала бумаги, книги, мольберт Чарльза, мою пишущую машинку, паруса для каноэ, рояль (чтобы я могла упражняться в необходимом уединении) и, когда мы проводили вечер не дома, два ящика с землей на всякий случай. Если у нас кто-нибудь гостил, все, кроме рояля (он весил полтонны), надо было перетащить к нам в спальню. А гостям приходилось держать свои вещи на рояле, отправляться вниз по естественной надобности, и, если мы открывали дверь спальни, когда они проходили мимо, мольберт имел обыкновение опрокидываться наружу и промахиваться по ним самую чуточку. Все они были наши близкие друзья, но порой вид у них делался совсем ошарашенный.

Да и в ванной все было устарелым. Ванна — как колода, из которой поят лошадей, унитаза с бачком вверху и очень

длинной цепочкой, которая часто оставалась в руке очередного гостя. Насколько все это отдавало стариной, мы поняли, когда недавно у нас гостил родственник из Саскачевана, навестивший нас впервые. Он вошел в ванную, а затем выскочил из нее, кинулся к своей жене, которая стояла на лужайке, и, весь сияя, сказал взволнованно:

— Нелли! Иди посмотри! У них эта штука, за которую надо дергать!

На Нелли это произвело неописуемое впечатление, и она сразу же отправилась посмотреть эту старинную английскую реликвию. В прериях Саскачевана, как выяснилось, бачки располагались прямо на унитазах, а отопление было центральным. Совсем не хижина с высокой поленицей, за которой трубят лось, как романтично рисовало мое воображение.

Все указывало, что надо заняться перестройкой. Мы и так слишком долго ее откладывали, зная, во что на время строительства превратится коттедж, и жалея кошек. Соломон и Шеба старели, и стук, грохот вывели бы их из равновесия. Соломон в особенности был крайне нервным котом и месяцы бродил бы в полном ошеломлении.

А теперь у нас кошки были юными, с железными нервами и здоровьем под стать. А когда я поежилась при мысли о грудах мусора, Чарльз предложил мне лучше подумать о том, как нам будет хорошо, когда коттедж станет настолько просторнее.

И Чарльз занялся планами, которые решил вычертить сам — кошки сидели на столе и следили, как он это делает, а я предалась собственным мыслям. Чарльз сказал, что кое-что возьмет на себя. Малярные работы, сказал он. А возможно, и кое-какие плотницкие. А уж мусор он, безусловно, уберет сам... И тут я внесла свое предложение. Пожалуй, я научусь водить машину.

Чарльз вряд ли перепугался бы больше, если бы я выразила желание научиться летать. Много лет назад он сам давал мне уроки вождения, но особым успехом они не увенчались. Для начала у меня ничего не получалось с

задним ходом. Правда, попробовала я только один раз... Когда разворачивалась на шоссе, а тут появилась автоцистерна и нетерпеливо взревела, требуя, чтобы ее пропустили. И Чарльз, смутившись, что мы задерживаем движение, сказал: «Назад! Побыстрее! Давай задним ходом в те ворота!» И смутился еще больше, когда я выполнила его команду. Вот его никто не учил, как давать задний ход, сказал Чарльз, когда автоцистерна ликующе промчалась мимо. У него это получилось автоматически. Всего три урока он взял и начал ездить самостоятельно... И как это я умудрилась опрокинуть этот столб...

Об этих трех уроках Чарльза я наслушалась очень много. Когда он сказал: «Затормози, пропусти овец», — а я выскочила с машиной на обочину. Когда я обогнала другую машину, чего, по его мнению, делать не следовало. Всякий раз, когда я пыталась завести нашу машину на подъеме. Вот у него никогда никаких затруднений не возникало, говорил Чарльз, пока мы неумолимо сползали назад. Нет, он просто не может этого понять. Господи, почему я не включила сцепления!

Именно когда дело дошло до попыток завести машину на подъеме, моим урокам внезапно пришел конец. Мы приближались к перекрестку вверх по склону на абсолютно пустом шоссе. «Остановись, — сказал Чарльз. — Посмотри направо... посмотри налево... еще раз направо... Теперь выезжай на перекресток, только осторожно... не рви сцепления...» Случилось то, что не могло не случиться: мы поползли назад. И с той же неизбежностью, когда я послушалась Чарльза и включила сцепление, нас тряхнуло так, словно нас обвила петля лассо, затем мы продвинулись вперед, подпрыгивая на манер кенгуру, и встали, отвратительно лязгнув.

После чего мотор не стал заводиться. В карбюратор насосало слишком много бензина. Чарльзу-то проще... у него такие длинные ноги... а мои на подъеме еле доставали до педалей. Назад мы катились, вперед — прыгали... И теперь мы уже не были одни на шоссе. Автобусы справа

от нас, грузовики слева от нас, а сзади нас целый хвост машин — и всем мешала я.

На нас глядят люди, шепнул Чарльз. (Мягко сказано!) Ну, почему я никак не тронусь с места? (Я еще раз тщетно нажала на стартер.) С ним бы никогда такого не произошло, сказал Чарльз. А он всего-то взял три урока. Куда же я? Это он сказал мне вслед, когда я вылезла из машины. «Брать чертовы уроки!» — ответила я, твердым шагом свернула за поворот и на глазах полсотни любопытных зрителей села и уперлась локтями в колени.

Ничего такого уж необычного в этом нет. Вполне вероятно, что в этот самый момент десятки жен инструкторов-любителей изнывают от злости на обочине, пока их мужья выводят машину из затора. Не так уж давно одна моя приятельница — теперь отличная автомобилистка — рассказала мне, что с ней произошло, когда она готовилась к сдаче экзамена на вождение.

Она была почти совсем готова, сказала она, хотя, разумеется, ее муж так не считал. И вот они едут, и он говорит: «Когда я скажу «стоп!», сразу тормози». Она решила, что он подразумевает экстренное торможение, которое она как раз отработывала. И когда он сказал «стоп», она сразу выжала педаль, очень довольная своей реакцией. А он, бедняга, просто хотел, чтобы она притормозила у перекрестка, и стукнулся лбом в ветровое стекло.

Он был в ярости, когда пришел в себя, сказала она, — без всякого основания, решила она, — вышла из машины и шла пешком до самого дома, а он ехал рядом. Шесть миль, сказала она, то вспоминая и вновь бесясь, то умоляя ее сесть в машину. А она отвечала, что ноги ее не будут в его дурацкой машине, пока она не сдаст экзамена.

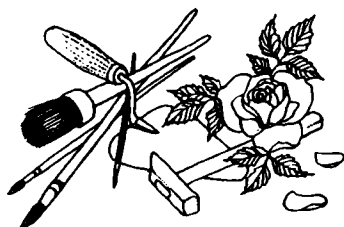
Шесть уроков в водительской школе, и она сдала, а ее муж пришел в полный восторг. Вот и он придет, сказала я Чарльзу, когда я смогу отвезти его в случае необходимости... «Какой необходимости?» — подозрительно спросил Чарльз. Ну-у, если у него будет прободение язвы, сказала я... или он ломает ногу или руку, занимаясь перестройкой.

— Большое спасибо! — сказал Чарльз, и по его тону вы решили бы, что я намерена собственноручно столкнуть его с лесов. Беда мужчин в том, что они не хотят смотреть в лицо фактам. А такой момент настал...

Но не будем опережать событий. Он несколько смягчился, когда услышал, что учиться я собираюсь не на нашей машине. Да я даже не прикоснусь к ней еще долго-долго, заверила я его. Он смягчился еще больше, когда, заехав за мной после моего первого урока, узнал, что я доехала на школьной машине, не разбив ее всмятку.

— Вы думаете, у нее получится? — спросил он инструкторшу.

Не замаялась ли она немножко, прежде чем ответить «да»?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Я выбрала мисс Принс себе в инструкторши по двум причинам. Она слыла первоклассной наставницей в искусстве вождения машины, и наставляла она в нем в трех милях от нашей деревни. Поскольку учиться мне, видимо, предстояло не один месяц, я не хотела, чтобы нашим соседям стало известно, чем я занимаюсь.

Естественно, это не помогло. Да отправься я брать уроки вождения хоть в Тимбукту, кто-нибудь из нашей деревни непременно прилетел бы туда с первым же самолетом. В Бриддаре я умудрилась взять инкогнито только два урока, осторожненько, черепашым ходом кружа по узким улочкам, в ужасе останавливаясь, когда что-нибудь двигалось навстречу... И на третий раз из какой-то лавки вышел старик Адамс собственной персоной.

Оставалось только уповать, что он меня не заметит. Он всегда нахлобучивал шляпу на глаза как мог ниже, и казалось чудом, что он вообще хоть что-нибудь видел. К тому

же он вряд ли ожидал увидеть меня за рулем школьной машины. И ведь я изменила свою внешность: обычно я очков не ношу, но я обзавелась ими, чтобы близорукость не мешала мне за рулем. И я уповала, что широкая черепашковая оправа делает меня неузнаваемой.

Как бы не так! У меня тогда же возникло ощущение, что он как-то слишком подчеркнуто стоял на краю тротуара, внимательно глядя в сторону площади, а потом столь же внимательно посмотрел в другую — на супермаркет и, казалось, просто не видел машины прямо у себя под носом. Ну и конечно, в тот же вечер он навестил нас и с обычной своей тактичностью осведомился у Чарльза:

— Чего это она — машину водить учиться? (Не знаю, но, по-моему, решить, что я учусь летать, было трудно.) По-твоему, выйдет у нее что-нибудь? — расслышала я его вопрос, но что ответил Чарльз, не разобрала.

Однако он наш старинный друг, и, когда Чарльз объяснил ему, что и как, и добавил, что люди вечно суют нос в чужие дела, старик Адамс заметил:

— Ага! А старуха Уэллингтон тут первая!

Едва он вообразил, что скрывали мы это именно от нее, и представил себе мгновение торжества, когда мисс Уэллингтон скажет, что, подумать только, я научилась водить машину, а он ответит, что знал это с самого начала... Едва все это пронеслось перед его мысленным взором, полное сотрудничество старика Адамса нам было обеспечено. Он даже не проговорился мне, что ему известна моя затея. Только напускал на себя многозначительный вид, когда мы встречались, а если снова видел меня в Бриддаре, еще более упорно смотрел в сторону.

К сожалению, он не был единственным, кто увидел меня там. Я и не знала, что в Бриддаре была лавка, торговавшая особыми рабочими брюками. Из тяжелой кирпично-красной саржи, облюбованные местными шеголями. Теперь их в округе носили все мужчины, а в другом месте их купить было нельзя. Старик Адамс их-то и покупал в тот день, когда я увидела его на тротуаре. А стоило

Эрну Бигтсу увидеть старика Адамса в его потрясных кирпично-красных брюках, как он молнией помчался в Бриддар обзавестись такими же.

Дальнейшее было неизбежным. Раз я кружила по Бриддару на своей учебной машине, точно особенно упрямый мальчишка на электромобильчике, Эрну нужно было просто приехать туда разок за брюками, и не увидеть меня он не мог. И он увидел. Выходя из той же лавки. И уж он-то не стал притворяться, будто не заметил меня, а встал посреди тротуара, разинув рот. И не оставил эту новость при себе. Много дней она была его козырной картой. Стоило мне пройти мимо, пока он болтал с кем-нибудь у калитки, — и я уже знала, на какую тему перейдет Эрн. Как он прямо-таки обалдел... возможно, и все прочие тоже. «Очки, ну прямо тебе бинокли какие-то», — донеслось до меня как-то раз.

Планы мои сохранить все в секрете рухнули, но я продолжала упражняться в езде, радуясь, что Эрн Биггс больше не тарашил на меня глаза. Например, когда я лязгала передачами, или сползала задом по склону, или когда я выскочила на тротуар главной улицы Бриддара.

Держу пари, немного найдется инструкторов, которые командуют во время четвертого урока: «На тротуар! Быстрее!» Я так и сказала мисс Принс, когда мы переводили потом дух в машине. А она сказала, что в курс обучения это, собственно, не входит и мне не следует злоупотреблять... Но, сказала она, когда фургон разгружается у противоположного тротуара, а из-за фургона, когда вы уже совсем близко, вдруг вылетает грузовик, который уже не успеет затормозить, то выскочить на тротуар — единственный выход, если вы не хотите обменять машину на райскую арфу.

Чарльз чуть не упал, когда я ему рассказала. Такое могло произойти только со мной, объявил он. Мисс Принс сказала то же самое, призналась я. Слава Богу, что Эрна Биггса не оказалось поблизости.

Вот так я упрямо разъезжала на учебной машине, а Чарльз работал над планами перестройки коттеджа. На-

чать ее он думал весной, и я надеялась, что успею сдать экзамен к этому сроку. Как раз вовремя, говорила я себе, если он начнет плотничать.

А он повторял, что работать сам он будет обязательно: ведь, с одной стороны, мы часто слышали, как растет стоимость строительных работ, а с другой — о людях, которые все делали своими руками. Побеседовав с кем-то, кто перестроил свой дом единолично, Чарльз уже решил, что и блоки мы будем укладывать сами. В ярких норвежских свитерах. Предположительно, чтобы производить впечатление веселой непринужденности.

Однако пока шел ноябрь. До весны времени было еще много. А тут наступило Рождество с пылающими поленьями в камине и семейными сборищами, так что и строительство, и уроки вождения были забыты.

Праздники прошли достаточно мирно, не считая одного-двух мелких происшествий. Например, Сили отказался есть в Сочельник, и я встревожилась, но потом сообразила, что он просто еще не навеселился, совершая восхождения на дверь ванной и егозя вокруг кресел на спине.

Попозже я в кухне открыла холодильник, и позади меня бесшумно возник Сили. Шебалу в гостиной играет во всякие игры с гостями, а мы здесь пока одни... намекнул его взгляд. Конечно же я знаю, Чего ему Хочется? Безусловно, котенком Сили рос на курятине и индюшатине. То есть до того, как мы его взяли, и он помнил, помнил! А в холодильнике лежала индейка, напоминая ему о днях детства. Он протянул к ней голову и втянул ноздрями воздух на случай, если я подумаю, что он имел в виду сосиски.

Разумеется, он получил то, что хотел. И еще несколько дней упоенно ел индейку. А Шебалу индюшатина совсем не прельщала. Опять эта дрянь, говорила она, тряся ногой над миской. Неужели у нас нет крольчатины?

Однако это вовсе не значит, что Рождество оставило ее равнодушной. Едва она просыпалась, глаза у нее станови-

лись круглыми, как блюдечки, и она то пыталась добраться до остролиста, то влезала на елку. Когда бы у нас ни стояла рождественская елка, на ее ветках красовались кошки. И вот теперь еще одна кошечка... Я смотрела на нее и вспоминала.

Кроме того, она объела все цветы с хризантемы — двенадцать солнечно-желтых цветов на ней было, на хризантеме в горшке, подаренной мне приятельницей. Я поставила ее на комод в прихожей, где она смотрелась особенно эффектно, а наутро на ней не осталось ни единого цветка — только кое-где валялись лепестки, напоминая о том, какими солнечно-желтыми они были.

Это Сили, сказала она, когда я притащила ее на место преступления. Если я хочу знать ее мнение, так он немножко свихнулся от индейки. Разумеется, это не был Сили. Полчаса спустя я застучала ее, когда она принялась за листья.

Сиамские кошки в рождественские праздники обязательно что-нибудь вытворяют. То ли из духа соперничества — столько гостей необходимо затмить! То ли атмосфера — общее возбуждение, смех, раскованность. То ли ослабление надзора — а с сиамами всегда надо держать ухо востро...

Сразу после Рождества я получила письмо от приятельницы, владелицы двух сиамов — Шебы (в честь нашей старушки) и ее названного брата Игоря. Нам в жизни не догадаться, что они учудили в этом году, писала она. И была абсолютно права. Наше воображение оказалось бы бессильным.

Она пригласила гостей и среди прочего испекла безе с кремом. Зная свою парочку, писала она, ей пришла мысль запереть их (кошек) в спальне. Однако, решив она заковать их в цепи и бросить в темницу, ее муж вряд ли возмутился бы сильнее. Ну, им позволили присоединиться к гостям, придав вечеру особый тон, присущий только сиамам. Естественно, она не спускала с них глаз, а они отвечали ей невиннейшими взглядами. Но затем она внесла тяжелый

поднос и не смогла закрыть за собой дверь... Несколько минут спустя она заметила, что Шеба исчезла из комнаты.

Она тут же кинулась за ней, опасаясь чего-нибудь ужасного. Но все выглядело нормально. Безе все так же покоилось на блюде на кухонном столике, а Шеба предавалась размышлениям на лестничной площадке. Даже когда некоторое время спустя она взяла блюдо с безе и обнаружила, что крема на них нет, ей почудилось, что виной ее забывчивость. У них был такой нетронутый вид, что ей стало не по себе. Ведь она же украсила их кремом!

Ответ она получила на следующий день, когда из-под хвоста Шебы полило как из крана. Если причина в креме, то все пройдет само собой, сказал ветеринар, когда она ему позвонила. Но если она считает нужным, он приедет и даст страдальце чего-нибудь на всякий случай. Но причиной был крем: в пять часов виновница требовала свой обед и дергала за уши Джеймса, спаниеля. Но, писала Миа, едва она оправилась от пережитого, как Игорь чуть было ее совсем не доконал.

За неделю до этого они с мужем купили электрокамин с поленьями — для уюта, так как у них центральное отопление. Включали они только поленья, а не спираль, но в поленьях были лампочки, так что они через некоторое время чуть нагревались. Так вот, она пошла позвонить ветеринару, что дело действительно было в креме и все обошлось, вернулась в гостиную, задумавшись о чем-то, и увидела, что Игорь лежит на поленьях, окруженный языками искусственного пламени. Только она на мгновение забыла, что огонь искусственный. Вид, писала она, был такой жуткий, что она чуть в обморок не упала. Слово история из Ветхого Завета, и Игорь в роли жертвенного агнца. И тут этот мерзкий кот открыл глаза и ухмыльнулся ей. Чудное местечко, чтобы понежиться, сказал он.

У хозяйек Помадки и Конфетки тоже хватало переживаний. Дора поведала нам о них по телефону, извинившись, что у нее голос такой странный. Но еще чудо, что она не осталась вовсе без голоса...

Оказалось, что накануне вечером у них тоже были гости и кошки получили разрешение присоединиться к ним. (Уж лучше, чем запирать их в спальне, сказала Дора. В последний раз Помадка сорвала карниз. Полистереновый, сказала она... Да, она знала, что кошки способны запустить в него когти, но подумала, что уж на потолке безопасно...) Однако, когда подошло время прощаться, они все-таки отправили кошек в спальни — Конфетку к Ните, а Помадку к ней, чтобы они не вышли за дверь вместе с гостями. Шел уже первый час, и, когда она открыла дверь спальни, оказалось, что Помадка сбежала... через фрамугу — она забыла ее закрыть. Хорошо еще, что шел дождь.

Помадка дождя не любила и, значит, далеко уйти не могла, рассуждала Дора. Достаточно один раз позвать негромко, чтобы не потревожить соседей, и она примчится, требуя, чтобы ее поскорее вытерли.

Пошел второй час, но Помадка не появилась, хотя Дора звала ее далеко не один раз. Пошел третий час, и они с Нитой метались по улице и звали во весь голос через ограды соседних домов, над канавой, выкопанной для электрического кабеля... Далее по дороге строились новые бунгало, и они с Нитой обошли каждый. Дождь лил как из ведра. Волосы, специально завитые для этого вечера, падали им на лоб точно водоросли. А Помадки нет как нет. Они уже потеряли всякую надежду. Живая, она никогда бы не осталась снаружи в такую погоду.

В три часа они легли, сказала Дора. Нет, не спать, но просто отдохнуть, потому что совсем измучились. В пять они снова были на ногах и обходили улицы с фонариками. Звать она перестала, сказала Дора. Голос у нее совсем сел, да она и не надеялась на ответ. Единственно, о чем она думала, — не проглядеть бы безжизненное тельце где-нибудь в канаве — жертву промчавшейся машины или рыскавшей ночью собаки. Намоченная дождем шерстка...

Она побрела к заброшенной каменоломне, где не было ничего, кроме чахлых кустов да бугристой земли. Вооб-

ше-то Помадка никогда так далеко не уходила, но ведь, думала Дора, куда-то же она должна была уйти. И ушла. На пути в каменоломню Дора ее встретила. Ей показалось, что впереди мелькнула какая-то тень, и, когда она прошептала: «Помадка?» — тень отозвалась.

Она была перепугана, сказала Дора. Промокшая насквозь. Где она пропадала все эти часы, они так и не узнали. Правда, сейчас Помадка бодра и хвастает перед Конфеткой, а сама она, кажется, подхватила грипп.

— Нет, я хорошо понимала, как она должна была расстроиться, — сказала я Чарльзу. — Помнишь, как Шеба пропадала всю ночь? Когда старик Адамс думал раскопать лисью нору, потому что все остальные места мы обыскали?

— А сотни миль, которые мы наверняка пробежали, разыскивая Соломона, — сказал Чарльз. — Помнишь тот раз, когда мы пропустили два лондонских поезда?

Еще бы не помнить! Тогда они пропали вдвоем. Я словно увидела, как мы бегали в тот день по тропам, будто встревоженные муравьи, и я пронзительно кричала «Тибитибитибити» и «Солли-уолли-уолли», а Чарльз, который больше соблюдает достоинство, прищелкивал языком. И я вспомнила, какое облегчение почувствовала, когда Чарльз полчаса спустя углядел их — сидели рядышком в колючих зарослях. Добраться до них мы не могли, но хотя бы видели их. Что же, подождем минуту-другую, решили мы, и они к нам выйдут.

Через полтора часа мы все еще ждали. С той только разницей, что Чарльз сходил за секатором, чтобы проложить к ним путь, и теперь они сидели рядышком в самом сердце зарослей. Не выйдем, сказал Соломон. Они знают, куда мы Едем. На весь день, сказала Шебу. А их Бросаем.

В конце концов мы сдались.

— Лучше пошлем телеграмму, что не сможем приехать, — сказала я. — Или пусть объявят по радио на Паддингтонском вокзале.

Мы уныло побрели к коттеджу и, оглянувшись, увидели, что они идут следом. Шеба впереди, Соломон чуть

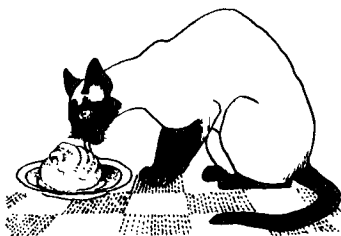
сзади... просто ангелочки теперь, когда, по их мнению, добились своего.

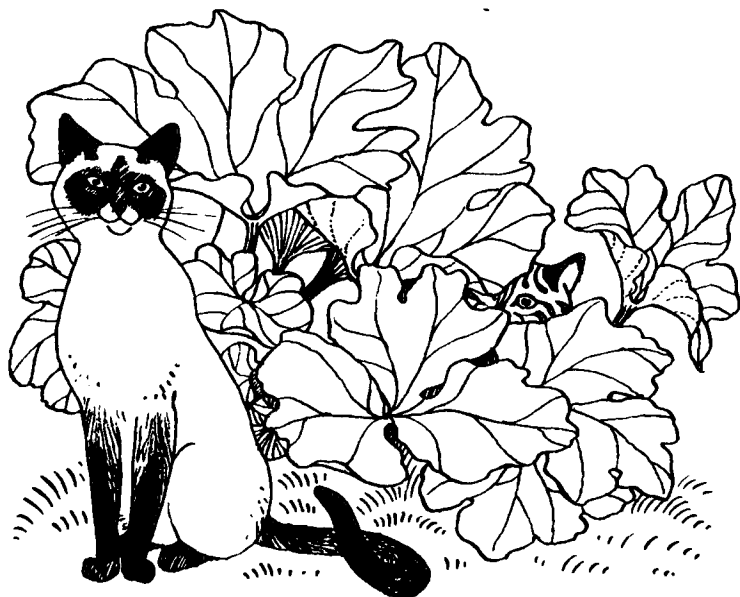
Тут они ошиблись. Мы успели на более поздний поезд. Но они не затосковали, оставшись одни. Мы прекрасно знали, что стоит нам закрыть за собой дверь, и они будут гоняться друг за другом по всему коттеджу, прыгая по стульям, столам и креслам. Сколько раз мы возвращались, забыв что-нибудь, и заставляли их в разгар веселых гонок. И вид у них делался самый смущенный. А мы думали, вы Уехали, говорили их глаза.

Да, помню, сказала я. И если меня кольнула грусть о былом...

— Ну, во всяком случае, из-за этих двух нам волноваться не придется, — сказала я. — Они надолго не убегают.

И в очередной раз я ошиблась. Не прошло и нескольких недель, как нам пришлось сильно поволноваться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дело, конечно, было в том, что наступила весна, а Шебалу начала взрослеть. Она все еще играла мотком с колокольчиком, и Сили все еще — хотя бы по временам — вел себя так, словно был ее дедушкой. Однако она настолько выросла, что уже не могла забираться под кресла, откуда он не давал ей выбраться, делая вид, будто она мышь и удрала туда от него. И раза два они словно бы играли в мальчиков и девочек — вернейший признак ее взросления.

«Словно бы» — наиболее точное определение ситуации. Как Соломон и Шеба до них, они неизменно занимались этим в присутствии зрителей. Как, например, произошло, когда заглянувшие к нам соседи спросили про Шебалу и я сказала, что покличу ее.

— Ду-ду-ду-ду-у! — позвала я, чувствуя себя крайне глупо. Но выпевать рулады с «Шебалу» мне не по силам, а «Тибитибити» слишком уж похоже на «Сили», так что она

превращалась в Дуду, когда ее требовалось позвать, — вариация «лу», и она всегда отзывалась немедленно, как ретривер на свисток. И теперь вылетела из-за угла — голубой с белым мех, мельтешащие длинные ноги. Как обычно, с ней появился Сили.

— Они замечательные друзья, — сказала я.

И они тут же это подтвердили. Сили внезапно прыгнул сзади на спину Шебалу. Она, взвизгнув, но явно с восторгом припала на живот. Он, удерживая ее за загривок с властностью пещерного кота, выпускал сквозь ее шерсть торжествующие вопли. И вот так, напоказ всему миру, они двинулись к нам по дорожке.

— Вы хотите получить от них котят? — спросили наши соседи и крайне удивились, когда я сказала, что это невозможно.

Но все-таки они пришли, когда их позвали, и пришли вместе. А потом настало утро, когда я вышла позвать их к завтраку и не увидела Шебалу.

— Ду-ду-ду-ду-у! — позвала я маняще, но отозвался только Сили. Он выскочил из-за угла, точно полицейская ищейка, тревожно поглядывая по сторонам. Он ее потерял. Она скрылась, едва он отвернулся, сказал он. Мы ее нашли?

Час спустя, когда у нас ноги подгибались от поисков, она внезапно выскочила из сосняка и помчалась вниз по склону, рассказывая нам, до чего же там было интересно. Да, конечно. Колоннады стволов, ковер из сосновых игл под ногами и такая тишина вокруг. И лисицы, сказали мы ей. Ночью мы слышали их брачную переключку. Но она же была горожанкой. Так что могло ей быть известно про лисиц?

У меня полегчало на душе, когда я увидела, как она упражняется в лазанье по деревьям. Белкой взлетала по одному стволу в сосняке за коттеджем, потом вниз и вверх по соседнему, а за ней Сили в полном восторге. Правда, он срывался, не вскарабкавшись и на пять футов, но ясно было, что ее никто не изловит. Хотя Чарльз,

которому она заменила Шебу, наотрез отказывался поверить в это.

Теперь, когда она открыла для себя лес, Шебалу с утра исчезала там, а Чарльз, едва хватившись ее, начинал волноваться.

— Позови ее, — говорил он. — Она же приходит только на твой голос.

И я послушно дудудукала, чувствуя себя абсолютной дурой.

Во-первых, тут же являлся Сили. То ли он тоже искал Шебалу и хотел быть на месте, когда она явится, то ли думал, что зову я его, поскольку он постоянно прибегал вместе с ней, когда я звала, так что теперь «ду-ду-ду-у» превратилось в сигнал и для него, причем отзывался он на этот крик гораздо охотнее, чем на «Сили».

Но главным было впечатление, которое зов этот производил на прохожих. Ведь «ду-ду-ду-у», хотя я сообразила это далеко не сразу, звучало как подражание охотничьему рожку. И пока я стояла на дороге и кричала, сначала вприпрыжку являлся крупный силпойнт и шумно меня приветствовал; однако (к удивлению зрителей) я не замолкала, и вниз по склону галопом сбегала мохнатая ослица и тоже приветствовала меня через ограду... и в конце концов, если они не уставали ждать, из сосняка стремительно выскакивал длинноногий котенок, невероятно скашивая глаза.

— Это надо же! — услышала я как-то раз. — В жизни такого не видывал.

Хорошо еще, что рядом не оказалось Эрна Биггса, он бы им еще много чего порассказал бы.

Но когда Шебалу прибегала на зов, я понимала, что оно того стоило. А тем временем произошло чрезвычайно интересное событие: Сили стал котом-следопытом.

Еще во времена Соломона и Шебы я порой задавалась вопросом, когда Соломон пропадал в очередной раз: сумела бы Шеба отыскать его для нас, если бы захотела.

Было ли ей известно, когда он просто занялся чем-то позади оранжереи, а когда отправился в очередной долгий поход? Но если она и знала, то делать ничего не делала. Мы всегда находили его сами.

Однако Сили... Как-то раз, когда я звала Шебалу, он кубарем скатился с пастбища Аннабели, потерял о мои ноги, тревожно поглядывая на лесную тропу, свернул во двор, взобрался на крышу угольного сарая, подошел к самому краю... и указал! В этом не могло быть никаких сомнений — голова вытянута вперед, глаза сощурены, и он оглядывал склон, будто ретривер. Всматривался, прислушивался...

— Как бы не так! — сказала я. — Ему не слышать шорохи котенка где-то в лесу.

Но он слышал. Установив верное направление, слез с крыши и безмолвно побегал вверх по склону. Скрылся в лесу, и нате вам! Через несколько секунд вышел оттуда в обществе своей подружки.

Повторялось это столько раз, что никак не могло быть просто совпадением. И вскоре я начала специально брать его с собой, чтобы отыскать ее. Спускала его на землю возле опушки. Он смотрел, слушал и рысцой устремлялся в лес. Как-то мне показалось, что он допустил промашку — он нырнул в кусты слева от меня, а она через несколько секунд появилась мне навстречу на тропе. Однако тут же показался Сили, следовавший за ней как овчарка. Через кусты он пробрался ей в тыл и выгнал на тропу. Но почему, собственно, кошки не могут быть хорошими следопытами? Или, если на то пошло, и ослицы? Аннабель часто сообщала нам, что кто-то из них прогуливается по ее пастбищу. Опустив голову, протянув уши в их сторону, она следила за ними из-под челки, благодушно оттопыривая нижнюю губу. То есть мы надеялись, что благодушно. Как-то вечером, когда я пошла отвести Аннабель в конюшню, кошки околачивались поблизости. Шел дождь, и, не зная, чем бы заняться, они увязались за нами и твердым шагом вступили в конюшню, где Аннабель уже

принялась за кукурузу в своей кормушке. Она подняла морду, посмотрела на них и фыркнула. Не обращая на нее ни малейшего внимания, они поискали взглядом мышей и, быстро обзрев стены, заключили, что мыши конечно же прячутся в ее сене.

А сено лежало у ее задних ног, как предпочитала Аннабель. Чтобы, покончив с первым блюдом, повернуться и продолжать ужинать без паузы.

Они нюхали, кружили, эдакие два инспектора Мегрэ, в поисках улик... явно, чтобы допечь Аннабель — возможно, в радиусе мили не нашлось бы ни единой мыши. И допекли. Аннабель, не глядя, брыкнула сено. Сили, мрр-мррыкнув в знак протеста, вскарабкался на стену от греха подальше. Но где же Шебалу, ужаснулась я. Она бесследно исчезла.

И в самый последний момент, когда Аннабель уже шагнула туда, я заметила, что сено шевелится. Шебалу закопалась в него. Стала невидимкой, как она полагала, и возгордилась. Когда я извлекала ее на свет, Аннабель снова фыркнула. Жаль, жаль, сказала она, еще больше оттопырив нижнюю губу. Кое-каких молодых безобразниц следовало бы прочесть. Она уже совсем собралась съесть ее...

И снова — покалечила бы она ее или они все трое играли? На следующее утро опять лил дождь, и кошки опять отправились повидаться с Аннабель. Чарльз видел, как они протискивались под дверь ее конюшни. И еще Чарльз слышал, что Аннабель фыркает и топает, а потом кинулся их спасать, но тут они появились из-под двери. По утрам она не в духе, верно? — сказали они, беззаботно удаляясь.

Через несколько минут за ними уже гнался Неро, но и это, по-видимому, их не особенно взволновало. Они помчались вниз по склону от деревни, а мы и не заметили, что они отправились туда. Сили перемахнул через столб калитки. Шебалу, прижав уши и, видимо, наслаждаясь, промчалась мимо в лес и тут же очутилась на дереве... До

того молниеносно, что мы только рты успели открыть, а посрамленный Неро убежал домой.

Шебалу была такой быстрой, что, решили мы, ей нравится, когда за ней гоняются, и она сама на это напрашивается. Дня через два она удирала от рыжего кота, причем явно он ей ни малейшего страха не внушал. Я ползла клумбу, внезапно послышался топоток, и она выбежала на лужайку довольно умеренной рысью, откинув голову, весело подпрыгивая. А за ней — огненно-рыжий кот (таких огненных мне еще видеть не доводилось), и вот в нем ничего умеренного не было. Прямо-таки волк в погоне за Красной Шапочкой... Но тут он заметил меня и переменил направление. Рванул в сторону, как реактивный самолет, перенесся через стену и исчез вверх по дороге.

Шебалу очень расстроилась. Они же хотели поиграть, сказала она. А куда девался кот-охранник Сили, которого мы в последний раз видели с ней в огороде? Когда я направилась в кухню, он вышел из-за коттеджа и тихонько вошел со мной внутрь. Благоразумие явно было лучшей стороной доблести. Ужинать пора? — осведомился он.

После этого рыжий кот, естественно, совсем нас извел. Прогуливался по дороге, мурлыкал любовные романсы в плодовом саду, следил за коттеджем с холма. А Шебалу сидела на подоконнике и высматривала его. Почему, вопрошала она, ей нельзя выйти поиграть? А потому что он, хотя и не наградил бы ее котятами, мог так ее помять, что без абсцесса дело не обошлось бы — так один раз случилось с Шебой. И потому что мы не хотели, чтобы Сили ввязался в драку, как часто бывало с Соломоном. Так что на время мы поместили их под строгий надзор, причем все крайне осложнялось началом перестройки нашего коттеджа.

Планы были одобрены. Чарльз, к величайшему моему облегчению, отказался от мысли сделать все собственными руками. (Перед моим мысленным взором маячи-

ла ванная комната на втором этаже, гдѣ за годом остающаяся без крыши. И тут нам улыбнулась удача: мы умудрились заполучить Генри, который как раз искал работу.

Генри, официально каменщик-субподрядчик, умел буквально все. Штукатурить, плотничать, клеить обои и... даже готовить, как мы узнали позднее. В армии он был поваром в чине сержанта и после войны подумывал стать кондитером, но жиры тогда выдавались по карточкам, и он решил, что надежнее будет вернуться к прежнему ремеслу.

Как бы то ни было, мы его заполучили — он как раз завершил работу у одного подрядчика и был свободен... Только, сказал он, заказывать материалы он не любит, и еще ему понадобится подручный.

Лучше и придумать было трудно! Мы были готовы заказывать материалы. Чарльз жаждал натянуть норвежский свитер и помогать, как только потребуется. Генри намеревался приступить к работе немедленно и приступил еще до конца недели.

Работал он с такой быстротой, что просто не верилось. Раз! И уже коттедж в лесах. Два! И черепица по краю снята. Три! Уже идет укладка блоков. Он приходил в восьмом часу утра и до шести вечера даже перерывов почти не делал. А я по телефону заказываю материалы, Чарльз изображает помощника строителей, Генри же из-за своеобразных порядков нашего дома лишился сна.

В этом заключалась главная беда Генри. Он жутко из-за всего тревожился. Привезут ли брусья и доски вовремя... не намочит ли дождь блоки... Точно так же, как в далеком прошлом он испугался трудностей с жирами и занялся строительным делом. А больше всего тревог ему доставляла Аннабель. К ослам у него привычки нет, объяснил он.

Аннабель, учуяв это, терроризировала его как могла. Ее пастбище уходит вверх по склону сразу за коттед-

жем. Она всегда заглядывала в окна кухни, когда у нее возникало такое желание. А теперь, выбрав место на склоне вровень с крышей прежней ванной всего в нескольких шагах от трудящегося Генри, Аннабель следила за ним из-под челки. Невозмутимо. Неподвижно. Часами.

Ну прямо десятник, сказал он. У него иной раз мурашки по коже бегают. А потом она хоть с места не сходила — он поклясться готов, разрази его Бог! — а лестницу приставную опрокинула! Аннабель сочла это замечательной шуткой. Насмешливо скаля зубы, а губы втянув так, что они смахивали на пару кастаньет, она явно хохотала над ним, пока он поднимал лестницу и снова ее устанавливал. А когда он вечером уходил и поле брани оставалось за ней, она подходила к лесам и сталкивала все, что было приготовлено к утру.

Тогда он начал привязывать все к лесам. Но тут ночью полил дождь — единственный раз за все время, пока шло строительство. Мы бы его не услышали, но только стеклянная крыша оранжереи была теперь накрыта листами железа — чтобы ему не провалиться сквозь нее, если он сорвется, объяснил Генри, все предусмотрев.

Мы проснулись, потому что дождь барабанил по железу, точно в рассказе Сомерсета Моэма. А потом...

— Стропила! — кричал Чарльз, молниеносно слетая с кровати.

Стропила для крыши доставили утром, и теперь они лежали под дождем, ничем не укрытые, посреди лужайки. Чарльз, тоже не такой уж оптимист, сразу представил себе, как от сырости они неминуемо покоробятся. Делать нечего, мы поднялись. Включили фонари снаружи. И выскочили на лужайку в плащах поверх пижам, и принялись укрывать стропила брезентом и пленкой в два часа ночи, а ветер хлестал нас дождевыми струями по голым лодыжкам.

Генри, прибыв в семь, начал с того, что всю ночь глаз сомкнуть не мог, все беспокоился, что тут у нас натворит

дождь. А, все в порядке, сказала я. Стропила и доски мы укрыли. Дождь так гремел по железным листам, что разбудил нас. Стропила? Да нет, сказал Генри, он не за них тревожился. От одного дождя им никакого вреда не будет. А вот окно для новой ванной! Он его установил на место и подпер. А ночью вспомнил, что подпорки-то он не привязал. Вот и лежал, воображая, как ослица их все выбьет, а ветер опрокинет окно на крышу, и оно ее пробьет.

Генри, вероятно, был телепатом. Аннабель подпорки не вышибла, и окно сквозь крышу не провалилось. Но на следующий же день Генри попросил Чарльза помочь ему уложить перемычку в ванной, а Чарльз вместо этого опрокинул стену, и она пробила крышу.

Тут мне следует объяснить, что старая покатая крыша на задней стороне коттеджа пока еще оставалась на своем месте — Генри снял только внешний ряд по трем ее сторонам, чтобы сначала закончить надстройку, а когда новая крыша будет установлена, только тогда убрать старую крышу.

Поэтому уровень окна новой ванной находился над старой крышей, как обнаружил Чарльз, когда вскарабкался на леса, держа конец тяжелой бетонной перемычки, а леса, сказал он, прогнулись под ним, точно древко лука. Но худшее было впереди. Чтобы поднять перемычку над окном ванной, Генри уложил на прогибающемся настиле лесов два бетонных блока, а на них тоже прогибающуюся доску.

Генри с его богатым опытом вспорхнул на нее, точно балерина. Чарльз, для которого это было внове, взбирался, как неуклюжий слон. И зашатался. Мужественно удерживая свой конец перемычки, он для равновесия растопырил локти. И одним чуть-чуть коснулся стены. Откуда ему было знать, что она обрушится?

Выяснилось, что цемент еще не схватился. Генри не счел нужным его предупредить. Сколько лет он уже стены

строит, сказал Генри, и никто еще ни разу такого не устраивал.

Но ведь Чарльз-то не строитель, сказала я, пытаюсь пролить масло на бушующие воды. Генри, поглядывая на пустое место там, где была его стена, сказал, что этого я могла бы ему и не говорить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Затем Чарльз вывихнул лодыжку. Он перетаскивал осколки и обломки в плодовый сад — мостить дорожки, объяснил он. Каждое утро перед завтраком он втаскивал вверх по склону несколько пластиковых мешков такого мусора. Черт, он в отличной форме, сказал он.

Как-то утром я решила, что мне просто померещилось, когда он широким шагом прошел мимо окна, таща очередную порцию мусора, точно Атлас. А пять минут спустя... Не мог же он охрометь, подумала я. Оттого лишь, что высыпал мусор на дорожку?

Оказалось, что мог. У него нога подвернулась, сказал он, а тяжесть мешка его повалила.

— Это надо же! — сказал Генри, глядя на него с благоговейным ужасом.

Вывих оказался серьезным, и Чарльз несколько недель хромал, как Длинный Джон Сильвер. Ну и конечно, именно тогда Сили решил наведаться на крышу.

Стройка заинтересовала кошек с того момента, как были установлены леса. Прогулки по верху возводимых стен. Прыжки в оконные проемы и из них. А Сили как-то вечером вышел из дома и взобрался на леса. Во всяком случае, услышав, как скрипнула доска, я утешила себя этой мыслью, занимаясь его поисками. Сердце у меня бешено заколотилось. Но если пойти за Чарльзом, а Сили действительно там, то он успеет удрать. Я поднялась по пастбищу Аннабели, посветила на стойки, громыхнула доска, и что-то метнулось в темноту. Да, это был Сили, но теперь он таки улизнул на склон, и как мне его изловить...

С помощью психологии. Многолетний опыт научил меня никогда не гоняться за сиамскими кошками. Надо как-то подманить его, уповая на силу привычки или на любопытство. Не то он уйдет куда-нибудь еще. В данном случае приманкой, естественно, были леса, которые все время его интриговали. Ну а привычка... разумеется, мой призыв «Ду-ду-у», хоть в десять вечера, хоть в любой час. А потому я вскарабкалась на леса, осветила себя фонариком, чтобы он меня увидел, и, испытывая обычную неловкость, разразилась руладой «Ду-ду-ду-у!».

Сработало, как и следовало ожидать. Он вернулся точно бумеранг. Но меня эта процедура совсем смутила. Что, если кто-то меня увидел? Что они подумали?

Впрочем, великое приключение Сили на крыше было еще впереди. Когда подошло время разбирать старую крышу. Новая крыша была закончена, проем на верхней площадке лестницы вел в пристроенное помещение, и кошки, сгорая от любопытства, устремлялись туда прямо с утра. Когда приходил Генри, они туда не допускались из опасения, что он их ненароком замурует.

И, должна сказать, это было вовсе не так маловероятно, как можно подумать. Они забирались там, куда только могли. В полые стены, под половицы... когда ни взглянешь, откуда-то, вихляясь, выползает шерстистый зад. И вот однажды утром, когда уже возводился потолок,

Шебалу обнаружила лаз под старую крышу над нашей спальней. Темную заманчивую дыру у верха одной из стен.

Прежде чем мы успели ее остановить, она проскочила в нее и занялась скворцами. Мы слышали, как они всполошились, никак не ожидая атаки с тыла, Чарльз тут же вообразил, что она оказалась в ловушке. Гоняется за птицами среди обломков старой штукатурки, сказал он, а мы не можем до нее добраться. Несколько минут спустя она вылезла сама — без скворца, но вся в паутине. И стоило ей выбраться наружу, как Сили немедленно забрался внутрь.

Нет, он тоже благополучно вылез. Но ждать его было словно ждать появления Тесея из Лабиринта — Тесея без царя в голове, как всегда старательно подражающего Шебалу. Вылез он как ни в чем не бывало, если не считать паутины. А там Захватывающе Интересно, сказал он.

До того захватывающе, что они повадились лазить туда каждое утро, и Чарльз не уставал повторять, что они там обязательно где-нибудь да застрянут. А как мы их выгасшим, спрашивал он, с его-то хромой ногой? А как мы можем помешать им залезать туда, спросила я. На это ответа не было.

И вот в одно прекрасное утро Шебалу поймала скворца. Это мы определили по крикам и трепыханию крыльев под крышей. А Чарльз совсем с ума сошел, опасаясь и за скворца, и за свою голубую подружку. Скворцы ведь атакуют кошек с полной беспощадностью. Я позвала ее. Никогда еще «Ду-ду-ду-у» не выпевалось с такой истовостью. И я услышала ответ... правда, словно бы от Сили... но я была твердо уверена, что он ушел прогуляться. Я звала, мне отвечали, и в конце концов появилась Шебалу со взрослым скворцом во рту.

Его я тут же освободила. Стоя на приставной лестнице, я схватила ее за шкуру, едва она показалась в дыре, подержала — и через секунду она выпустила птицу. Способ безотказный — причем не причиняет боли и не пугает ее. Скворец тут же упорхнул. И он тоже не казался осо-

бенно напуганным. Я увидела, как он принялся следить за мной глазами-бусинами с балки у дыры. Но только... сиамский голос все отзывался, отзывался... и это не был голос Шебалу, которая вернулась к нам.

Это был Сили.

— Сили! — завопила я в панике.

— Уоууоу-уу! — ответил приглушенный голос откуда-то из-под крыши. Я так хорошо знала эту ноту! Как любые интонации Сили. Мой дружок-силпойнт попал в беду.

— Застрял! — объявил Чарльз, представляя его голову, зажатую в щели.

— Или ранен, — сказала я, рисуя в воображении клюв скворца.

Мы оба ошиблись. После нескольких минут тихого отчаяния, пока Чарльз спрашивал, за что нам такое, а я примеривалась, не удастся ли мне протиснуться в дыру, мы взяли себя в руки и составили план кампании. Я остаюсь тут и продолжаю подавать голос, чтобы поддерживать его дух, а Чарльз перенесет приставную лестницу к фасаду, влезет по ней, разберет черепицу и попробует отыскать его. А если не получится, вызываем пожарных.

План вполне разумный. И возможно, дал бы желанные результаты, но, когда Чарльз, прихрамывая, обошел коттедж, таща лестницу, он обнаружил, что план этот неприменим к обстоятельствам. Сили сидел в желобе и смотрел на него. Попал в безвыходное положение, сообщил он. Почему мы так долго тянули с лестницей? Еще секунды две, и он Свалился бы Вниз.

Под крышу он и не забирался. Видимо, он залез на новую плоскую крышу и прошел на крутой скат старой крыши над фасадом, а мои «ду-ду-ду-у» доносились, казалось, из желоба. Вот он и сидел там, отвечая мне и удивляясь, куда я подевалась. Вероятно, он ждал, что я вылезу из дырки, как скворец. Сили считал меня способной на что угодно.

Одно мы знали твердо: Сили боялся высоты. И выход был только один: Чарльзу придется влезть за ним. И он как раз карабкался по лестнице, когда появился Генри.

— Чего это он? — осведомился Генри. — Решил с парашютом попрыгать?

Я только посмотрела на него.

— А что? — сказал нераскаянный Генри. — Тут всего ждать можно.

Тем не менее стройка продвигалась. Завершилась постройка перегородок, явился водопроводчик, и вот уже новая ванная была оснащена всем необходимым. Кроме двери, конечно. Это была одна из тех работ, которые Чарльз оставил для себя.

А я овладевала вождением. Во всяком случае, по мнению мисс Принс. Совсем скоро я смогу сдать экзамен, говорила она теперь. Хотя, когда я сообщила это Чарльзу, он только возвел глаза к небесам.

Беда была в том, что я привыкла к ее машине. Маленькой, с четырьмя скоростями, с рычагом передач в полу, и, когда Чарльз предложил мне попробовать свои силы на нашей (все равно этого не избежать, такова была его формулировка), все оказалось точно наоборот. Наша была объемистая, с тремя скоростями, с рычагом на рулевой колонке. Даже сигналы включались наоборот. Вниз у нас значило «вправо», а у нее — «влево». Я дергала то вверх, то вниз, будто играла на органе. Кроме того, у педали сцепления в нашей машине был длинный ход, а у нее оно включалось сразу. А у нас, стоило поторопиться, и машина вскидывала задом, как брыкливая корова. Или, наоборот, я слишком затягивала, и мы никак не сдвигались с места.

И случалось это обязательно на перекрестках.

— Давай же! Быстрее! — понукал меня Чарльз, убедившись, что слева, справа и спереди полная пустота на мили и мили. Я отпускала сцепление, мы выпрыгивали на перекресток, мотор глох, и мне не удавалось его завести.

— В ее машине у меня так не бывает! — стенала я.

Тем лучше, отвечал Чарльз, не то от ее кузова остались бы одни вмятины.

Однако главным камнем преткновения оказалась ширина нашей машины. Даже избавившись от привычки глушить мотор, когда что-нибудь двигалось в мою сторону на широком шоссе, все равно узкие дороги я не осиливала. И уж конечно даже думать не могла о том, чтобы добраться от шоссе до нашего коттеджа. Наша дорога сильно петляет, и на ней имеется парочка очень крутых поворотов... Да и вообще я не хотела, чтобы меня кто-нибудь видел за рулем. Пусть Эрн разблаговестил, что я учусь, но жителям нашей деревни было вовсе не обязательно воочию наблюдать за моими успехами.

И вот однажды вечером, когда я практически без накладок выехала из городка... Подпрыгнули всего два раза, сказал Чарльз. Мы еще сделаем из меня настоящего водителя! И он предложил мне вести машину до самого дома. Движения ведь почти никакого не будет, а в темноте меня никто не узнает, и ведь рано или поздно я должна буду попробовать... Бедный Чарльз! Он ведь старался меня подбодрить. С первым поворотом я справилась — нигде никого. Второй поворот... я увидела появившиеся из-за него лучи фар.

— Притормози! — сказал Чарльз.

Отлично. Я уже притормозила. Вернее сказать, свернула к чьим-то воротам и остановилась, пропуская встречную машину.

— Я же только сказал «притормози», — напомнил Чарльз. — Вовсе не нужно останавливаться.

И я послушно тронулась с места... Вот тогда-то я и врезалась в ограду.

То есть легонечко задела. Это Чарльз сказал, что я ее ободрала, выдернул ручник, выскочил и обежал машину, чтобы самому сесть за руль. На крыло он даже не взглянул. Не решился, сказал он.

Дома я все-таки взглянула. Одна малюсенькая царапинка на бампере. Чарльз согласился, что он без труда ее

заполирует, но добавил, что крыло могло в результате выгнуться. И не важно, если этого не случилось, сказал он. Не наезжать на препятствия — вот что главное.

И не в первый раз я усомнилась в возможности конечной победы. И напрасно. Настал день, когда Чарльз признал, что вожу я не так уж плохо. И это как раз кстати, сказал он. Пусть и со знаком, что я начинающий водитель. Как-никак он вывихнул ногу, таская мусор. А строительство почти завершилось, все налаживалось. А к тому же весна обещала быть чудесной — первая весна Шебалу у нас. Я много времени проводила с ней и Сили на склоне, оберегая их от гадюк и вместе с ними наслаждаясь их юностью.

И мы были там в то утро, когда стройке чуть было не пришел конец в буквальном смысле слова. Нижний этаж был практически завершен. Старая ванная убрана, стена снесена, а потолок, пока это происходило, поддерживали мощные стойки. Они оставались там, пока четыре огромные перемычки были установлены и зацементированы, и еще три дня, чтобы цемент схватился как следует. И в это самое утро стойки были убраны, и Генри улыбнулся! Дом таки устоял, сказал он. А я проверила, все ли печные трубы на месте.

Однако на склон я поднялась не для проверки труб. Чуть раньше Чарльз сообщил, что видел, как Сили гнался за мышкой возле ствола. А потом загнал ее на ствол и схватил и унес вниз. Но тут же упустил, а она опять побежала вверх по стволу, а Сили опять полез за ней...

Ну, в детском стишке мышка взбежала на часы, так почему же ей и не взбежать по древесному стволу? И почему бы Сили, нашему силпойнту с акробатическими наклонностями, не залезть на дерево следом за ней? Но чтобы мышка повторила это? Может, у нее там гнездо?

Вот что я исследовала, когда раздался грохот, словно в коттедже обрушилась лестница. Я бросилась туда с одной стороны, Чарльз — с другой, и белые как полотно мы вместе очутились в гостиной. Нет, лестница была цела,

а Генри не был расплюснен в лепешку, как мы опасались. Упала одна из потолочных балок.

Все было крайне просто. Балки, чисто декоративные, поддерживались с обоих концов декоративными же скобами. Генри вместе с частью стены убрал и скобу из-под одного конца балки. Балку он подпер, но подпорку убрал вместе со стойками. И, оставшись без поддержки, балка рухнула. Хотя не сразу. Штукатурка удерживала ее на потолке. Но полчаса назад штукатурка поддалась под ее весом, и она с грохотом упала.

Один конец лежал на кресле, другой — на полу. Балка оказалась такой тяжелой, что мы втроем едва могли ее приподнять. Почему же мы не сказали ему, что она не скреплена с балкой перекрытия? — поинтересовался Генри. А потому что мы об этом понятия не имели. Чарльз был в диком ужасе. Все эти годы люди сидели в этом кресле, а балка могла сорваться в любую минуту. Ее поддерживали только дурацкие скобы! Придется ему немедленно этим заняться. Он не успокоится, пока все до единой балки не будут надежно скреплены с балками перекрытия.

Не успокоится так не успокоится, сказал Генри, а вот он чуть было не упокоился. Он шпаклевал и нагнулся, а тут эта штука рухнула всего в дюйме-другом от его задницы. Просто уж и не знаешь, что еще тут может приключиться.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Однако не приключилось ровнехонько ничего. Мы вернулись к тихой безмятежности, которой пожертвовали ради расширения коттеджа. Аннабель пасется на склоне, а мимо только что проскакала Джейн Робарт, все еще с видом королевы Елизаветы Первой, милостиво снисходящей до мужичья.

— Выпустила бы ты своего осла, — посоветовал мне на днях Эрн Биггс. — Он бы ее допек.

— Она, — поправила я. — Аннабель. (Эрн по-прежнему все путает.) Собственно говоря, в прошлом году так уже было.

— А? — сказал Эрн. — Что было-то?

Старик Адамс снисходительно его просветил.

Еще перемена, которую принес этот год. Эти двое начали разговаривать. И каждый старается оставить последнее слово за собой, как водится у деревенских жителей. И оба они подковыривают мисс Уэллингтон, которая не-

годует, но извлекает из этого большое удовольствие. Сейчас она трудится у себя в саду в головном уборе, по ее мнению отвечающем времени года.

— А, лето пришло! — всегда говорит старик Адамс. — Мамаша Уэллингтон нахлобучила свою соломенную шляпищу.

Эрн Биггс буквально подпрыгнул, когда в первый раз увидел ее коническую тулью, украшенную искусственными цветами.

— Чего она на голову напялила? Улей, что ли? — осведомился он.

Старик Адамс поспешил вывести его из заблуждения.

— Вот и видно, какой ты олух, это ж ее шляпа! — загремел он. — Она ее сорок лет носит, не меньше.

Может, и так. Во всяком случае, раньше, чем мы там поселились, но в деревнях мало что меняется. Перестройку мы свою завершили. Казалось бы, год назад коттедж был другим, но с фасада ничего не заметно.

— С виду каким был, таким и остался, — говорит старик Адамс.

— Траву-то твою все равно надо бы подстричь, — говорит Эрн.

Мои занятия вождением, конечно, внесли ноту новизны, но стоит мне сдать экзамен, все опять вернется на круги своя. Когда учишься, тогда и судачат. Как имеет обыкновение говорить Чарльз — и еще как! На той неделе он гонял машину в мастерскую наладить тормоза. Надеюсь, вина не моя, сказала я. Он ведь не может сослаться на то, что я не объехала ухаб или чуть не задела ограду? Чарльз ухмыльнулся и признал, что да, не может. Но мы не могли знать, что, регулируя тормоза, механик что-то напутал с проводкой. И теперь стоило включить мотор, как загорались тормозные фонари, стояла машина или ехала. Совершенно незнакомый человек в нескольких милях от деревни остановил нас и сообщил об этом, сообразив, что что-то неладно. Пока мы ехали вниз, он еще мог понять, что фонари горят. Но не могли же мы тормозить, поднимаясь вверх по склону!

А в деревне этого не сообразили. Или сделали вид. Экзамен совсем близко, и я езжу, не скрываясь, прямо по деревне, осваивая дорогу. Ну и после того, как я на глазах у всех промчалась вверх по склону, сияя тормозными фонарями, Эрн Биггс не замедлил при первом удобном случае полюбопытствовать у Чарльза:

— Как это она делает-то? В жизни такого не видел.

— Их теперь, думается, в школах этих нынче такому обучают, — сказал старик Адамс. — С женщинами хотят подстраховаться вдвойне.

Пара прожженных пройдох, как они сами прекрасно знали, но мы бы не хотели, чтобы они изменились хоть на йоту. В радости сельской жизни входят и добродушные сплетни и насмешки. А для нас — еще и парочка сиамских кошек, сидящих рядом на склоне. Маленькая блюпойнт бьет мух, крупный силпойнт с гордостью наблюдает за ней, а поблизости пасется ослица и исподтишка поглядывает на них. И так уже много лет, а ведь очень легко ничего этого могло бы и не быть вовсе. Если бы мы горевали после смерти Соломона и Шебы, что решили бы ничем их не замещать.

Не замещать... Сили до того похож на Соломона, что почти неотличим от него. Иногда я на секунду забываю, что это не Соломон сбегает по склону, прыгает мне на плечо, трется щекой о мою щеку, показывая, как он меня любит. И уж конечно Сили напомнил мне Соломона, когда недавно вечером я отвела Аннабель в конюшню. Сили болтался вокруг в ожидании ужина и, видимо, забыл, какое это время суток. Когда я вышла из кухни с ведром воды для Аннабели, он вообразил, что я несу ему завтрак. В конце-то концов, так ведь давно заведено: он ждет у задней двери, я выхожу с его миской, и мы процессией направляемся в оранжерею.

Вот и сейчас мы образовали процессию. Я несу ведро, Сили сопровождает меня, мррр-мррыча и жадно на него поглядывая... и устремляется к оранжерее, а там оглядывается, иду ли я за ним. Ну, вылитый Соломон, сказала я

Чарльзу. Вообразить, что его ужин в ведре. Такие балбесы оба! И он и Сили.

Такие милые балбесы. И пусть Шебалу совсем не похожа на Шебу, она тоже удивительно милая. С вытянутой головой и римским носом, а у Шебы мордочка была круглой, нос плоским... но все равно красавица... и такая же часть коттеджа и всего вокруг, как мы сами. Шебалу, и ее моток с колокольчиком, и ее пристрастие к мочалкам для мытья посуды.

Сейчас она направляется в лес, а Сили ее сопровождает. И мы надеемся, что так и будет еще много-много лет.

СОДЕРЖАНИЕ

Новый мальчик	7
Хлопот полон рот.....	147

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
127018, Москва, ул. Сущевский вал, д. 49
Издательство «Дрофа»
Телефон редакции: (095) 795-05-43*

*Оптово-розничную продажу книг производят:
Торговый дом «Школьник»
Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1а
(м. «Таганская», радиальная)
Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76
Магазин «Переплетные птицы»
Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1
Тел.: (095) 912-45-76*

Тови Дорин

Т 50 Хлопот полон рот: Новый мальчик; Хлопот полон рот / Пер. с англ. И. Гуровой; Худож. О. Келейникова. — М.: Дрофа, 2003. — 288 с.: ил. — (Зеленая серия).

ISBN 5-7107-6930-4

В очередном томе «Зеленой серии» читатель продолжит знакомство с любимыми героями предыдущей книги английской писательницы Дорин Тови — сиамскими кошками («Кошки в доме»).

Мягкий юмор, эмоциональное повествование заинтересует не только владельцев кошек, но и всех любителей животных.

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Вел)-44я5

РЕДАКЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

Дорин Тови

ХЛОПОТ ПОЛОН РОТ

**Новый мальчик
Хлопот полон рот**

Заведующий редакцией

Е. В. Туинов

Ответственный редактор

Л. В. Лобанова

Художественный редактор

Э. А. Смирнов

Технический редактор

И. В. Грибкова

Компьютерная верстка

К. В. Пирязев

Корректор

Т. С. Дмитриева

Подписано в печать 29.11.02. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 7000 экз. Заказ № 4310002.

ООО «Дрофа»

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

Изд. лицензия № 061622 от 07.10.97

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:**

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, г. Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Все краски мира в «Зеленой серии»

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Готовится к печати:

Сборник

«Черная пантера из Шиванипали»

Новинки:

Д. Тови

«Кошки в доме»

Д. Тови

«Хлопот полон рот»

В. Бобров

«Королева джунглей»

ВОКРУГ СВЕТА

В. Романенко

«Вьюжная Америка»

А. Давид-Незль

«Путешествие парижанки в Лхасу»

Л. Грин

«Острова, не тронутые временем»

М. Эрцог

«Аннапурна»

Т. Хейердал

«Аку-аку»

Ф. Моуэт

«Испытание льдом»

В. Фукс, Э. Хиллари

«Через Антарктику»

Б. Шанько

«Под парусами через два океана»

С. Кулик

«Черный феникс»

Н. Пржевальский

«Путешествия по Азии»

Т. Хейердал

«Экспедиция «Кон-Тики»

Новинки:

А. Брем

«Путешествие по Африке. 1847 — 1852 гг.» (В 2-х томах)

Сборник

«Тигр снегов»

В. Корочанцев

«Мадагаскар — остров загадок»

Готовится к печати:

Вс. Овчинников

«Сакура и дуб»

Вс. Овчинников

«Вознесение в Шамбалу»

Все краски мира в «Зеленой серии»

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Основана в 1994 году.

До конца 1998 года
выпускалась
издательством
АРМАДА

Д. Эттенборо

Ж.-И. Кусто

Ж.-И. Кусто

О. Леопольд, Д. Маккланг

Дж. Даррелл

Дж. Даррелл

А. Севастьянов

Дж. Даррелл

А. Смит

Дж. Даррелл

А. Карр

А. Онегов

Дж. Даррелл

В. и Ю. Смиринь

С. Полозов

Л. Котлоу

П. Мариковский

Дж. Хантер

Ж.-А. Фабр

Ж.-А. Фабр

В. Корочанцев

П. Мантейфель

Ж.-П. Халле

«К югу от экватора»

«Могучий властелин морей»

«Живое море»

«Исчезающие животные
Америки»

«Рози — моя родня»

«Новый Ной»

«Мой знакомый медведь»

«По всему свету»

«Две горсти песка»

«Гончие Бафута»

«Наветренная дорога»

«Планета-тайга»

«Земля шорохов»

«Звери в природе»

«Фасциатус»

«Занзабуку»

«Неожиданные встречи»

«Охотник»

«Жизнь насекомых»

«Осы-охотницы»

«Голоса животных и
растений»

«Рассказы натуралиста»

СЕРИЯ «ВОКРУГ СВЕТА»

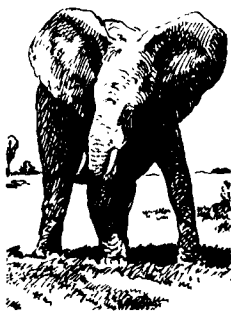
Альфред БРЕМ

Путешествие по Африке

1847 – 1852

в 2-х томах

Сеннар, Россерес, Кордофан, Нубия, Судан – страны, полные загадок, экзотических животных и растений, где народы живут по древним законам и обычаям, – издавна привлекали путешественников. В середине XIX века барон Джон фон Мюллер, авантюрист, забияка и аферист, организовал научную экспедицию в Северо-Восточную Африку.. Получилась она не очень удачной, и о ней давно бы благополучно забыли, если бы барон не пригласил в качестве орнитолога

недавнего выпускника строительного колледжа, Альфреда Брема. Будущий знаменитый автор «Жизни животных», несмотря на трагические происшествия и многочисленные трудности, не только блестяще справился с возложенной на него задачей, но и написал увлекательную книгу об этом путешествии. Мир, который он так талантливо описал, ушел вместе с XIX веком в далекое прошлое. Тем интереснее в начале XXI века прочесть о людях, событиях и животных той далекой эпохи.

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Владимир Бобров

Королева джунглей

Если составить хит-парад животных, которых больше всего боятся люди, наверняка первое место в нем займут змеи.

Ни об одном животном на земле не столько мифов и легенд, как о змеях. Люди боятся их, но в то же время с глубокой древности обожествляют, поклоняются и используют их яд для исцеления. Больше всего легенд связано с королевской коброй, названной Владимиром Бобровым Королевой джунглей, но книга не только о ней...

«Королева джунглей» — это увлекательные рассказы-наблюдения за животными, которых автору приходилось встречать и изучать в его многочисленных путешествиях по пустыням Кызылкум и Гоби, дебрям Уссурийского края, джунглям Индии и Вьетнама, саваннам Австралии.

З Е Л Е Н А Я С Е Р И Я

Дорин Тови

Кошки в доме

Начало этой истории было прозаическим — в доме Дорин и Чарльза завелись мыши. Чтобы избавиться от этой напасти, был выбран самый простой и действенный способ — сиамская кошка.

На мышей она большого впечатления не произвела, но хозяев дома поразила в самое сердце... Отныне все их свободное время, внимание и любовь были отданы блюпойнту Саджи и ее отпрыскам — коту Соломону и кошечке Шебе.

И не зря! Общение с представителями кошачьего племени вдохновило Дорин Тови на создание замечательных книг «Кошки в доме» и «Кошки в мае» от которых невозможно оторваться. В них есть все — и легкий английский юмор, и добродушная насмешка над собой, и масса уморительных и полезных сведений и подробностей о поведении животных и людей.

З Е Л Е Н А Я С Е Р И Я

Дж. Корбетт

*Наука
джунглей*

В Индии Джим Корбетт личность легендарная. Большую часть своей жизни он проработал подрядчиком на индийской железной дороге, но прославился как непревзойденный охотник на хищников-людоедов и защитник обездоленных.

С детских лет Корбетт изучал сложную науку джунглей — как отыскать съедобные корни и клубни, какие цветы и плоды могут заменить чай или кофе, кора каких растений спасает от лихорадки и нарывов, как не натереть ногу и избежать солнечного удара, что сделать при укусе змеи или расстройстве желудка... Джим Корбетт рано понял, что джунгли не прощают легкомыслия и невежества. Все это помогло ему выходить победителем из противостояния с жизненными трудностями. Он не дрогнул, встретившись один на один с тиграми-людоедами, на счету которых были десятки и сотни жертв.

В данный сборник вошли повести «Моя Индия», «Наука джунглей», «Храмовый тигр».

Ия увидела Сили в тот самый момент, когда он описывал в воздухе дугу, а затем с омерзительно громким хлопком шлепнулся на самую середину двора, торопливо вскочил и бросился наутек. Он даже не ушибся!..

«Все идет заведенным порядком, – изрек Чарльз вечером. – Соломон как-то раз выпрыгнул из окна спальни и приземлился на гортензии, а вот теперь Сили спрыгнул с крыши угольного сарая...»
Такого ужаса я давно не испытывала...
Может, Сили и сохранил свои девять жизней, но я наверняка потеряла одну из моих!

Дорин Тови

ISBN 5-7107-6930-4

9 785710 769300